

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Минский государственный лингвистический университет

ЯЗЫК–СЕМИОТИКА–КУЛЬТУРА

Сборник научных статей
по итогам международной научной конференции

Минск, 20–21 ноября 2023 года

В двух частях

Часть первая

Минск
МГЛУ
2024

УДК 81+81'22+81:378(063)

ББК 81я43+95.4

Я 41

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 2/72 от 05.07.2024 г.

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент Л. И. Копань (БГЭУ); кандидат филологических наук, доцент Е. Г. Карапетова (МГЛУ)

Редакционная коллегия: А. М. Дудина (*отв. редактор*), Л. Г. Бондарчук (*зам. отв. редактора*)

Я41 **Язык–Семиотика–Культура** : сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. конф., Минск, 20–21 нояб. 2023 г. : в 2 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол. : А. М. Дудина (отв. ред.), Л. Г. Бондарчук (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2024. – Ч. 1. – 220 с.

ISBN 978-985-28-0279-6 (Ч. 1)

ISBN 978-985-28-0278-9

Сборник включает научные статьи по результатам международной научной конференции «Язык–Семиотика–Культура», посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Владимира Васильевича Макарова, которая состоялась 20–21 ноября 2023 г. в Минском государственном лингвистическом университете.

В сборнике представлены исследования в области романского, германского, славянского, китайского языкознания. Проблематика научных статей затрагивает лингвокогнитивные и лингвокультурологические направления современной науки о языке, функциональный аспект семиотики культуры, вопросы современного переводоведения и лингвистического образования. Также представлены статьи молодых исследователей (студентов, магистрантов), посвященные европейским языкам.

Для научных работников, аспирантов и широкого круга специалистов в области романской, германской, славянской, китайской филологии, общего и сравнительного языкознания,

УДК 81+81'22+81:378(063)

ББК 81я43+95.4

Электронная версия издания
доступна в электронной библиотеке МГЛУ
по ссылке e-lib.mslu.by или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0279-6 (Ч. 1)

ISBN 978-985-28-0278-9

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник научных статей подготовлен по материалам выступлений участников II Международной конференции «Язык-Семиотика-Культура», посвященной памяти доктора филологических наук, профессора, Владимира Васильевича Макарова, которая прошла в МГЛУ 20-21 ноября 2023 года. Само название конференции позаимствовано из заголовка его фундаментального труда, в котором отражены три основных направления языкознания конца XX-начала XXI вв., обусловивших основной принцип современной лингвистики – интердисциплинарность.

Тезис о том, что язык как система знаков является орудием создания, развития и хранения культуры конкретного этноса, существующего в поликультурном мире, Владимир Васильевич как полиглот, известный деятель в области науки и культуры, дипломат реализовал в гармоническом сочетании профессиональных и личностных качеств. Основная научная идея В. В. Макарова, состоящая в том, что язык осуществляет семиотизацию культурных смыслов в семантику языковых знаков, была продолжена и развита в работах многих лингвистов и его многочисленных учеников.

Сборник состоит из трех частей, каждая из которых подразделена на несколько научных направлений в соответствии с обсужденной проблематикой. Тематика пленарного заседания сформулирована таким образом, чтобы объединить ученых и начинающих исследователей в полемическом поле, в котором органично связались вопросы семиотической обработки устной речи мозгом, гендерной номинации, взаимосвязи античности и современности посредством метафорфизма древнегреческих констант.

В часть 1 включены научные статьи, связанные с лингвокогнитивными и лингвокультурологическими исследованиями. В части 2 представлены научные статьи, посвященные переводческой проблематике, семиотике культуры в функциональном аспекте, а также вопросам современного лингвистического образования. В части 3 публикуются статьи молодых исследователей: студентов и магистрантов.

В создании сборника приняли участие более 150 исследователей из разных уголков постсоветского пространства: специалисты из 58 высших учебных заведений Российской Федерации, Азербайджана, Молдовы, Узбекистана. В их числе Азербайджанский университет языков, Балтийский федеральный университет им. И.Канта, Воронежский государственный университет, Кубанский государственный университет, Московский городской педагогический университет, Московский государственный лингвистический университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Тульский государственный педагогический институт и др. В целом, предлагаемый сборник научных статей являет собой весьма представительный, насыщенный интересными и плодотворными идеями итог работы не только ученых и аспирантов МГЛУ, но и представителей научных коллективов как многих известных российских университетов, так и лингвистов из постсоветских республик, что свидетельствует об интенсивном научном сотрудничестве и высоком уровне исследований проводимых на общем постсоветском пространстве.

Н. С. Евчик (Минск, Беларусь)

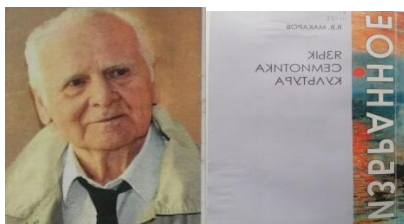
ВЫСШИЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБОБЩЕНИЯ ПРОСОДИИ КАК ОСНОВА СЕМИОТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ УСТНОЙ РЕЧИ МОЗГОМ

Статья рассматривает актуальную для современной лингвосемиотики проблему – развитие теории внутриязыкового анализа с позиций выявления фактов, существенных для означивания речевого сообщения. Таковым выступает раскрытие семиотической деятельности мозга по формированию высших символических обобщений просодии. Исследование демонстрирует, как мозг формирует такие обобщения, которые несут знаковую функцию при восприятии устной иноязычной речи на разных этапах освоения языка. Доказательством реальности достигаемого эффекта служат количественные данные эксперимента, выполненного на материале французского языка.

Ключевые слова: семиотика; зональное строение мозга; просодия речи; управление формированием языковых амодальных обобщений; понимание иноязычной речи на слух.

The article examines a relevant for modern linguosemiotics problem of the development of the theory of intralinguistic analysis from the point of identifying facts essential for the signification of a speech message. As such stands the revelation of the semiotic activity of the brain in the formation of higher symbolic generalizations of prosody. The study demonstrates how the brain forms generalizations that fulfil a sign function in the perception of oral foreign language speech at different stages of language acquisition. The reality of the achieved effect is proved by the quantitative data of the experiment performed on the material of the French language.

Key words: semiotics; zonal structure of the brain; speech prosody; control of the formation of linguistic amodal generalizations; understanding of foreign speech.

Перед нами фотография профессора Владимира Владимировича Макарова. Вся поза, выражение лица, глубокий и в то же время устремленно-проницательный взгляд говорят о том, что он, наряду со всей своей важной международной и государственной деятельностью, был и всегда оставался человеком науки. Известно, что в течение шести лет (1978–1984) В. В. Макаров – постоянный представитель Белорусской ССР при Организации Объединенных Наций по вопросам образования науки и культуры. В системе образования были признаны его эрудиция, интеллектуальные и организационные качества: работал зав. кафедрой иностранных языков БГПУ имени Максима Танка, заведующим кафедрой общего и славянского языкознания БГУ,

заведующим кафедрой испанской лексикологии МГПИЯ. Являлся проректором по научной работе и ректором нашего университета, профессором кафедры лексикологии французского языка.

По опубликованным работам мы видим, что как ученый В. В. Макаров был постоянно занят своим научно-лингвистическим развитием. Защитив в 1972 году докторскую диссертацию на тему «К проблеме семантической дифференциации романских языков», он затем расширил круг своего оригинального исследования мира до той глобальной темы, название которой мы видим на обложке его фундаментального труда: ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА [1]. Его любимыми авторами-собеседниками на страницах этого издания были такие всемирно известные лингвисты, как Фердинанд де Соссюр, Эухенио Косериу, Эмиль Бенвенист, Эрик Бюиссанс, Луи Прието.

В разделе «Семиотические аспекты культуры. Две тенденции в семиотике [1, с. 99 – 106], обсуждая сложность становления самого объекта исследования, Владимир Васильевич пишет: «Семиотика часто определяется как наука, изучающая системы знаков в природе и обществе. ...различные области общественной жизни по-разному нуждаются в семиотическом обеспечении. По этой причине соответствующие им знаковые образования очень часто резко отличаются друг от друга не только инвентарем своих единиц или внутренней организацией, но и мерой их социальной признанности, и в конечном счете, функциональной мощности (сравни естественный язык и такое знаковое образование, как «язык цветов»)». И далее, проследившая изложенную мысль о сложности развития семиотики, Владимир Васильевич излагает ее проблемность в лингвистике, согласовывая перспективы снятия ее с позицией Э. Бенвениста: ««... Бенвенист говорит о парадоксальности положения, при котором развитие семиотики языка было задержано «самим орудием ее создания – знаком. Нельзя было отказаться от идеи языкового знака без того, чтобы тем самым не отбросить самую важную особенность языка» [1, с. 89]. Он объявляет о завершении того этапа семиотики, который базировался на постулатах Соссюра, и приближающемся периоде «второго поколения» семиотики. По его мнению, этот переход должен быть основан на отказе от понятия знака как единственного принципа, от которого зависит и структура языка, и его функционирование. Для этого необходима новая теория, которая ориентировала бы внутриязыковой анализ не только на собственно знаки, но и на факты означивания в плане речевого сообщения»».

Совершение столь востребованного для развития теории семиотики внутриязыкового анализа с позиций поиска фактов, важных для означивания плана речевого сообщения, видится нам продуктивным в обращении к насущным проблемам лингвокогнитологии.

Обращение к когнитивной парадигме исследований позволяет ставить акцент на изучении языковой способности человека в плане раскрытия семиотической деятельности его мозга. При этом следует учитывать, что, если анализ процесса речепроизводства получил в научной литературе широкое освещение, то процесс восприятия ставит ряд вопросов, требующих

экспериментального изучения речевого поведения человека с привлечением данных из смежных с лингвистикой наук: психологии, физиологии, нейрологии. Анализ в аком ракурсе открывает перспективу осветить процедуральность перцептивной реконструкции смыслового содержания звучащей речи в мозге.

Известно, что в своём взаимодействии с чувственно воспринимаемым миром человек «отражает» окружающую его среду отнюдь не монолитно: он членит её соответственно своей собственной интерпретации, выделяет её релевантности для осуществления эффективной коммуникации и фокусирует свои ресурсы восприятия на наиболее важной и соответствующей ситуации перцептивной информации. Реконструкция смыслового содержания звучащей речи в мозге человека происходит в результате структурирования, членения поступающей информации на линейные кванты-последовательности – определённые единицы, характеризующиеся семантико-синтаксической целостностью, которая выражается средствами просодии.

Значимость просодии в выражении смысла высказывания научно доказана. Являясь функциональным феноменом, просодия выполняет решающую роль в передаче смысла сообщения: в любом языке она системна, так как для передачи задуманного смысла говорящие облачают свои мысли в определенные просодические структуры, свойственные каждому данному языку. Так компоненты просодии берут на себя функцию механизма организации высказывания, проявляя себя в двух аспектах: продуцирования речи, структурируя текст на смысловые единицы, и восприятия речи, ведущему к ее искомому пониманию.

Возникает ряд вопросов, важных для ясности изложения. По какому же принципу происходит перцептивное выделение необходимых для понимания смысловых единиц? Что служит перцептивной опорой при декодировании информации? Что в звучании речи выступает для адресанта в качестве когнитивных ключей, открывающих путь к пониманию смысла?

Нашими исследованиями установлено, что таковыми выступают высшие символические обобщения просодии – итоговый результат работы речевой функциональной системы человека. Они представляют собой когнитивную реальность в виде сформированной в памяти индивида системы эталонов: фонологических обобщений ритмико-мелодических структур, слоговых структур, фонем и перцептивных правил сличения с ними. Формирование этих эталонов носит уровневый характер, обусловленный зональным строением мозга, и проявляется в иерархических этапах языкового развития индивида: доречевом, речевом и собственно языковом.

На доречевом и речевом этапах в первичных (проекционных) и вторичных ассоциационных (гностико-праксических) зонах мозга создаются модально-маркированные обобщения слухо-зрительно-тактильного речевого гнозиса и артикуляторного праксиса. И только их интеграция в не имеющие модальности – амодально-структурированные обобщения, которые создаются в третичных – символических зонах мозга, соответствует собственно языковому развитию индивида.

Процедуры наших экспериментов позволяют осознать фундаментальную значимость биологических модальностей восприятия речи для достижения нормативных символических обобщений просодии при ее перцептивной обработке зонами мозга. Опираясь на знания из смежных с лингвистикой наук о том, что семиотическая обработка устной речи связана с деятельностью различных участков мозга, поясним, что при специфике долей коры головного мозга (*cortex cerebri*), состоящем из слоя серого вещества толщиной в 1,3 – 4,5 мм, покрывающего периферию полушарий, ведущее значение в этой процедуре имеют четыре доли: лобная, височная, теменная и затылочная. При этом лобные извилины участвуют в образовании собственно устной речи, теменная доля отвечает за понимание речи, затылочная доля – за усвоение буквенного кода речи и графического изображения просодии, а височные извилины – за процесс восприятия, в том числе и просодии, звучащей речи.

Научные данные в области нейропсихологии речи послужили основой для нашей гипотезы о возможности воздействия на зоны мозга, ответственные за переработку информации о просодии и предположить возможность управляемого формирования ее высших символических обобщений. Суть данной гипотезы состояла в том, что целенаправленное использование информации о просодии в разных биологических модальностях позволит создать ее высшие символические обобщения, служащие индивиду для адекватной семиотической обработки иноязычной речи в процессе декодирования ее смысла.

Для проверки валидности данной гипотезы была поставлена задача исследовать результаты формирования символических обобщений просодии французского языка в дифференцированных условиях: а) при традиционном лингводидактическом использовании образовательного языкового материала (контрольная группа); б) при обращении к резервным возможностям индивида (основная группа) через подачу просодии французского языка в разных биологических модальностях для расширения возможностей интегративной деятельности мозга по трансформации сенсорных кодов этих модальностей в амодальностные символические обобщения высшего уровня центральной нервной деятельности.

Представим в сжатой форме результаты пролонгированного эксперимента длительностью в девять месяцев второго учебного года языковой подготовки в специальном ВУЗе (МГЛУ), выполненного в 4 этапа. Благодаря фиксации данных и их детальному анализу, при четко выраженной общей тенденции к одинаковому реагированию испытуемых на расширение поля перцепции просодии, нам удалось выявить не только общегрупповые, но и, что весьма важно, – их индивидуальные особенности. О динамике формирования индивидуального восприятия на каждом этапе эксперимента позволяет судить диапазон значений адекватно идентифицированных акцентных единиц: их плотность по мере развития эксперимента последовательно увеличивается, выражаясь все меньшими цифровыми показателями (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Количество неадекватно понятых смысловых единиц испытуемыми
на разных этапах эксперимента, %

Группы испытуемых	Этапы эксперимента	Тесты, №	Количество испытуемых, %	Неадекватно понятые смысловые единицы			
				среднее значение	общее среднее значение	индивидуальный диапазон значений	
основная	I	1	17	44,7	31,9	39,6–49,6	
			50	30,4		25,0–37,5	
			33	20,5		18,7–21,9	
	II	7	23	28,1	19,2	26,0–30,2	
			77	10,3		3,8–19,6	
III	18	100	2,2	2,0	0–4,0		
IV	27	100	1,8		0–3,4		
контрольная	заключительный тест	30	17	5,6	9,1	5,3–6,0	
			50	13,5		12,9–14,7	
			33	8,2		7,0–9,4	
			67	37,6		42,0	36,5–40,6
			33	46,5			45,9–47,0

Своим успехом полного понимания иноязычных текстов на III и IV этапах эксперимента (2,0% погрешностей соответствует 100,0% идентификации содержания) основная группа несомненно обязана использованию полисенсорной информации для формирования языковых обобщений. Эффективность данного процесса для совершенствования общих и индивидуальных параметров перцептивной базы языка испытуемых подтверждается при сравнении с показателями контрольной группы, занимавшейся по аналогичной программе с применением традиционных методик. На заключительном тесте эксперимента они выявили результат понимания смысла, который может быть сравнен только с наименее успешным в основной группе на I этапе эксперимента (42,0 % и 31,9% ошибок соответственно). В целом это в 4,6 раза ниже по сравнению с показателями заключительного теста, полученными в основной группе (9,1% ошибок) на фоностилистически сложном тексте аутентичного французского радиовещания. Обращает на себя внимание, что индивидуальный диапазон значений у испытуемых контрольной группы, выражаясь значительными цифровыми показателями, не имеет большого разброса, что говорит о его не случайном, а закономерном характере.

Так обращение к насущным проблемам лингвокогнитологии позволяет получить в ее рамках факты означивания плана речевого сообщения, которые проливают свет на возможность высокоэффективного управления у индивида процедурой перцептивной обработки просодии иноязычной речи. Экспериментально выявленный нами факт делает очевидным научный вывод о том,

что данная процедура управления приводит к созданию семиотически значимых элементов просодии – ее высших символических обобщений, значимость которых состоит в том, что, будучи сформированными и сохраненными в лингвистически специфицированных зонах центральной нервной системы, они востребуются по тем же правилам для семиотической деятельности мозга с целью достижения беспрепятственного понимания с первого предъявления новых иноязычных сообщений самой высокой фоностилистической сложности.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Макаров В.В. Избранное: Язык. Семиотика. Культура: сборник научных статей. Минск: МГЛУ, 2014. 235 с.

В. В. Катермина (Москва, Россия)

ГЕНДЕРНАЯ НОМИНАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются когнитивно-прагматические особенности гендерной номинации человека в англоязычном неологическом дискурсе. Проведенный анализ данных электронных словарей позволил выявить влияние неологизмов на ценности англичан. В основу анализа положены лингвистические, интерпретационные методы и приемы, позволяющие обобщить результаты человеческого познания, зафиксированные в английских неологических единицах языка, отражающих гендерную составляющую.

Ключевые слова: гендер; номинация; неологический дискурс; английский язык; когниция; прагматика; оценка.

The article deals with the cognitive and pragmatic features of the gender nomination of a person in the English neological discourse. The analysis of the data of electronic dictionaries made it possible to reveal the influence of neologisms on the values of the English people. The analysis is based on linguistic, interpretative methods and techniques that allow to generalize the results of human cognition recorded in English neological units of the language reflecting the gender component.

Key words: gender; nomination; neological discourse; English; cognition; pragmatics; evaluation.

Важность номинации, поиска вербального соответствия тому или иному факту действительности для познания окружающего мира и осознания себя в нем переоценить трудно. Человек понимает и осознает лишь то, что может адекватно назвать, и в зависимости от того, как называет, определенным образом воспринимает мир и себя как часть этого мира.

По утверждению отечественных лингвистов, «человек представляет собой центральное и универсальное понятие как в концептуальной, так и в языковой модели мира.

Наименование лица, как свидетельствует анализ его семантики и функционирования, занимает особое положение в системе языка, поскольку оно номинирует субъект языкового общения» [1, с. 6].

Современный подход к неологии предполагает её рассмотрение более широко – «как особой отрасли теории языка, которая изучает инновационные лингвистические, социолингвистические, психолингвистические и прагматические процессы на различных языковых уровнях, их взаимосвязь с социальными и технологическими изменениями, обуславливающими языковую динамику; как сложный процесс создания, идентификации и адаптации тех или иных новых лексических единиц в языковом сознании говорящих и для достижения большей экспрессивности устной и письменной речи» [2, с. 63-64].

Новые слова и выражения создаются в соответствии с отражённым в языковых нормах общественным менталитетом. Словообразование имеет когнитивный характер – оно становится способом создания и отображения культурных концептов, категоризации элементов окружающего мира, создания порядка из беспорядка. Содержание неологизмов отражает степень познания человеком мира в период их создания, поэтому изучение неологизмов определённой эпохи позволяет сделать выводы о специфике познания [2, с. 73-74].

В настоящее время гендерные аспекты заняли весомое место в научных изысканиях различных отраслей гуманитарного знания, в том числе в гендерной лингвистике – дисциплине, в центре исследования которой находится гендер – «социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола» [3, с. 2]. Гендерная лингвистика конкретизирует мысль Ю. С. Степанова о том, что «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка» [там же, с. 2], пытаясь доказать, что язык скроен по гендерной мерке человека, и наличие людей разного пола манифестируется в языке.

Материалом для исследования послужили электронные неографические источники.

Человеческое общество включает в себя два начала: мужское и женское. Мужское начало принято считать «более агрессивным, дерзким, сдержанным, а женское – более эмоциональным, хитрым, послушным. Отношение общества к мужчинам и женщинам, представления о мужских и женских качествах, их социальное поведение и взаимоотношения между собой переводят проблему пола из области биологии в сферу культуры и социальной жизни [4, с. 59].

Языковой материал позволил выделить неонимации, связанные с человеком, в структуре которых присутствуют компоненты «возраст», «семья», «социальный статус», «профессия». Подавляющее большинство анализируемых неологических единиц обладает компонентом «возраст» и «семья» (70%).

Так, среди фемининных неологизмов с семей «возраст» присутствуют единицы, в значении которых появляется дополнительных компонент «привлекательная внешность» (*booth babe* – ‘стендовый ребенок’ «an attractive young woman hired to stand at an exhibition booth to attract visitors»); «семейное положение» (*PANK* ‘женщина без детей, обожающая своих племянников и племянниц’ «a woman without children who dotes on her nieces and nephews [from the phrase professional aunt no kids]»), *birth striker* ‘женщина, которая предпочитает не иметь детей, потому что обеспокоена тем, что население мира слишком велико’ «a woman who chooses not to have children because she is concerned about the world’s population being too big; maternity tourist ‘беременная женщина, которая едет в другую страну специально для того, чтобы воспользоваться ее услугами по беременности и родам’ «a pregnant woman who travels to another country specifically in order to take advantage of their maternity services»); «профессиональное положение» (*air nanny* ‘воздушная няня’ «a woman whose job is to take care of a particular family’s children during a flight»), *momtern* ‘мамин срок’ «a woman who does work experience in a company with the aim of returning to paid employment after a period of staying at home with her children»).

Отметим единицы, называющие женщин среднего возраста, интересы и поведение которых похоже интересы и поведение молодых людей (*midult* ‘женщина на среднем этапе взрослой жизни, чьи интересы больше связаны с интересами молодых людей’ «someone, especially a woman, in the middle stage of adulthood who has interests more associated with those of younger people»); *perennial* ‘многолетний’ «a middle-aged woman whose behaviour, interests and attitudes are traditionally thought to be those of younger women»).

Возраст женщин также связан с насыщенным образом жизни, желанием стильно одеваться и веселиться (*Queenager* ‘женщина среднего возраста и старше, которая ведет насыщенную жизнь, стильно одевается и любит веселиться’ «a woman of middle age or older who leads a busy life, dresses stylishly and enjoys having fun»); *the Elastic Generation* ‘группа женщин в возрасте от 50 до 70 лет, которые обеспечены и имеют широкий круг интересов, которых рекламная индустрия рассматривает как потребителей, которые, вероятно, потратят много денег на продукты, путешествия и т. д.’ «the group of women aged between 50 and 70 who are well off and have a broad range of interests, seen by the advertising industry as consumers who are likely to spend a lot of money on products, travel etc.»).

Ключевая сема «семейное положение» в основном указывает на стиль воспитания (*tiger mother* ‘мать-тигрица’ «an ultra-strict mother who demands academic and behavioural excellence»), *momager* ‘мать-менеджер’ «a mother who manages the career of one or more of her children»), *momtune* ‘сообщество матерей’ «a group of mothers who live together with their children, sharing possessions and responsibilities»).

Отдельно выделим неологические единицы с дополнительным компонентом «привлекательная внешность» (*momshell* ‘привлекательная мама’ «a very attractive and glamorous new mother, usually a celebrity»), «профессиональный компонент» (*mumblogger* ‘мать, которая ведет блог на темы, интересующие других матерей’ «a mother who blogs about topics of interest to other mothers»), *chauffeur mum* ‘мать, которая живет в районе, где общественный транспорт практически отсутствует или практически отсутствует, и тратит много времени на то, чтобы возить своих детей в школу и обратно, а также в другие места’ «a mother who lives in an area with little or no public transport and spends a lot of time driving her children to and from school and other places»); а также номинацию «суррогатной матери» (*gestational carrier* ‘суррогатная мать’ «a surrogate mother») и сленгового наименования (*mudda* ‘мать’ «a slang word for mother»).

В состав данной группы входят и единицы с компонентом «жена» и «подруга» (*TWAG* ‘профессиональная жена или подруга’ «tech wife and girlfriend: the wife or girlfriend of a entrepreneur in the technology industry», *Slotus* ‘жена вице-президента США’ «second lady of the United States: the wife of the vice-president»).

Немногочисленная группа неологических единиц, номинирующих женщин, также включает в себя компонент «женский/female», дополнительным семами которых являются «межличностные отношения» (*ladybro* ‘подружка’ «a female friend [usually of another woman]», *groomsmaid* ‘подружка жениха’ «female friend of a man who is getting married who has special duties at the wedding»); «профессия» (*songstress* ‘певица’ «a female singer», *Instagirl* ‘модель Инстаграмма’ «female model who has a large number of followers on Instagram, a social media site for sharing photographs»).

Маскулинные неологизмы с компонентом «возраст» включают в себя следующие дополнительные семы: «внешность» (*femiman* ‘мужчина, похожий на женщину’ «refers to a man with very feminine looks», *lumbersexual* ‘ламберсексуал’ «a man who affects a hearty, outdoorsy style of dress»); «хобби, увлечения» (*gastrosexual* ‘гастросексуал’ «a man who enjoys cooking, especially as a form of seduction», *sew bro* ‘мужчина, любящий шить’ «a young, fashionable man who enjoys sewing and making his own clothes»; *MAMIL* ‘МАМИЛ’ «a middle-aged man who is a devotee of cycling or some other sport that requires or encourages the wearing of Lycra»); «профессия» (*dadpreneur* ‘отец-бизнесмен’ «a man who creates a business connected with fatherhood»; *dead white (European) male* ‘европеец’ «a man, especially a writer or artist, whose achievements may have been overestimated because he belonged to the gender and ethnic group (male and white) that was dominant at the time»; *Vobu* ‘бизнес, ведущий богемный образ жизни’ «a businessman who leads a bohemian lifestyle»).

Малочисленная группа маскулинных неологизмов с компонентом «семейное положение» включает такие единицы, как *HAB* ‘муж знаменитой спортсменки’ «the husband or boyfriend of a famous sportswoman», *wasband* ‘бывший муж’ «a former husband».

Отметим также и неологическую единицу с компонентом «мужской/male»: *walker* ‘платонический друг’ «a platonic male friend with whom to go for walks, to the theatre, etc».

Итак, гендерные отношения являются «важным аспектом социальной организации. Они особым образом выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между говорящими субъектами. Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение, в том числе и речевое, личности и на процессы ее языковой социализации» [5, с. 17].

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Катермина В. В. Номинации человека в лексике и фразеологии. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. 91 с.
2. Катермина В. В., Липириди С. Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. 230 с.
3. Сюй Шаньшань Языковая репрезентация гендерных ценностей в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018. 28 с.
4. Лысикова И. В., Файзиева Г. В. Генезис проблематики гендерных исследований в лингвистике // Вестник Калмыцкого университета. №1(57). 2023. С. 59–65.
5. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 252 с.

А. А. Романовская (Минск, Беларусь)

ВЗАИМОСВЯЗЬ АНТИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ: МЕТАМОРФИЗМ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ КОНСТАНТ

Древнегреческие константы формируются на основе мифологической аксиологичности античных символов и характеризуются устойчивостью и постоянством. Метаморфизм древнегреческих констант обнаруживается при анализе семантико-прагматических функций античных символов в современном художественном тексте. Мифологическое содержание античных символов является базой, на которой происходит переобразование мифологического смысла, что оказывает влияние на константную переорганизацию античных символов.

Ключевые слова: античный символ; мифологическая аксиологичность; переобразованный смысл; константа; метаморфизм констант.

Ancient Greek constants are formed on the basis of the mythological axiology of ancient symbols and are characterized by stability and constancy. The metamorphism of ancient Greek constants is revealed in the analysis of the semantic and pragmatic functions of ancient symbols in a modern literary text. The mythological content of ancient symbols is the base on which the re-formation of the mythological meaning takes place, which affects the constant re-organization of ancient symbols.

Key words: ancient symbol; mythological axiology; re-formed meaning; constant; metamorphism of constants.

Вместе с традиционными задачами, ориентированными на изучение языка изнутри, в его системном облике, вот уже несколько десятилетий формируются многочисленные новые установки науки о языке. Среди них выделяются, комплексы вопросов, связанных с такой проблематикой, которая иногда воспринимается как вторжение в чуждые и разнородные области знания, отмечает профессор В. В. Макаров, особо подчеркивая интерес к культурно-историческому аспекту, проблемам взаимодействия вербальных и невербальных способов отражения особенностей культуры, культурно обусловленным явлениям в языке [1]. Изучение взаимодействия языка и культуры, взаимосвязи языка и национально-культурных особенностей представляет важную исследовательскую область в лингвокультурологической парадигме современной лингвистики.

Античные символы являются универсальным средством выражения смыслов культуры, ее идей и ценностей, представляют ту важную часть языкового мира, в которой проявляются общечеловеческие универсальные темы. Благодаря языковой закреплённости в имплицитной семантике античных символов знания прошлого хранятся в социально-культурно-исторической памяти поколений. Лингвистическое истолкование через античный символ соотношения литературно-художественной практики и античного основания современной культуры способствует развитию концептуальных оснований символической реальности языка, соотношения языка и речи, языка и культуры, интерпретации текста, установлению ценностно-смысловых ориентиров человеческого бытия.

Античные символы как особые языковые знаки возникают на основе классического эллинского текста путем метафорического переосмысления всего, что для древних было результатом познания и что нашло отражение в мифах и мифопоэтическом творчестве. Символ представляет единство определенного мифологического содержания (означаемого) и его иконического отражения в форме вербально выраженного означающего. Означающее символа – наименование мифологической реалии. Означаемое репрезентирует понятие, основанное на образе и выявляемое посредством метафоры на основе мифа. Другими словами, план его содержания имеет двойственную природу: с одной стороны, символ отражает и конструирует миф/мифологическое содержание, а с другой – образ его иконы/иконическое содержание. В этой связи он обладает рядом лингвистических характеристик, актуализующих данное единство, в том числе: метафоричность (идущая от мифа) и образность (идущая от иконы), диспонибельность/готовность к употреблению (от мифа) и мотивированность (от иконы), конденсационность содержания (идущая от мифа) и языковая знаковость (от иконы).

Истинность природы античного символа в том, что его интенционал формируется как факт древнегреческой культуры на основании классического эллинского текста. Мифологическое значение символа представляет собой ментальную структуру, состоящую из определенным образом связанных смысловых элементов, которые актуализируются в тексте как «семантическое сообщение». Семантические сообщения отражают функции и качества актантов, закреплённые в мифах. Мифемами выражается значимость символа. Мифемы – синтаксические единицы уровня предложения –

структурируются словами с двойным значением (мифологическими тропами). Десигнативное (понятийное) значение античного символа, выявляемое на основе мифем, отражает его первичную мифологическую аксиологичность. На основе мифем в конечном итоге формируются константы, характеризующиеся устойчивостью и постоянством. Но это не значит, отмечает Ю. С. Степанов, что константы предвечные – когда-то их не было, но с тех пор как они появились, они есть всегда; это не значит, что они неизменные – в них есть неизменная и переменная части [2, с. 7]. Другими словами, константа – это генотипический (типологический, по Ю. С. Степанову) концепт, нечто, существующее панхронически над индивидуальным употреблением.

Античный символ, несущий в себе архаику (историческую память), строится на основе мифологической образности, сокрытой в семантике символа, актуализирующей генотипы – древние образцы как схемы коллективных представлений предшествующего культурного опыта.

Мифологическими реалиями для формирования генотипических образных понятий, на основании которых устанавливается архаическая природа античных символов, являются мифологические боги, герои, культурные герои, демиурги, трикстеры, люди, природные объекты. В содержании античных символов актуализируются генотипы – древние образцы – схемы коллективных представлений о мире, абстрагированные понятия о космосе, пространстве, времени. Генотипические образные понятия формируются посредством метафор на основе мифов и воплощаются в конкретных номинативных и коммуникативных проявлениях – константах. Константы античности формируются генотипическими моделями. Генотипическая модель каждой константы представлена имплицитными смыслами, которые стоят за античными символами.

ГЕНОТИПИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНСТАНТЫ

1) МИФЕМЫ (А, Б, В...) → СЕМЫ (А, Б, В...) → СЕМЕМА

(классема: набор родовых признаков

+

семантема: набор видовых признаков)

↓

СОДЕРЖАНИЕ АНТИЧНОГО СИМВОЛА (1);

2) символ 1 → сема А →

символ 2 → сема А →

символ 3 → сема А →

классема А + семантемы →

константа А

↓

КОНСТАНТНОЕ

ОБЪЕДИНЕНИЕ

символ 1 → сема Б →

символ 2 → сема Б →

символ 3 → сема Б →

классема Б + семантемы →

константа Б

↑

В олимпийской классической мифологии выявляется три универсальных константных объединения: «геройство: геройство/антигеройство», «цивилизация: созидание/разрушение», «любовь» «любовь (жизнь)»/«любовь (смерть)». Так, константное объединение «любовь (жизнь)» включает мифологические константы «целомудрие», «любовь (родственная)», «любовь (взаимная)», «любовь (помощь)», «верность», «дружба», «добродетель», «сила»; константное объединение «любовь (смерть)» – «месть, ревность», «измена», «страдание», «наказание», «обман», «страсть», «грех (инцест)», «презрение к любви», «ненависть».

Такое панхроническое явление может изменяться во времени, оставаясь всегда самим собой. Подобное изменение есть метаморфизм. В определенный исторический момент, момент исторического времени, могут существовать разные формы метаморфизма определенной константы, при этом сама константа есть явление вневременное, панхроническое, а понятие о ней есть типологический концепт [2, с. 543].

Метаморфизм древнегреческих констант обнаруживается при анализе античных символов, функционирующих в художественном тексте как самостоятельно, так и в составе единиц фразеологического типа. Таксономия исследуемого материала производится в соответствии с его константной соотношенностью. Символ как языковой знак, функционирующий в современном художественном тексте, передает смысл, формируемый мифологическим содержанием (интенционал как факт античной культуры на основе классического эллинского текста – мифа), а также смысл, претерпевший концептуальные изменения относительно мифологических значений. Семантико-прагматические функции античного символа заключаются в смыслопорождении, переобразовании мифологического смысла. На основании анализа семантико-прагматических функций античных символов выявляется их вторичная аксиологичность. Вторичная аксиологичность символов есть основание метаморфизма констант.

Античный символ, функционирующий в современном художественном тексте, характеризуется способностью сохранять свою мифопоэтическую семантику, а также стимулировать порождение новых смыслов. Означающими античных символов в современном тексте являются как имена собственные, так и имена нарицательные, в категорию которых переходят мифологические имена. Символы функционируют в тексте как самостоятельные единицы и как ключевые компоненты в составе единиц фразеологического типа. На основании анализа семантико-прагматических функций символов выявляются символические смыслы, устанавливаются новые константные объединения. Так, константное объединение «любовь» отражает сформированные античными символами понятия любви: любовь (чувство): возвышенная любовь, низменная любовь, преданность (дружба), верность, любовь, страсть, взаимная любовь, любовь к себе, счастье (в любви), влечение к чему-то;

любовь (действие): внушение любви, грех (измена), наказание, приключение;
любовь (понимание): сексуальность, целомудрие, нравственная чистота.

1. Любовь (чувство):
возвышенная любовь (*небесная Афродита, Эрот (Эрос, Амур)*)/
низменная любовь (*служительницы Венеры, муза гения, Аспазия, Астарта, гетера*);
преданность (дружба) – *Ахиллес, Патрокл, дружить с Венерой, почта амура*;
верность – *Пенелопа, качества Пенелопы, Бавкида, остаться Бавкидой, Андромаха, муза*;
любовь (*бугры Венеры, Афродита, Эрот, дорога бога Эроса*)/ненависть – *Эдип, Сатурн (Кронос)*;
страсть (*Зевс, гетера, пламень Прометея*)/равнодушие (*гетера, венеры, цереры*);
взаимная любовь (*Дафнис и Хлоя, Эрот и Психея, Пирам и Фисба, Вакх и Ариадна*)/неразделенная любовь (*Амур, Ариадна, Медея*);
любовь к себе (*Нарцисс*) / самовлюбленность (*Нарцисс, нарцисс, комплекс Нарцисса, состояние Нарцисса, нарциссизм, больны нарциссизмом*);
счастье – *Гименей, узы Гименея, послужить Гименею, гипербореи*;
влечение к чему-то – *нарциссический гламур*.

2. Любовь (действие): *Период ухаживания – самый тяжкий период. Мы рабы, а она госпожа. Лени Амур не признает, отойдите, ленивцы. Тяготы все собраны в стане любви (Э. С. Радзинский):*

внушение любви (*Елена, Психея, Леда, Галатей*); соблазн (*Амур, сирены, фавн, Орфеюшко, сатир, Пан, Парис, взгляд фавна, смотреть фавном, пение сирен*);

грех (измена) (*Дафнис, Хлоя*);

наказание (*Хлоя, Амур, Эрот*);

приключение (*амурные похождения, дело Венеры, амур с кем-то, рассказать о своих амурах*).

3. Любовь (понимание): *В русском эротическом дискурсе, как и в нашем языке в целом, явно не хватает «среднего штиля». «Обладал ею» – стиль высокий, ... – низкий, а что будет нейтральным? Медицинский и юридический язык ... явно уходят вниз. Нету нейтралитета в столь принципиальной сфере: либо – либо. А раз приходится выбирать, то я предпочитаю высь (В. Новиков):*

сексуальность (*эдипов комплекс, причина амурного свойства*);

безумие (*обезумевшая менада, весельчак Пан, сатиры, Дионис, Вакх, эротический транс*);

целомудрие, нравственная чистота – *Веста (Гестия), жрицы богини Весты, Единорог, единорог, жить Единорогом*).

Константное объединение «любовь» входит в объединение более высокого порядка, которое установлено на основании анализа всего материала исследования. Константное объединение, в котором отражаются символические смыслы, выявленные посредством анализа семантико-прагматических функций античного символа в современном художественном тексте, представлено в виде двух составляющих: «мир/порядок» vs «мир/беспорядок».

Античные символы и единицы фразеологического типа, связанные через символ с античностью, отражают переобразованный смысл в константных объединениях: «мир/порядок» и «мир/беспорядок».

Константное объединение «мир/порядок» включает константы «порядок/мир/справедливость», «гармония/искусство», «могущество/власть», «творчество/мастерство/талант», «свобода», «геройство/храбрость/смелость», «мудрость/ум», «сила/значительность», «судьба/прорицание», «память/обновление/жизнь», «радость/веселье», «постоянство/предел», «время/связь времен», «слава/победа», «красота (внешняя/внутренняя)», «счастье», «преданность/дружба», «верность», «нравственная чистота», «возвышенная любовь», «помощь». Константное объединение «мир/беспорядок» – «разрушение», «зло/жестокость», «обреченность», «опасность/помеха/угроза», «поражение/безрезультатность», «непостоянство/чрезмерность», «месть», «слабость/незначительность», «покой/забвение/сон/смерть», «стихийность», «хитрость», «антигеройство», «страх/ужас», «грусть/страдание», «уродство (внешнее/идейное)», «безумие», «соблазн», «наказание», «приключение», «сексуальность», «страсть», «самовлюбленность», «низменная любовь».

В константах, выявленных на основании анализа семантико-прагматических функций античных символов в современном художественном тексте, отражаются генотипы, лежащие в основе древнегреческой мифологии. Функционируя в тексте, символ передает мифологический смысл, выявляющий первичную символическую аксиологичность. Кроме того, посредством символа, который является основой для изменения, расширения мифологического содержания в тексте, отражается смысл, переобразованный под влиянием нового языкового окружения. Переобразование устанавливается на основании выявления оценок общего и частного характера, отражающих вторичную аксиологичность античного символа.

Античные символы в современном художественном тексте выполняют функции смыслопорождения, передают универсальный мифологический смысл, а также архаический смысл, преломленный сквозь лингвокультурологическую призму языкового сознания. Ассоциируемые с античностью коннотативные окраски появляются под воздействием нового языкового окружения. Мифологическое содержание античных символов является той базой, на которой изменяются, расширяются значения, происходит «переобразование» мифологического смысла, что оказывает влияние на константную переорганизацию античных символов.

Полученные на основе античного символа данные свидетельствуют о ремифологизации – процессе воссоздания через античные символы архаических корней, свойственных мифологическому сознанию, с целью установления ценностно-смысловых ориентиров человеческого бытия, углубления и обогащения представлений об окружающем мире и месте человека в нем, процесса, в котором античный символ является нитью, восстанавливающей связь времен.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Макаров В. В. Избранное. Язык. Семиотика. Культура сб. науч. ст. Минск : МГЛУ, 2014. 236 с.
2. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1997. 824 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОРПУС КАК ИНСТРУМЕНТ ГЕНЕРАЦИИ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Рассматривается способ автоматической генерации различных учебных материалов по иностранным языкам. Эти материалы могут быть использованы как отдельно, так и для составления учебников и учебных пособий, целью которых является формирование переводческих компетенций. Инструментом исследования является оригинальное авторское программное обеспечение. В качестве исходного «материала» применяются тексты немецкоязычных электронных СМИ. Делается вывод о целесообразности предлагаемого способа.

Ключевые слова: лингвистический корпус; обучение письменному переводу; специальное программное обеспечение; немецкий язык.

A method for automatic generation of various learning materials in foreign languages is considered. These materials can be used either separately or for compiling textbooks and exercise books, the purpose of which is to develop translation competencies. The research tool is original software. Texts from German-language digital media are used as source material. A conclusion is drawn about the feasibility of the proposed method.

Key words: linguistic corpus; translation training; special software; German language.

Корпусные исследования являются стабильно востребованными со стороны научного сообщества в России и за рубежом, поскольку предоставляют ученым надежный языковой материал уже более полувека.

Лингвистические корпуса применяются в настоящее время в контексте лексикографии [1], фразеологии [2; 3; 4], различных диахронических исследований [5; 6; 7], анализа произведений художественной литературы [8; 9; 10].

Немало исследователей работают на стыке корпусной лингвистики и педагогики. Так, В. В. Изюмская, анализируя научные публикации за 2019-2023 гг., отмечает, что теме «Корпусная лингвистика» внутри направления «Цифровизация образования» посвящены 15 % статей на русском и 20 % английском языках, причем подтема «Корпусы в преподавании перевода» разрабатывается в 20 % русскоязычных публикаций, когда как в англоязычных она не затронута вовсе [11, с. 31].

Цель нашей работы – продемонстрировать возможности оригинального программного комплекса для генерации и оперирования лингвистическим корпусом с формальной морфологической разметкой, созданным по правилам библиотеки обработки естественного языка spaCy [12; 13], для быстрого составления качественных учебных материалов (упражнений) для обучения письменному переводу, в нашем случае – с немецкого языка на русский язык.

Принципы работы генератора и корпусного менеджера были описаны нами в ряде предыдущих публикаций [9; 14], поэтому мы остановимся далее только на тех функциях программного комплекса, которые необходимы в рамках настоящего исследования.

Созданный на материале массива текстов немецкоязычных СМИ лингвистический корпус имеет объем 13120 токенов и способен выводить в результате поискового запроса предложения, содержащие части речи с теми или иными грамматическими характеристиками. Например, глаголы в конъюнктиве или в императиве или прилагательные в превосходной форме.

Поиск возможно также осуществлять по одной или нескольким леммам, добавляя к этому критерию еще и требования к их грамматическим признакам. Другой полезной опцией является поиск по последовательностям, которые задаются формулами, например, «артикль + прилагательное + существительное» или «существительное + N любых слов + глагол». При этом для каждого компонента формулы можно задать параметры (падеж, число, род, временная форма и пр.).

Таким образом, параметры поиска могут складываться, образуя большое сочетание и вариативность поисковых запросов.

Приведем примеры двух типов упражнений, которые в рабочем порядке назовем упражнениями *для формирования мгновенной реакции* и упражнениями *с грамматической доминантой*. Они применяются на очном занятии в режиме «преподаватель-группа».

Первое упражнение заключается в том, что преподаватель называет отдельные существительные, а студенты по очереди должны мгновенно назвать перевод (как правило, первым должен придти в голову самый частый вариант перевода этого существительного). Упражнение выполняется в очень высоком темпе.

Сам характер упражнения может подвергнуться объективной критике со стороны приверженцев того или иного метода обучения, но здесь мы сосредоточимся на процедуре подготовки языкового материала для упражнения. Проблема заключается в том, что необходимо собрать большое количество существительных, отделив их от прочего текста. С помощью корпусного менеджера, осуществив поиск по части речи «существительное», мы получили частотный список всех существительных корпуса в следующем виде:

1. *Jahr* : 45
2. *Euro* : 27
3. *Planet* : 25
4. *Erde* : 24
5. *Prozent* : 22
6. *Wasser* : 18
7. *Satellit* : 18

...

1357. *Bord* : 1

(1. 'Город, 2. Евро, 3. Планета, 4. Земля, 5. Процент, 6. Вода, 7. Спутник ... 1357. Борт' – *здесь и далее перевод наш – А.Г., И. Г.*)

Далее посредством небольшой компьютерной программы на Python список «очищается» от цифр, а двоеточия заменяются на запятые; результат выводится в одну строку. На базе этого вывода был сформирован комплект из 44-х упражнений. Приведем ниже первое из них:

Jahr, Euro, Planet, Erde, Prozent, Wasser, Satellit, See, Land, Kilometer, Weiche, Meter, Hai, Tier, Leben, Welt, Stern, Problem, Tag, Elektroautos, Architekt, Fläche, Landschaft, Stadt, Million, Frage, Musik, Mensch, Stunde, Strom, Stelle, Eurozone, Loch, Boden, All, Publikum, Zukunft, Hälfte, Auto, Studierende, Folge, Bagger, Rekultivierung, Gesteinsplanet. 'Год, евро, планета, Земля, процент, вода, спутник, море, земля, километр, стрелка, метр, акула, зверь, жизнь, мир, звезда, проблема, день, электромобили, архитектор, поверхность, ландшафт, город, миллион, вопрос, музыка, человек, час, поток, место, Еврозона, дыра, почва, вселенная, публика, будущее, половина, машина, обучающийся, последствие, экскаватор, рекультивация, твердокаменная планета'.

Для демонстрации процесса получения упражнений второго рода выберем грамматическое явление «придаточные предложения с подчинительными союзами». Для получения необходимых образцов воспользуемся поиском подчинительных союзов, в результате которого мы получим список искомых предложений, которые мы выделили в 16 блоков по десять единиц. Приведем в качестве примера часть блока № 3:

2. *Wenn man doch ins Wasser geht und einen Hai sieht, hat man gute Chancen, unversehrt davon zu kommen, verspricht Kock.* 6. *Solange der Hai nicht selbst angreift, sollte man das auch nicht selbst tun.* 7. *Wenn der Raubfisch zu nahe kommt, hilft oft ein beherzter Schlag, am besten auf die Augen oder die Kiemen.* 8. *„Wenn man nicht weiß, wo Augen oder Kiemen sind, einfach zuschlagen, bevor man lange sucht.“* 9. *Diesen Plan hatten wir genau so lange im Kopf, bis wir Reichweiten recherchierten: 60 Kilometer, 140 Kilometer, 200 Kilometer – das sind die üblichen Zahlen.* 10. *Falls es ein reines Elektroauto ist, bleibt es danach stehen, ein Hybridauto schaltet auf Benzin um.* 2. 'Если вы все-таки зайдете в воду и увидите акулу, у вас есть хорошие шансы выбраться невредимым, – заверяет Кок. 6. Если сама акула не нападает, не стоит делать этого и самостоятельно. 7. Если хищник подплывает слишком близко, часто помогает смелый удар, желательно по глазам или жабрам. 8. «Если вы не знаете, где находятся глаза или жабры, просто бейте раньше, чем найдете». 9. Этот план был у нас в запасе, пока мы не исследовали максимальную дальность: 60 километров, 140 километров, 200 километры – это обычные цифры. 10. Если это чисто электрический автомобиль, то он потом останавливается, гибридный автомобиль переходит на бензин'.

Упражнение также выполняется в группе. Стандартно осуществляется перевод, комментируются применяемые трансформации и иные переводческие трудности.

Мы кратко осветили возможности авторского программного комплекса и показали на двух примерах некоторые из них. Описанный метод, безусловно, имеет свои ограничения, но в то же время и позволяет быстро собрать материал на основе заданного набора текстов. На наш взгляд, эффективным можно было бы назвать решение формировать лингвистический корпус для последующей генерации упражнений на основе текстов, которые уже изучались или будут изучаться обучающимися, реализуя тем самым педагогический принцип повторения.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Балканов И. В. Корпусная лингвистика: новые возможности лексикографии // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 37, № 4. С. 81–86. DOI 10.21779/2542-0313-2022-37-4-81-86. EDN CQINIT.
2. Айкина Т. Ю., Сыскина А. А. Модификация фразеологических единиц с семантическим компонентом “learning” в английском языке // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 6(42). DOI 10.18454/RULB.2023.42.17. EDN KFPJGL.
3. Султанова А. П. Использование корпусных данных в изучении английской фразеологии // Вестник НЦБЖД. 2022. № 4(54). С. 133–140. EDN YTQYZP.
4. Нурзет Ц. С. Б. Проблемы корпусного поиска немецких фразеологизмов в Мангеймском корпусе немецкого языка // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 5(44). С. 575–578. DOI 10.34680/2411-7951.2022.5(44).575-578. EDN CXOMPA.
5. Жолобов О. Ф., Баранов В. А. Трансформации лексического ряда животъ – жизнь – житие: опыт лингвостатистического описания // Вопросы языкознания. 2022. № 2. С. 65–101. DOI 10.31857/0373-658X.2022.2.65-101. EDN LZPBHS.
6. Сарайкин И. В. Статистический подход к описанию семантической эволюции наречных предлогов // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1(32). С. 75–84. DOI 10.20323/2499_9679_2023_1_32_75. EDN TZCBQD.
7. Kochetova L. A., Ilyinova E. Yu. Diachronic and dialect variation of English intensifying adverbs in the film dialogue discourse: corpus-based study // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2022. Vol. 21, No. 5. P. 95–107. DOI 10.15688/jvol-su2.2022.5.9. EDN MUYIGN.
8. Снегирев И. А., Непомнящих Н. М. «Скальд» и «бард» в русской поэзии. Опыт корпусного анализа // Власть истории и история власти. 2023. Т. 9, № 3(45). С. 41–49. EDN LVQBGD.
9. Горожанов А. И., Шевцова В. А. Технология определения цветовой характеристики текста художественного произведения (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 6(874). С. 63–68. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_63. EDN VOUQHW.
10. Парамонова Д. А. Метрическая организация текстов Б. Б. Рыжего и ее художественная роль в формировании поэтики автора // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 3. С. 121–129. DOI 10.31912/pvrl-2022.3.7. EDN CSUDTX.
11. Изюмская В. В. Актуальное состояние корпусной лингвистики: тенденции и перспективы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 8(876). С. 27–33. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_27.
12. Ayre K., Bittar A., Kam J., Verma S., Howard L. M., Dutta R. Developing a natural language processing tool to identify perinatal self-harm in electronic healthcare records // PLoS ONE. 2021. No. 16(8). DOI: 10.1371/journal.pone.0253809.
13. Okhapkin V. P., Okhapkina E. P., Iskhakova A. O., Iskhakov A. Y. Constructing of Semantically Dependent Patterns Based on SpaCy and StanfordNLP Libraries // Communications in Computer and Information Science (in books). 2021. Vol. 1395 CCIS. PP. 500–512. DOI: 10.1007/978-981-16-1480-4_45.
14. Горожанов А. И. Создание лингвистического корпуса на основе инструментов обработки естественного языка: планирование программных решений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 5. С. 1616–1620. DOI 10.30853/phil20230252. EDN BHZCSE.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. А. Гапанович ((Минск, Беларусь)

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматривается значимость соблюдения лингвистической нормы для формирования национального, в том числе и языкового, сознания франкоговорящих коммуникантов. На фоне снижения авторитета Французской академии и возрастания проблем с сохранением языковых стандартов в условиях массового распространения языковых инноваций через средства массовой информации, осмысление различий между языковыми вариантами и нормой стимулирует обсуждение языковых вопросов и выражение позиции по отношению к ним. Установлена взаимосвязь между активностью обсуждения языковых вопросов, касающихся изменения нормы, и воспитанием терпимости и адаптации к разнообразию языковых средств различной стилевой и географической принадлежности.

Ключевые слова: норма языковой небезопасности; языковая вариативность; языковое сознание.

The article deals with the significance of linguistic norms in shaping the language consciousness of French speakers. The declining authority of the French Academy and the increasing challenges of maintaining language standards face mass dissemination of linguistic innovations through the mass media. Cognitive-discourse analysis shows that awareness of the differences between linguistic variants and norms stimulates discussion of language issues and the expression of one's position towards them. A correlation has been established between the activity of discussing language issues, including norm changes, and the fostering of tolerance and adaptation to the diversity of language styles. Analyzing linguistic norms in the French national worldview allows us to understand not only the influence of language on culture and society, but also to identify the specificity of collective perception of linguistic phenomena and their influence on the formation of language consciousness.

Keywords: linguistic insecurity norms; linguistic variation; language consciousness.

Свойственное многим языковым сообществам периодическое обновление как языковой моды, так и нормы помещает в центр лингвистических исследований вопрос о коллективном восприятии и осмыслении ортологических предписаний, реализуемых в новых условиях высокотехнологичного функционального пространства. Вместе с тем одним из наиболее важных требований французской культуры является сохранение чистоты и престижа французского языка. Этот акцент на языковую чистоту отражен во французском национальном мировоззрении, где языковая корректность рассматривается как символ культурной утонченности и интеллекта, а сам язык является одним из маркеров национальной идентичности.

Отметим, что в обыденном языковом сознании франкофонов, в качестве одной из составляющей национальной картины мира, вопросы нормативного употребления языковых средств являются весьма значимыми и злободневными, начиная со второй половины XX-го века.

Для определения правильности письменных и устных высказываний носитель французского языка в первую очередь может обратиться к источнику нормативных языковых образцов – Французской академии. В момент

своего создания в 1635 г. данное учреждение было призвано обеспечить развитие и совершенствование французского языка и имело статус важнейшего государственного органа, укрепляющего авторитет и власть самого государства, при этом сам язык понимался, по мнению С.Каню, как «une construction politique qui s'est articulée pendant des siècles autour d'un principe de normativité et de fixité» ‘политическое сооружение, которое веками строилось вокруг принципа нормативности и неизменности.’ [1, с.111]. Принцип минимальных правок нормы смог обеспечить сохранность языка лишь на протяжении четырех веков, а далее в условиях массового наплыва и нашествия языковых инноваций, в большинстве случаев, не отвечающих предписываемым стандартам, и распространяемых с помощью цифровых информационных технологий пуристические усилия оказались недостаточными. Так, А. Бладюш-Делаж, один из современных специалистов, ведущих регулярную журналистскую рубрику о французском языке в газете «*La Croix*», в начале XXI века указал на то, что : « *Pour la première fois, dans notre histoire linguistique depuis le XVIIe siècle, il n'y a plus de référence certaine, pas même le dictionnaire de l'Académie. Les divers dictionnaires se font concurrence et chacun donne sa propre façon de voir.*» ‘Впервые с XVII века в истории нашего языка больше нет справочного издания, дающего уверенность в использовании слов, и это уже больше не относится к словарю Академии. Различные словари конкурируют друг с другом и каждый предлагает свою точку зрения.’ [2].

Авторитет Французской академии был окончательно подорван в результате неудачной попытки реформировать орфографию в 1990 г., когда было предложено внести несущественные изменения, слегка модернизируя ее, например, устранив диакритический знак в отдельно взятых глагольных формах, в то время как весьма проблемные и трудные правила написания форм причастия, согласуемых с прямым дополнением, стоящим перед глаголом «иметь», не были упрощены. Следует добавить, что данный вопрос пытались решить уже на протяжении всего XX-го столетия.

Примерно в один и тот же временной период во Франции, когда мнение Французской академии начало терять вес, стало модным писать и публиковать газетные статьи и романы по языковой проблематике. Так, идеями П. Даниноса, автора всемирно известных «Дневников майора Томпсона», были увлечены большинство французов в 1950–60-х гг. В своих 7 из 40 произведений («*Carnets du major Thompson*», «*Sonia, les autres et moi*», «*Vacances à tous prix*» (1958), «*Le jacassin, nouveau traité des idées reçues, folie bourgeoise et automatismes*» (1962), «*Snobissimo или Le désir de paraître*» (1964), «*Le pyjama*» (1972) и «*Made in France*» (1977)) писатель-журналист вынес на публичное обсуждение весьма консервативные, но отнюдь не реакционные и не пуристические взгляды в отношении языковых вопросов. Каждая из вышеназванных повестей, жанр которых условно мог бы быть определен и как репортаж лингвиста-специалиста, который, с одной стороны, представляет собой своеобразную базу социолингвистических данных, а с другой — является научно-популярной интерпретацией языковых практик и дискурсов различной социальной и профессиональной принадлежности. О чем, например, красноречиво говорят названия разделов книг: *Le français tel qu'on le*

parle 'Французский язык, как мы на нем говорим', *Petit lexique et recettes de vacances* 'Рецепты и рецепты отпусков', *Du vocabulaire politique* 'Политический словарь', *Du snobisme dans le langage courant et celui de diverses professions* 'Снобизм в обычном языке и в различных профессиях', *Martyrs de l'orthographe bourgeoise* 'Мученики буржуазной орфографии'.

Более того, подвергая критике пуристические действия Французской академии, социологи и политологи в качестве одного из аргумента приводят тезис о лингвистической неуверенности, трактуемой как чувство своей незащищенности, в условиях осознания нормы языка и требований следовать ей. При этом говорящие, считают свою речь недопустимой по отношению к норме, испытывают тревогу в использовании языка или варианта [3, с. 52]. По мнению Ф. Бланше и его коллег, языковая неуверенность проявляется в осознании дистанции между вариантом языка, на котором говорят рядовые граждане, и тем языком, который считается «чистым» (неподверженным влиянию другого нелегитимного языка) и который рассматривается как язык идеальных носителей, выразителей нормы, транслируемой и пропагандируемой академическими институтами [4, р. 293]. Л.-Ж. Кальве отмечает, что «говорящие в ситуации языковой безопасности не ощущают себя подвергшимися нападкам за свою речь и считают свою речь нормативной. Напротив, языковая неуверенность возникает, когда говорящие считают свою речь недостаточно качественной, ориентируясь на престиж и авторитет других субъектов речи, но не практикуют ее» [5, р. 47].

Анализ особенностей уверенного или неуверенного использования языковых средств затрагивает не столько эмоционально-чувственную сферу говорящего, сколько предполагает их рассмотрение с учетом познавательной деятельности говорящего, в том числе функционирования мышления и восприятия информации, что и приводит к пониманию нормы как лингвокогнитивного феномена. Так, выбор вариантных форм, альтернативных кодифицированным, свидетельствует об осмысленной компенсации дефицита выразительных средств, а обращение к языковой проблематике расширяет границы исследования нормы до размеров языкового сознания, иначе говоря *imaginaire linguistique*. Руководствуясь моделью языкового сознания, разработанной А.-М. Удебин [6], мы определяем, что идеологические позиции по вопросу языка базируются на субъективной норме, включающей в себя предписывающую, оценочную и коммуникативную составляющие.

Так, во франкоязычной обыденной дискурсивной практике исправление неправильно употребленного слова с помощью оценочного высказывания: «*C'est pas français*» объективирует установку на употребление общепринятого ортологического стандарта. Соответственно региональное и диалектальное разнообразие французского языка, допускающее употребление регионализмов, не является реализацией нормы. Более того, исключительной особенностью французской нации до определенного момента была привязанность не столько к языку, сколько к его норме, потому что именно стандартизация языка обеспечивала сильную централизующую власть и единое государство [7, р.161]. Однако в современной Франции активно

пропагандируется и культивируется умение пользоваться не унифицированной, нейтральной, немаркированной региональным акцентом нормой, а разнообразными средствами нескольких регистров общения и способностью переходить из одного в другой, что именуется как *диафазные вариации нормы*. Таким образом, во франкоязычном сообществе приоритетной считается способность к адаптации, отчего языковые ресурсы становятся богаче, расширяя свой лексический фонд за счет разнообразных эквивалентов. Образ языкового галстука (*cravate linguistique*) как маркера принадлежности к определенному языковому сообществу и предмета одежды, который нужно надевать в зависимости от ситуации общения, иначе говоря, надевать не на пляж, а там, где это принято и уместно [8]. И поэтому нормализующее замечание редактора-корректора переводчице, проживающей в северном регионе Франции, при использовании регионализма *ramasse-poussière* вместо *pelle à poussière* для перевода «*dustpan*»: «*Mais c'est pas du français ça !*» 'Но это же не по-французски!' вызывало бурю возмущения.

И как только языковые представления простого обывателя в современном франкоязычном языковом сообществе вступают в конфликт с предписаниями языковой идеологии, распространителем нормативных стандартов становятся средства массовой информации. Последние также способны приобщать к культуре пользования языком, но в данном случае речь уже идет о массовой культуре, не предполагающей соответствие нормам литературного языка. Следует отметить, что нормализующую и регламентирующую деятельность франкоязычные СМИ начали реализовать с первых дней своего появления. Более того, Официальный журнал Французской Республики, являющийся сборником официальных текстов, каждый день публикующий законодательные и регулирующие акты, результаты азартных игр и лауреатов ордена Почетного легиона, и считающийся преемником первой французской газеты «*Gazette*» и первой европейской газетой, на протяжении нескольких веков (с 1631 г.), в 2016 г. стал доступным исключительно онлайн. Подобный переход от одного способа информирования к другому объясняется принятием и осознанием радикальных перемен в образе жизни языковой цивилизации, которая в своей современной версии представлена *homo numericus* [9]. И такой шаг обеспечил массовое ознакомление с текстами, посвященными языковой норме.

С другой стороны, французские академики с большим увлечением медиатизируют в социальных сетях норму французского языка. Так, Бернар Пиво, активный пользователь Твиттера и медийная личность, на протяжении ряда лет обсуждал с многочисленными подписчиками (более 100 000) правила французского языка. Сам лингвист гордился отсутствием ошибок в своих мини-сообщениях, посвященных наблюдениям, размышлениям, афоризмами и цитатам о норме французского языка, а также признавался, что начал пользоваться социальной сетью ради удовольствия выражать кратко в менее чем 140 символов идею. Бернар Пиво чрез социальные сети распространял новые слова, созданные им самим, например, *berlusconir: user de son pouvoir sur les femmes*. Ex: *C'est vrai que le patron berlusconit les*

nouvelles ‘Берлюсконировать: использовать свою власть над женщинами. Например, правда ли, что начальник берлюсконировал новых сотрудниц?’. Синоним: *strauss-kahner* «страус-канить».

Лингвистические нормы сами по себе не могут стать медийным событием. Они становятся значимыми в условиях какого-нибудь общественно-политического события. Например, политические или социальные события могут актуализировать такие языковые вопросы, как защита языковых меньшинств или признание ситуации языковой неуверенности.

При этом в СМИ ведутся дебаты или обсуждения по вопросам, связанным с языком, таким как реформы правописания, злоупотребление заимствованиями или чрезмерное увлечение неологизмами, использование инклюзивных терминов, а также эволюция социального статуса языка. При этом спорное изменение грамматических правил или орфографии может широко обсуждаться в СМИ, с привлечением экспертов лингвистов и ожесточенными дебатами между сторонниками и противниками.

И в этом случае определенные ситуации характеризуются публичной цикличностью, например, когда кто-нибудь из политиков совершает ошибку в речи: *Selon le Canard enchaîné, la conseillère en communication d'Emmanuel Macron, Sibeth Ndiaye aurait évoqué le décès de Simone Veil par un "Yes, la meuf est dead", ce qu'elle a démenti par la suite. Les députés de la France Insoumise se sont affichés sans cravate à l'Assemblée nationale. Dans un registre différent, l'anglicisation de la langue française; "task force" "made for sharing" prend toujours plus de place dans les discours ou les annonces politiques.* ‘Как утверждает «Канар Аншэне», консультант по связям с общественностью Эммануэля Макрона, Сибет Ндиайе, якобы произнесла фразу «Yes, la meuf est dead» ‘О, да, «девка» скончалась’ после смерти министра и академика Симоны Вейль, фразу, которую она впоследствии отрицала. Депутаты, члены партии Непокорная Франция, выделившиеся тем, что перестали носить галстук в Национальном собрании, не надели и «лингвистический галстук». Англизация все чаще затрагивает политическую сферу высказываниях, когда повсеместно употребляются "task force" и "made for sharing"’. (B. Vergely, E. Husson. A bas français correct, cravates et convenances : ce que les codes du nouveau monde disent vraiment de l'état de la France)

Примеры же несоблюдения языковых и речевых норм в политической сфере, несмотря на самые высокие посты тех, кто их нарушает, являются частотными.

Массовое возмущение нарушением нормы находит отклик в медийных публикациях. Так, в момент открытия Международного центра французского языка гирлянда из напечатанных прописными буквами слов «*Ziboulateur*», «*tataouiner*», «*fissa*», «*charabia*»..., украсившая внутренний двор замка Виллер-Коттре, знакового места для становления французского языка как государственного национального языка, привела к обострению отношений между консерваторами и прогрессивно настроенными представителями франкоязычного сообщества. И наоборот, если политический деятель соблюдает все речевые нормы, это также может служить информативным

поводом. Например: *L'usage de la langue par M. Hollande respecte toujours la norme linguistique : un français correct, et même châtié; pas ou peu de clichés, de tics, de chevilles; le sens des nuances* 'Язык г-на Олланда всегда соответствует лингвистическим стандартам: правильный и даже отточенный французский; отсутствуют или весьма малочисленны клише, слова-паразиты, пустые слова; зато утонченное чутье деталей'. (Le Point.fr, Politique, jeudi 18 octobre 2012, Jacques-Alain Miller, psychanalyste)

Таким образом, языковая норма представляет собой важный элемент французской национальной картины мира, определяющий языковое сознание франкофонных коммуникантов. В условиях снижения роли Французской академии в языковой стандартизации, именно литературные деятели и СМИ оказывают значительное влияние на формирование языковых норм и обсуждение языковых вопросов в обществе. Неуверенность в использовании языка, часто связанная с социальными факторами, обуславливает активность обсуждения языковых вариаций и ориентирует на воспитание терпимости и адаптации к стандартам различных регистров общения. Другими словами, осмысление языковой нормы и активное обсуждение языковых вопросов способствует формированию терпимого и адаптивного отношения к различным языковым стилям.

Исключительность французской языковой нормы для французской национальной картины мира определяется ее способностью к диафазной вариативности с целью сохранения языкового регионального многообразия и культурной идентичности.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Canut C. Une langue sans qualité / C. Canut. Limoges: Editions Lambert-Lucas, 2007. 150 p.
2. Bladuche-Delage A. Petit traité des finesses et des nouveaux tourments de la langue française / A. Bladuche-Delage. Bartillat, 2006. 249 p.
3. Невежина Е. А. Лингвистическая уверенность/неуверенность в пограничном ареале (на примере Валлонии, Бельгия) / Е. А. Невежина // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 11. С.51–55.
4. Blanchet P. Réduire l'insécurité linguistique des élèves par une transposition didactique de la pluralité sociolinguistique. Pour de nouvelles perspectives sociodidactiques avec l'exemple du Maghreb / P. Blanchet, S. Clerc, M. Rispaill // Études de linguistique appliquée, 175. 014. P. 283–302.
5. Calvet L.-J. La Sociolinguistique / L.-J. Calvet. Paris: Presses universitaires de France, 1993. 127 p.
6. Houdebine A.-M. De l'imaginaire linguistique à l'imaginaire culturel / A.-M. Houdebine // La linguistique. 2015/1 (Vol. 51). P. 3–40.
7. Coppel A. Les Français et la norme linguistique : une passion singulière / A. Coppel // Cosmopolitiques. № 16 2007. P. 157–168.
8. Beaudoin-Bégin, A.-M. Chronique d'Anne-Marie Beaudoin-Bégin : La cravate linguistique / A.-M. Beaudoin-Bégin. URL: <https://soundcloud.com/ckiafm/chronique-danne-marie-beaudoin-begin-la-cravate-linguistique> (дата обращения: 23.08.2024).
9. Cohen D. Homo numericus: La « civilisation » qui vient / D. Cohen. Paris: Albin Michel, 2022. 240 p.

КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В БЕЛОРУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПАРЕМИЯХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В данной статье на материале паремий выявляется национальная специфика концепта «женщина» в белорусской и французской лингвокультурах. Сопоставительные исследования базовых концептов культуры необходимы для более глубокого понимания национально-культурных особенностей представителей разных языковых картин мира. В белорусском языке наиболее представленным оказался микроконцепт «Социальные характеристики», во французском языке – микроконцепт «Внутренние характеристики».

Ключевые слова: концепт; паремия; лингвокультура; социальные характеристики; внутренние характеристики; внешние характеристики.

This article, based on the material of proverbs, reveals the national specificity of the concept of woman in the Belarusian and French linguistic cultures. Comparative studies of basic cultural concepts enable a deeper understanding of the national and cultural characteristics of representatives of different linguistic views of the world. The microconcepts “Social characteristics” and “Internal characteristics” turned out to be the most represented in Belarusian and French respectively.

Keywords: concept; proverb; linguistic culture; social characteristics; internal characteristics; external characteristics.

В настоящее время в рамках лингвокультурологического подхода многие исследователи обращаются к изучению концептов на паремиологическом материале. Паремии образуют паремиологический фонд языка, являясь обобщением опыта многих поколений. Паремиологический фонд языка позволяет выявить этнокультурные различия народов, которые можно проследить в процессе компаративного концептуального исследования языковых единиц.

Во французском языке ключевой лексемой, формирующей концепт «женщина», является лексическая единица «*femme*». На основе анализа словарных статей можно выделить следующие компоненты ядерной зоны концепта: *être humain* [1; 3] ‘человеческое существо’; *adulte de sexe féminin* [2] ‘взрослая особь женского пола’; *qui met au monde des enfants* [3, p. 605] ‘рожающая детей’. Следует отметить, что слово *femme* во французском языке имеет так же значение *épouse* [3, p. 605] ‘жена’.

В белорусском языке центральной лексемой концепта «женщина» является слово «жанчына», которое имеет значения: *асоба, на полу супрацьлеглая мужчыну* ‘лицо противоположного пола мужчине’; *асоба жаночага полу як увасабленне пэўных асаблівасцей, якасцей* ‘лицо женского пола, как воплощение определенных черт, качеств’; *асоба жаночага полу, якая была або знаходзіцца замужам* ‘лицо женского пола, состоявшее или состоящее в браке’; *жонка (размоўнае)* ‘жена (разговорное)’ [4]. *Жонка* ‘жена’ – *замужняя жанчына, у адносінах да свайго мужа* ‘замужняя женщина по отношению к мужу’ [4]. В качестве синонима к этому слову, часто употребляется слово *баба* [5], которое является культурно-маркированным словом «женщина».

В ходе сопоставительного анализа паремий французского и белорусского языков с компонентом «женщина» нами выявлено три микроконцепта: «Внешние характеристики», «Внутренние характеристики» и «Социальные характеристики».

Во французском языке описание внешности женщины часто связано с описанием её красоты. Женская красота может быть обманчивой: *La femme est comme la châtaigne, belle dehors et dedans le ver*. 'Женщина подобна каштану, красивому снаружи и червивому внутри'. С одной стороны, женщина рассматривается как творение Бога, по красоте своей подобное цветку: *Si Dieu n'avait fait la femme, il n'aurait pas fait la fleur*. 'Если бы Бог не создал женщину, он не создал бы и цветок'. С другой стороны, женщина ассоциируется со злом, иногда с дьяволом: *Corps de femme, tête de diable*. 'Тело женщины, голова дьявола'.

В белорусском языке упоминание о женской красоте не так часто, для белорусов красота часто ассоциируется с молодостью и, что характерно для многих славянских народов, с девичьей косой: *Дзеўка без касы не мае красы*. 'Девушка без косы не имеет красоты'. *Каса – дзявочая краса, малайцу заноза*. 'Коса – девичья краса, молодцу заноза'.

Однако красота не так ценилась у белорусских мужчин при выборе будущей жены, как ее трудолюбие и доброта: *Дзеўка прыгожа, ды прасці не можа*. 'Девушка красивая, да прясть не умеет'. *Не шукай красаты, а шукай дабраты*. 'Не ищи красоты, а ищи доброты'.

Но, и напротив, иметь некрасивую жену для мужчин было лишним поводом постыдиться своего выбора: *Ні самому глянуць, ні людзям паказаць*. 'Ни самому посмотреть, ни людям показать'. *Гляне – сэрца зьяне*. 'Глянет – сердце вянет'.

Красоту женщины часто связывают с возрастом. Перед красивой молодой женщиной трудно устоять: *C'est une chose plus enivrante que le vin d'être une belle jeune femme*. 'Красивая молодая женщина опьяняет сильнее, чем вино'. Уничижительное отношение к женщине в возрасте передается, когда её сравнивают с вином, которое со временем, в отличие от женщины, становится только лучше: *Vin qui vieillit s'améliore, femme vieille devient revêche*. 'Вино со временем становится лучше, а женщина – сварливей'. Похожее сравнение можно найти и в белорусском языке, когда женщина сравнивается с малиной: *Маліна не тое, што дзяўчына: чым болей спее, тым смачней бывае*. 'Малина не девушка: чем больше созревает, тем вкуснее бывает'.

Анализ языкового материала показал, что женщинам чаще приписывают отрицательные черты характера, нежели положительные. Так, отрицательно оценивается женская болтливость: *Il y a mille inventions pour faire parler les femmes, mais pas une seule pour les faire taire*. 'Есть тысяча способов заставить женщин говорить, но ни одного, чтобы заставить их замолчать'. *Баба меле як гарох сыпле*. 'Баба болтает как горох сыплет'. Вместе с тем, в представлении красноречивых французов молчаливость не расценивается, как достоинство: *Une femme qui ne parle pas, est plus désagréable qu'une porte de prison*. 'Женщина, которая не разговаривает, хуже тюремной двери'.

К отрицательным чертам женщин относят также их неспособность хранить секреты: *Écho et femme gardent le secret avec peine*. 'Эхо и женщина с трудом хранят тайну'. *Скажы курыцы, дык яна па ўсёй вуліцы*. 'Скажи курице, так она по всей улице'.

Женщины часто плачут, и слёзы их, как полагают мужчины, не всегда искренни: *Femme rit quand elle peut et pleure quand elle veut*. 'Женщина смеётся, когда может, и плачет, когда хочет'. *La femme pleure d'un oeil et rit de l'autre*. 'Женщина одним глазом плачет, а другим смеётся'. *Бабскія слёзы легка цякуць*. 'Женские слёзы легко текут'.

Женщины часто представляются легкомысленными, не умеющими хранить верность, не сдерживающими свои обещания: *Fou est le jalou qui tente de garder sa femme*. 'Сумасшедший тот ревнивец, который пытается удержать свою женщину'. *Belle femme et beau jour trompent chacun à leur tour*. 'Красивая женщина так же обманчива, как и прекрасный день'.

Значительна группа паремий, в которых женщине приписываются дьявольские качества. В них отражена крайне негативная оценка женщин, при этом паремии отражают главным образом «мужской» взгляд: *Se que diable ne peut, femme le fait*. 'Что не может дьявол, то делает женщина'. *Бог стварыў тры зла: чорта, бабу і казла*. 'Бог создал три зла: чёрта, бабу и козла'. *Дзе чорт сам не справіцца, туды бабу пашле*. 'Где чёрт сам не справится, туда бабу пошлёт'.

Реже в сравниваемых языках используются паремии, отмечающие положительные стороны женского характера, например, мужество: *Les femmes ont plus de courage qu'on ne croit*. 'У женщин больше мужества, чем мы думаем'.

Женщины часто оказывают благотворное влияние на мужчин: *Sans les femmes les hommes seraient des ours mal léchés*. 'Без женщин мужчины были бы грубыми медведями'. *Les hommes font les lois, les femmes font les mœurs*. 'Мужчины создают законы, женщины – нравы'.

Анализ языкового материала показал, что интеллект женщины в сравниваемых языках имеет преимущественно негативную оценку, подчеркиваются слабость и несостоятельность женского ума по сравнению с мужским: *У бабы розуму не пытай*. 'У бабы ума не ищи'. *Femmes, moines et pigeons ne savent jamais où ils vont*. 'Женщины, монахи и голуби никогда не знают, куда они идут'. *Enfant nourri de vin et femme qui parle latin ne font jamais bonne fin*. 'Плохо закончат свои дни ребёнок, вскормленный вином, и женщина, говорящая по-латыни'.

Считалось, что женщина должна сидеть дома и заниматься домашними делами – это и есть «женская наука»: *La plus utile et honorable science et occupation à une femme, c'est la science du ménage*. 'Самая полезная и почётная наука и занятие для женщины – это наука о домашнем хозяйстве'. *Гаспадыня, твая рэч – глядзі ў печ*. 'Хозяйка, твое дело следить за печью'.

Несмотря на преимущественно отрицательные характеристики женского ума, женщина нередко наделялась житейской мудростью и интуицией. Особенно ярко эти качества проявлялись в семейной жизни, в отношениях между мужем и женой: *Не бі жонку – часам яна разумней*. 'Не бей жену – иногда она умнее'.

Долгое время социальный портрет женщины ограничивался внутрисемейными ролями. Жена – спутница жизни мужчины, хранительница семейного очага, которая следит за достатком и порядком в семье: *Le mari crée la maison, la femme le foyer*. ‘Муж строит дом, жена – очаг.’ *Жонка за тры вуглы дом трымае*. ‘Жена за три угла дома держит’. Жена должна создавать уют, но при этом не занимать главенствующее положение в доме: *Où la femme gouverne et domine tout s'en va souvent en ruine*. ‘Там, где женщина управляет и доминирует, всё часто приходит в упадок’. *Калі бабскі строй – то кепскі пакрой*. ‘Если бабский строй – то скверный покрой’.

Чтобы брак был удачным, важно сделать правильный выбор: *Не хвали дзень з раницы, а жонку змоладу*. ‘Не хвали день с утра, а жену смолоду’. И этот выбор должен быть не в пользу одной красоты, поскольку это не главное достоинство будущей жены: *З тварам да вянца, а з розумам да канца*. ‘С лицом до венца, а с умом до конца’.

Нет ничего хуже глупой и сварливой жены: *Fumée, pluie et femme sans raison chassent l'homme de sa maison*. ‘Дым, дождь и неразумная жена выгоняют мужчину из дома’. *Сварлівая жонка горш, чым каню хамут*. ‘Сварливая жена хуже, чем коню хомут’.

В белорусских и французских пословицах говорится о строгости, в которой мужья должны держать своих жён, даже иногда приветствуется жестокое обращение: *À mauvais cheval les éperons, à mauvaise femme le bâton*. ‘Плохой лошади шпоры, а плохой жене палка.’ *Бабу бі молатам – зробіш золатам*. ‘Бабу бей молотом – сделаешь золотом’.

В белорусских паремиях часто говорится о равном положении мужа и жены: *Мужык і жонка – найлепшая суполка*. ‘Муж и жена – лучшее сообщество’. *Гаспадар і баба – адна рада*. ‘Хозяин и хозяйка – один совет’. Также особое место у белорусов отводится роли женщины как хозяйки дома: *Не тая гаспадыня, што збярэ гаспадарку, а тая, што яе ўдзержыць*. ‘Не та хозяйка, что соберёт хозяйство, а та, что его удержит’. *Добрая гаспадыня за вуглы трымаецца*. ‘Хорошая хозяйка за углы держится’.

В паремиях часто прослеживается неоднозначное отношение к браку. С одной стороны, женщина и брак не представляют никакой ценности для мужчины, жена рассматривается как что-то незначительное в семье, потеря её не будет ощутимой: *Deux bons jours sur terre quand on prend femme et quand on l'enterre*. ‘Есть два хороших дня на земле, когда ты обретаешь жену и когда её хоронишь’. Жена является источником беспокойства и ненужных хлопот: *Не меў Саўка клопату, дык жонку ўзяў*. ‘Не имел Савка заботы, так жену взял’.

С другой стороны, хорошая жена делает своего мужа счастливым: *Bien-heureux qui a femme sage, car c'est l'ornement du ménage*. ‘Блажен, у кого мудрая жена, ибо она украшение дома.’ Особенно часто подчёркивается положительная роль женщины в браке в белорусской лингвокультуре: *Не жанаты – не багаты*. ‘Не женат – не богат’. *Не заўседы добра жонкі не паслухаць*. ‘Не всегда хорошо не послушать жену’.

Практически в любой культуре велика роль матери. Она является самым родным, дорогим и близким человеком, который всегда окружит заботой и теплом, поддержит в трудную минуту: *L'amour d'une mère remonte des profondeurs des océans.* 'Любовь матери поднимается из глубин океана.' *Пры сонейку цёпла, пры маці добра.* 'При солнышке тепло, при матери хорошо'.

Женщин часто исключали из общественной и политической жизни, считая, что это сфера деятельности мужчин и женщин нельзя сравнивать с мужчинами: *Грошы не мякіна, баба не мужчына.* 'Деньги не мякина, баба не мужчина'. *Баб тады людзямі завуць, як у поле ідуць.* 'Баб тогда людьми называют, когда в поле идут'.

Однако не всегда отношение к женщине отрицательное. Ведь именно женщина может сделать мужчину успешным: *У добрай жонкі і благі гаспадар будзе добры.* 'У хорошей жены и плохой хозяин будет хорошим'.

Изучая паремии, характеризующие взаимоотношения женщин с обществом, можно проследить связь положительной или негативной оценки женщин с тем, насколько консервативным является общество.

Таким образом, в сравниваемых языках наблюдаются различия в количестве и семантико-понятийном содержании паремиологических единиц, формирующих концепт «женщина». Это обусловлено ментально-культурными и национально-историческими особенностями развития, зафиксированными в языке и сознании этих народов, а также традиционным распределением гендерных ролей в социуме, что определяет универсальные и национально-специфические характеристики данного концепта.

Микроконцепт «Социальные характеристики», оказался значимым для двух языков, однако наиболее представлен в белорусском языке. Наиболее значимыми оказались концептуальные признаки, соотносящиеся с ролью женщины в семье и в браке. В белорусском языке более всего подчёркивается положительная роль женщины в качестве жены и хозяйки дома. Во французском языке также часто говорится о женщине в замужестве, однако особо подчёркиваются отрицательные стороны замужества.

Концептуальные признаки, соотносящиеся с характеристикой взаимоотношений женщин с обществом, оказались менее значимыми, т.к. женщин часто исключали из общественной и политической деятельности. В обществе женщину часто воспринимали негативно, подчеркивая ее низкий статус. Положительное отношение отражают, как правило, концептуальные признаки, соотносящиеся с характеристикой женщины-матери.

Микроконцепт «Внутренние характеристики» представлен наибольшим количеством паремиологических единиц во французском языке. В сравниваемых языках подчеркиваются негативные стороны женского характера, такие как болтливость, плаксивость, неумение держать секреты. Сравнение женщины с дьяволом характерно для двух языков. С ним ассоциируются многие негативные характеристики женщины, такие как обманчивая и непостоянная натура и скверный характер. Преобладает также отрицательная оценка умственных способностей женщины.

Наименьшим количеством паремиологических единиц представлен микроконцепт «Внешние характеристики». Во французском языке подчеркиваются красота и обманчивость женской внешности, в белорусском языке с красотой женщины часто связывают её молодость.

Сопоставительный анализ паремиологических единиц, репрезентирующих концепт «женщина» во французском и белорусском языках показал, что в сравниваемых языках преобладает отрицательная характеристика женщины, большинство проанализированных паремий характеризуют женщину с мужской точки зрения.

Следует отметить, что паремии отражают знания людей о нормах морали и ценностных установках, стереотипах поведения в обществе. Изучение паремий с компонентом «женщина» способствует изучению паремиологической системы языков в контексте культуры.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Larousse: dictionnaire encyclopédique. URL: <https://www.larousse.fr>. (дата обращения: 08.01.2024).
2. Dictionnaire le Robert. URL: <https://www.lerobert.com>. (дата обращения: 18.02.2024).
3. Dictionnaire Hachette. Paris : Hachette livre, 2006. 1858 p.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы // Skarnik моўны скарб. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm>. (дата обращения: 18.02.2024).
5. Тлумачальны слоўнік. URL: <http://rv-blr.com/dictionary/explanatory>. (дата обращения: 12.02.2024).

Н. А. Гунина, (Тамбов, Россия)

ОБ ИНТЕГРАТИВНОМ ХАРАКТЕРЕ КОНЦЕПТА «ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА» (на материале английского и русского языков)

Представлены результаты исследования, проведенного на стыке направлений современной лингвистики – лингвоконцептологии, когнитивной лингвистики, прагматики и лингвосомиотики в рамках антропоцентрического подхода к изучению языковых явлений. Цель работы – описать структуру интегративного концепта «цифровая культура» и способы его вербализации в русском и английском языках. Концепт «цифровая культура» рассматривается как ментальная единица, которая обладает динамической структурой, вбирающей в себя множество смыслов. Выделены существенные признаки концепта: технологии, медиа, безопасность, Интернет-культура, образование, коммуникация. Проанализированы языковые средства вербализации концепта в русском и английском языках.

Ключевые слова: цифровые технологии; коммуникация; Интернет-культура; цифровая безопасность; образование; медиа.

The paper presents the findings of the research conducted within the framework of modern linguistics - cognitive linguistics, pragmatics linguoconceptology, and linguosemiotics through the anthropocentric approach to linguistic phenomena. The purpose of the research is to describe the structure of the integrative concept “DIGITAL CULTURE” and ways of its verbalization in Russian and English. The concept “DIGITAL CULTURE” is considered as a mental unit that has a dynamic structure that encompasses multiple meanings. The essential elements of the concepts include technology, media, security, Internet culture, education, communication. The linguistic means of verbalization of the concept in Russian and English are analyzed.

Keywords: digital technologies; communication; Internet culture; digital security; education; media.

Цифровая культура как междисциплинарное явление

В современном мире цифровые технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни. Их стремительное развитие привело к появлению новых вызовов и рисков. В частности, возникла необходимость адаптации к изменениям в информационном пространстве и культурной трансформации общества.

В современных исследованиях отмечается ключевая роль культуры для развития личности, организации или общества в целом. Термин «цифровая культура» допускает множество интерпретаций. Базовое понимание цифровой культуры основано на взаимодействии людей и технологий. В профессиональном контексте цифровая культура – это набор определенных компетенций, которые обеспечивают возможность «комфортной жизни в цифровой среде, для взаимодействия с обществом и решения цифровых задач в профессиональной деятельности» [1].

По мнению профессора Бориса Паньшина, цифровая культура – это «постоянный и динамический процесс накопления человеком знаний, умений и навыков» в процессе адаптации к новым и технологиям и их применения для создания среды, которая стимулирует взаимодействие между людьми в соответствии с объективными и естественными процессами самоорганизации [2, с. 45].

В западных публикациях «цифровая культура» чаще всего упоминается в контексте профессиональной этики, и подразумевает овладение цифровыми инструментами и технологиями в условиях формирования нового типа профессиональной культуры в цифровом обществе. Так, например, для организаций с развитой цифровой культурой характерно использование цифровых технологий для работы над совместными проектами, а также для создания новых инновационных продуктов [3].

Таким образом, можно предположить, что цифровая культура – это явление, которое включает в себя различные аспекты «цифровой жизни», от образования и здравоохранения до экономики и политики. Она также включает в себя использование социальных сетей, мобильных приложений, онлайн-игр и других форм развлечения.

Необходимо отметить, что, несмотря на то, что феномен цифровой культуры привлекает внимание исследователей из разных областей знания – социологии, экономики, культурологии, языковые аспекты данного явления не достаточно изучены. В частности, цифровая культура может быть рассмотрена с позиций лингвистологии как интегративный концепт. В современной лингвистике есть несколько направлений, изучающих репрезентацию ментальных сущностей в системе языка и речи. В предыдущих наших работах мы уже выдвигали гипотезу о концептуальном характере изучаемого явления. В частности, в коллективной монографии «Ценностные ориентации эпохи цифровизации» нами был рассмотрен концепт ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА с позиций аксиологического подхода [4]. *В данной работе предлагается уточненная интерпретация исследуемого концепта на материале английского и русского языков.*

Концепт ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА и его структура

В современной науке существует множество подходов к изучению термина «концепт». Сторонники традиционного подхода, основанного на постулатах структурной лингвистики, рассматривают концепт как совокупность значений, закрепленных за лексической единицей. В когнитивной лингвистике изучение концептов сфокусировано на ментальных процессах, которые происходят при восприятии и понимании концептов. Концепт понимается как *совокупность представлений об «объектах внешнего и внутреннего миров»* [5, с. 127], *единица концептуального содержания, которая в языковой форме передаёт знания о мире* [6, с. 18] «квант структурированного знания», «глобальная мыслительная единица» [7, с. 3-4]. Культурологический подход к изучению концептов рассматривает их как базовые единицы культуры [8, 9] и позволяет лучше понять, как концепты влияют на культурные процессы и как они формируются в рамках конкретной культуры.

В данной работе исследование концепта «цифровая культура» проводилось в рамках культурологического направления к изучению языковых явлений. Исследуемый концепт представляет собой трехмерную сущность, обладающую понятийной, образной и ценностной составляющими.

Опираясь на существующие исследования, посвященные цифровой культуре, можно предположить, что одноименный концепт является интегративным концептом, который вбирает в себя множество смыслов, связанных с феноменом цифровой культуры.

В структуре концепта ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА можно выделить следующие субконцепты (Рис. 1).

Рис. 1 Интегративный концепт ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА

1. **Технологии** описывают использование различных технологий в цифровой культуре, таких как компьютеры, мобильные устройства, социальные сети, интернет и т.д.

2. **Коммуникация** понимается как способы общения и обмена информацией в цифровой культуре, такие как электронная почта, мессенджеры, видеоконференции и т.д.

3. **Медиа** включает использование цифровых медиа в культуре, таких как фильмы, музыка, игры и т.д.

4. **Образование** связано с использованием цифровых технологий в образовании, такие как онлайн-курсы, электронные учебники и т.д.

5. **Безопасность** включает в себя вопросы безопасности в цифровой культуре, такие как защита персональной информации, кибербуллинг и т.д.

6. **Интернет-культура** описывает культуру, созданную в интернете, например, мемы, интернет-юмор и т.д.

Каждый из субконцептов получает языковое выражение. Так, например, субконцепт ТЕХНОЛОГИИ представлены языковыми единицами, которые связаны с процессом цифровизации. Примечательно, что и в русском, и в английском языках используются эквивалентные единицы. Это связано с универсальным характером цифровых технологий. Например, в обоих языках присутствуют единицы, обозначающие *интернет вещей / Internet of Things, системы поддержки принятия решений / decision-making support systems, большие данные / Big Data, компьютерное зрение / computer vision, искусственный интеллект / Artificial Intelligence, технологии виртуальной и дополненной реальностей / Virtual Reality and Augmented Reality technologies (VR/AR)* и т.п.

Субконцепт КОММУНИКАЦИЯ вербализован такими единицами, как: *смартфоны / smartphones, мобильные приложения / mobile apps, мессенджеры / messengers, электронная почта / email, социальные сети / social media, и т.п.* Они также являются эквивалентными, что характерно для большинства языковых средств выражения концепта.

Субконцепт МЕДИА репрезентирован следующими единицами: *цифровой контент / digital content, цифровое видео / digital video, цифровые изображения / digital images, цифровые тексты / digital texts, цифровая звукозапись / digital record, программное обеспечение / software, цифровые видео / digital video, веб-страницы / web pages, вебсайты / websites, базы данных / databases, электронные книги / electronic books, видео-игры / video games, и другие.*

Субконцепт ОБРАЗОВАНИЕ вербализуется следующими единицами: *машинное обучение / Machine Learning, глубокое обучение / deep learning, онлайн курсы, непрерывное образование / life-long learning, обработка естественного языка (Natural Language Processing, NLP), цифровая грамотность / digital literacy, и т.п.*

Субконцепт БЕЗОПАСНОСТЬ репрезентирован такими единицами, как *цифровая безопасность / digital security, киберпреступность / cybercrime, data security / безопасность данных, data protection / защита информации, hacker/ хакер, cyber bulling | кибербуллинг* и т.п.

Субконцепт ИНТЕРНЕТ-КУЛЬТУРА представлен такими единицами, как *мемы / memes, интернет-шутки / internet jokes, блогер / blogger, видеоблогинг / video blogging, интернет-сообщество / internet community*, и т.п.

Приведенные примеры языковой репрезентации концепта ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА указывают на терминологический характер большей части лексических единиц, появление которых стало возможным за счет происходящих в обществе технологических изменений. Часть лексических единиц, репрезентирующих исследуемых концепт, можно отнести к неологизмам, которые закрыли лакуны в языке, образовавшиеся в результате появления новых явлений. Примечательно, что большая часть единиц представляет собой кальку или буквальный перевод с английского языка. Очевидно, это связано тем, что английский язык приобрел статус языка науки – большая часть создаваемых технологий описываются средствами английского языка.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. КМДА: Цифровая трансформация, консалтинг, стратегии, технологии. Что такое цифровая культура? URL: https://komanda-a.pro/blog/digital_culture (дата обращения: 16.10.2023).
2. Панышин Б. Цифровая культура: теория и практика // Наука и инновации. 2021. 8(222). С. 45 – 51
3. What is digital culture? URL: <https://slack.com/blog/collaboration/what-is-digital-culture> (дата обращения: 14.10.23).
4. Гунина Н. А. Концепт «ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА» и его репрезентация в английском и русском языках: аксиологический аспект // Ценностные ориентации эпохи цифровизации: монография, Тамбов: ТГТУ, 2022. С.28 – 46.
5. Пименова М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 126 – 132.
6. Болдырев Н. Н. Типология концептов и языковая интерпретация / Н. Н. Болдырев // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке : материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко, 28-30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. С. 16 – 25.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М. : АСТ : Восток-Запад, 2010. 314 с.
8. Карасик В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня : сборник научных трудов / Институт научной информации по общественным наукам РАН. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2004. С. 130 – 159.
9. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт Как системное образование // Вестник ВГУ, 30 Серия “Лингвистика и межкультурная коммуникация”, 2004. № 1. С. 29 – 34.

ПРАГМА-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕТАФОРЫ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ МАССМЕДИЙНЫХ СТАТЬЯХ

Исследование метафоры на материале заголовков французских политических массмедийных статей проводится с позиций прагма-коммуникативного подхода на основе классификации метафор, предложенной А. П. Чудиновым. Сделан вывод о том, что высокая частность метафор в указанных изданиях продиктована способностью данного тропа организовать поверхностный и глубинный смыслы статьи, задавать нужный автору вектор её осмысления и интерпретации в политической *коммуникации*.

Ключевые слова: метафора; классификация метафор; прагма-коммуникативный подход; политический дискурс.

The study of metaphor on the material of headlines of French political mass-media articles is carried out from the position of pragma-communicative approach on the basis of the classification of metaphors proposed by A. P. Chudinov. P. Chudinov. It is concluded that the high frequency of metaphors in these publications is dictated by the ability of this trope to organise the surface and deep meanings of the article, to set the vector of its comprehension and interpretation in political communication that the author needs.

Key words: metaphor; classification of metaphors; pragma-communicative approach; political discourse.

В последние годы исследование политического дискурса приобрело высокую актуальность в силу того, что это «специфический тип институционального дискурса, который имеет публичный характер и адресован массовой аудитории» [1]. Благодаря этой своей характеристике он оказывает огромное влияние на общественное сознание, формирует приоритетное общественное мнение, воздействует на политические процессы в обществе.

Эффективность современного массмедийного политического дискурса многократно возрастает благодаря активному использованию в нем метафорических образов и символов, обеспечивающих политикам когнитивную и эмоциональную связь с широкой аудиторией и непосредственное воздействие на нее. Миромоделирующая сила метафоры основана на «понимании и переживании сущности одного вида через сущность другого вида», на способности упорядочить новое через хорошо знакомые элементы окружающей действительности [2, с. 27].

По мысли Д. Дэвидсона, в отличие от обычного словоупотребления метафора «дает прозрение, проникает в суть вещей» [3, с. 174]. Будучи скрытым сравнением, она предлагает читателю самостоятельно провести параллели, выстроить аналогии между описываемыми событиями, по-своему интерпретировать заложенный автором смысл. Именно благодаря множественности интерпретаций экспрессивность данного тропа существенно повышается [4].

Используемые в заголовках медийных статей метафоры способны описать сложные понятия и процессы, сделать их доступными для массового читателя. Кратко и образно передавая мысль говорящего, они обеспечивают

осуществление ведущих коммуникативных стратегий в политическом медиадискурсе. Говоря о функции метафор в политическом дискурсе, И. М. Кобозева отмечает, что они выполняют «интерактивную функцию сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом» [5].

Обратимся к прагма-семантическому анализу использования метафор во французском политическом массмедийном дискурсе. Исследовательский корпус настоящего исследования представлен 120 метафорами, реализуемыми в заголовках статей, извлечённых методом сплошной выборки из французских медийных изданий «*Le Monde*», «*Libération*», «*La Croix*» и «*Le Point*» за период с октября 2022 по октябрь 2023 года. В анализе используется классификация метафор, разработанная российским лингвистом А. П. Чудиновым, который разделяет все многообразие метафор в соответствии с их семантическими свойствами на *антропоморфные*, *натуроморфные*, *социоморфные* и *артефактные* метафоры [6].

Антропоморфная метафора основана на наделении неодушевлённых предметов и явлений окружающего мира человеческими качествами. С их помощью человек, опираясь на накопленный опыт, описывает политический мир с помощью понятий, соотносящихся со сферами «Анатомия», «Болезни», «Физиология» и т.д. Метафора данного типа фигурирует в заголовке «*Un Parlement européen gangrené par les réseaux d'influence*» 'Европейский парламент, пораженный сетями влияния' (*Libération*, 16.01.23). Лексема *gangrené* 'охваченный гангреной', номинирует последнюю стадию болезни, когда происходит отмирание тканей и органов человека. Ассоциация со смертельной болезнью очень выразительно представляет неудачные попытки ближневосточного государства Катар повлиять на политику Европарламента посредством дачи взяток депутатам. Медицинская метафора, используемая в заголовке статьи, емко и кратко описывает негативное отношение автора к подобным действиям политических лидеров Катара, провоцирующих паралич функционирования европейских демократических институтов, основанных на принципах прозрачности и подотчетности.

Еще один пример эффективного употребления антропоморфной медицинской метафоры встречается в заголовке «*C'est trop! : ces militants de gauche qui sentent monter la fièvre sociale*» 'Это уже слишком: левые активисты чувствуют подъем социальной лихорадки' (*La Croix*, 16.10.22). Она использована автором, чтобы заострить внимание читателей на серьезных проблемах партии левых во главе с Ж.-Л. Меланшоном при выборе дальнейшей стратегии. Автор уподобляет названную партию с человеческим организмом, который болеет, переживает кризис.

Следующим типом метафор, выделенных А. П. Чудиновым, предстают *натуроморфные* метафоры. Начиная с языческих времен человек обращался к природе в поисках ответов на жизненно важные вопросы, проводя аналогии и находя сходства между природой и обществом. Данная категория метафор

охватывает сферы «Мир растений», «Мир животных», «Явления природы». Так, в заголовке « *Le gouvernement veut “ résister aux vents contraires ” avant l’épreuve du feu des retraites* » ‘Правительство хочет «противостоять встречным ветрам» перед пенсионным испытанием на прочность’ (Le Point, 04.01.23), использована натуроморфная метафора *résister aux vents contraires* ‘противостоять встречным ветрам’. Протесты французов против пенсионной реформы сравниваются автором статьи с природной стихией (сильным встречным ветром, которому нужно противостоять). Интересно отметить, что автор выстраивает своеобразные «мостики» между заголовком и идеями, высказываемыми в разных частях статьи. Так, он использует цепочку натуроморфных метафор, перекликающихся с представленной в заголовке, для описания беспокойной ситуации в стране (*un climat assombri par la guerre en Ukraine, la crise énergétique, l’inflation* ‘климат, омраченный войной в Украине, энергетическим кризисом, инфляцией’; *sur l’âge de départ, syndicats et oppositions sont vent debout* ‘на старте (президентской гонки) профсоюзы и представители оппозиции яростно противостоят друг другу’). Тем самым метафоры создают своеобразный «остов» статьи.

Аналогичную метафору встречаем и в заголовке статьи « *Retraites : Macron va-t-il déclencher la tempête ?* » ‘Пенсии: Развяжет ли Макрон бурю?’ (l’OBS, 3 janvier 2023), посвященной этой же проблематике. Анализ статьи выявил целую серию натуроморфных метафор, перекликающихся с использованной в заголовке. Так, в легенде к статье автор задается вопросом: *Emmanuel Macron va-t-il tout droit, tête baissée, se fracasser dans le mur de la réforme des retraites et affronter le tsunami social qu’il aura provoqué ?* ‘Ударится ли Эммануэль Макрон головой о стену пенсионной реформы и столкнется ли с социальным цунами, которое он спровоцировал?’ Наблюдается своеобразная восходящая градация по степени интенсивности значения используемой метафоры: *il a déclenché la tempête* → *il a provoqué le tsunami* ‘он вызвал бурю → он спровоцировал цунами’. Повествуя о вызвавшей серьезную полемику и недовольство во французском обществе предложением команды Э. Макрона повысить пенсионный возраст в стране с 62 до 64 лет, автор статьи Серж Раффи (Serge Raffy) сравнивает пожелания президента с химической эмульсией (*une émulsion chimique*), которой нужно дать осесть, чтобы обнаружить ее настоящий вкус (*pour en découvrir le fumet essentiel*). Автор отдает должное действиям Э. Макрона на посту президента в сложном для Франции 2022 году, в эпоху многочисленных кризисов (*la dure réalité, les guerres, les corporatismes, la guerre en Ukraine, le Covid, et autres freins de tous ordres* ‘суровая реальность, войны, корпоративизм, война в Украине, Ковид и другие всевозможные препятствия’), метафорически называя его хозяином бурь, Супермакроном (*il était le maître des tempêtes; Supermacron*). Тем не менее С. Раффи завершает статью печальной констатацией того факта, что 2023 год наверняка не принесет французам ничего нового, поскольку главное, чего недостает Э. Макрону – это человечности, эмпатии. Это, по мысли автора, и есть ахиллесова пята действующего

президента: *Est-ce la tare originelle du macronisme, ce sentiment que, malgré les meilleures intentions du monde, il manque à ce président ce brin de chaleur ... ?* 'Не является ли изначальным недостатком макронизма то, что, несмотря на самые лучшие намерения в мире, этому президенту не хватает теплоты ...?'. Метафора в заголовке статьи оказывается логически связанной с метафорами, пронизывающими всю ткань статьи, формируя своеобразные смысловые цепочки, как лежащие на поверхности, легко «считываемые» читателем, так и затрагивающие глубинные смыслы статьи.

В основе *социоморфных* метафор лежат знания человека как части социума об окружающем мире. Они формируются при сравнении предметов/явлений с предметами/явлениями, включенными в социальную жизнь человека и затрагивающими сферы «Театр», «Война», «Религия», «Спорт», «Игра». Рассмотрим следующий заголовок: « *Réforme des retraites: déni et mépris, le cocktail Macron est explosif* » 'Пенсионная реформа: отрицание и презрение, коктейль Макрона взрывоопасен' (Libération, 20.01.23). В данном примере используется метафора *le cocktail Macron* 'коктейль Макрона' (в основе которой словосочетание 'коктейль Молотова', т.е. взрывоопасная смесь, используемое в качестве общего названия зажигательных гранат. Автор наводит читателя на мысль о том, что политика действующего президента Франции может быть такой же 'взрывоопасной', как и коктейль Молотова, спровоцировать череду социальных потрясений. Тем самым посредством социоморфной метафоры, связанной со сферой «Война», автор дает негативную оценку политике Э. Макрона. Он предупреждает, что президенту придется потрудиться, поскольку будет недостаточно подписать очередной указ, чтобы *pour éteindre le rejet, la colère et in fine la rancœur à l'égard d'une réforme considérée par la plupart des Français comme injuste ... comme pas nécessaire* 'погасить неприятие, гнев и, в конечном счете, негодование по отношению к реформе, которую большинство французов считают несправедливой ... ненужной'.

Артефактная метафора реализуется в сферах «Транспорт», «Механизм», «Здания и сооружения», «Дом и предметы быта», «Одежда и украшения» и т.д. Рассмотрим следующий пример использования такой метафоры в заголовке « *La colère sociale doit être le moteur de la gauche dans le débat d'idées* » 'Социальный гнев должен быть двигателем партии левых в обсуждении идей' (Libération, 27.01.23). В статье описывается сложившаяся на современной политической арене Франции ситуация, когда в связи с большим наплывом иммигрантов все чаще говорят о преобладании «правых» настроений (*l'idée que la France se droitise, avec l'apparition de la préoccupation identitaire, gagne du terrain*). Автор отмечает, что сегодня раскол между «левыми» и «правыми» вновь предстает в его «классическом» виде, поскольку связан с вопросом о пенсиях, о работе и прогрессе (*le clivage gauche-droite réapparaît avec ses atours les plus classiques, autour de la question sociale des retraites et plus généralement du travail et du progrès*). Артефактная метафора, представленная в заголовке словосочетанием *le moteur*

de la gauche ‘двигатель партии левых’, используется автором Тома Леграндом (Thomas Legrand) с целью призвать левые силы использовать сложившуюся благоприятную (поскольку равновесную) ситуацию, чтобы сплотиться (*La bataille des retraites est une opportunité qu'elle doit saisir pour réaffirmer son identité*). Именно борьба за социальные права и должна стать «мотором» для укрепления партии под руководством Ж.-Л. Меланшона в предстоящей гонке за лидерство в стране и за положительные перемены в жизни французского общества.

В результате проведенного исследования установлено, что три из четырех типов метафоры, а именно антропоморфная, натуроморфная и социоморфная, представляют практически равное количество примеров в нашей выборке (39 пример (33%), 38 примеров (32%) и 35 примеров (30%) соответственно). Артефактная метафора встречается лишь в 8 примерах из 120 (5%). Равная представленность трех названных выше типов метафор в медийных статьях политической тематики обусловлена тем, что человеку привычнее создавать метафорический перенос на основе тех реалий, которые окружают его в повседневной жизни. Численно значительно меньшая представленность артефактной метафоры объясняется тем, что для ее восприятия читатель должен обладать определенным жизненным и практическим опытом и эрудицией, достаточно высоким уровнем владения общей культурой, что в условиях современного общества оказывается далеко не всегда возможным.

Таким образом, метафоры, используемые в заголовках и текстах политических статей способны надолго сохраняться в памяти, оказывать воздействие на ассоциативное мышление адресата, непосредственно отражают и увеличивают когнитивный опыт социума. Придавая заголовку образность, наглядность, метафоры формируют определенное оценочное отношение к сообщаемому, выделяют ключевые аспекты политического события, делают информацию более доступной для широкого круга читателей. Метафора в заголовке логически связана с метафорами, пронизывающими всю «ткань» статьи. В совокупности они формируют смысловые цепочки, позволяющие автору удерживать внимание читателя, фокусировать его на ключевых моментах повествования.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ишменев Е. В. Политический медиадискурс: теория и национальные модели. Екатеринбург, 2012. 127 с.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 172-193.
4. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. Воронеж : НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
5. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Серия 9: Филология, 2001. №. 6. С. 134-135.
6. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.

КОНЦЕПТ «ГДР» В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(на материале романа С. Берг «HABE ICH DIR EIGENTLICH
SCHON ERZÄHLT ... EIN MÄRCHEN FÜR ALLE»)

В статье рассматривается содержание концепта «ГДР» с точки зрения лингвокультурологии и исследуется его языковая репрезентация в немецком художественном дискурсе. Цель исследования состоит в выявлении ключевых лексем и словосочетаний, вербализующих концепт «ГДР» в романе Сибиллы Берг «Habe ich dir eigentlich schon erzählt... Ein Märchen für alle» (Я тебе когда-нибудь рассказывал... Сказка для всех). В статье описывается смысловая структура концепта «ГДР», его когнитивные признаки, а также ценностные доминанты немецкого социума, связанные с данным концептом и существующие в немецкой языковой картине мира. Научная новизна заключается в комплексном лексикографическом, лингвокультурном и дискурсивно-текстовом анализе концепта «ГДР». Исследование позволило сделать вывод о том, что в настоящий момент прослеживается тенденция к негативной и ироничной оценке этого концепта немцами.

Ключевые слова: концепт; языковая репрезентация; когнитивная лингвистика; лингвокультурология; ГДР.

The article examines the content of the concept "GDR" from the point of view of linguoculturology and examines its linguistic representation in German literary discourse. The purpose of the study is to identify key lexemes and phrases that verbalize the concept of "GDR" in the novel "Habe ich dir eigentlich schon erzählt... Ein Märchen für alle" ("Have I ever told you... A fairy tale for everyone"). The article describes the semantic structure of the concept "GDR", its cognitive features, as well as the value dominants of the German society associated with this concept and existing in the German language world picture. Scientific novelty lies in a comprehensive lexicographic, linguocultural and discursive-textual analysis of the concept "GDR". The study led to the conclusion that at the moment there is a tendency towards a negative and ironic assessment of this concept by the Germans.

Key words: concept; language representation; cognitive linguistics; linguoculturology; GDR.

Вопросы когнитивной лингвистики стали активно обсуждаться в 80-90-е годы XX века как зарубежными учеными (Дж. Лакофф и М. Джонсон, Ф. Унгерер и Х.-Й. Шмидт и др.), так и отечественными филологами (В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин). В исследовании языковой картины мира определенного социума ведущую роль играет описание различных концептов, составляющих в совокупности систему знаний о мире. В настоящий момент существует множество определений понятия «концепт». Наиболее релевантным в рамках данного исследования нам представляется определение Н. Н. Болдырева, согласно которому концепты представляют собой «те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления и речемыслительной деятельности. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им

окружающего мира в виде определенных единиц, “квантов” знания. Человек мыслит концептами» [1, с. 39]. В.И. Карасик пишет о том, что концепт в рамках лингвокультурологии – это «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [2, с. 129].

Концепт «ГДР» является значимым смыслом для немецкой языковой картины мира, что связано в первую очередь с историческими событиями, которые до сих пор сохранились в памяти немецкого народа. Это подтверждает исследование Е. О. Тумановой, которая проанализировала публикации и комментарии к ним немецкоязычных авторов в социальной сети «Инстаграм», содержащие хештеги, связанные с позитивными и негативными воспоминаниями граждан Германии о жизни в Германской Демократической Республике [3]. Изучением смысловой структуры концепта «ГДР» и идеологически связанных лексических единиц бывшего социалистического государства занимаются российские ученые Ю. Н. Зинцова и О. А. Орлова, которые подчеркивают многоплановость и многомерность данного концепта, интерес к которому по-прежнему не ослабевает [4, с. 353].

Для дальнейшего исследования концепта «ГДР» проведем комплексный концептологический анализ, который включает лексикографический, дискурсивно-текстовый и лингвокультурный уровни. Начнем с информационного содержания концепта ГДР. В немецком толковом онлайн-словаре Duden аббревиатура «ГДР» расшифровывается следующим образом: *die DDR – Deutsche Demokratische Republik (1949–1990)* ‘Германская Демократическая Республика’ [5], т.е. дается нейтральная историческая ссылка на государство, существовавшее в период с 7 октября 1949 года до 3 октября 1990 года без каких-либо пояснений. Если же мы рассмотрим разговорное название жителей этого государства *die Ossis* (от *Ostdeutsche* – ‘восточные немцы’), то обнаружим уничижительное значение: *aus Ostdeutschland, aus den neuen Bundesländern stammende Person (oft abwertend)*, что свидетельствует о негативном отношении западных немцев к ‘восточным немцам из новых федеральных земель’.

В корпусе DWDS (*Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*) в лексическом графе «DDR» также прослеживается тенденция к лексемам со сниженной, негативной, ироничной и даже грубой стилистической окраской: *Ostdeutschland* ‘Восточная Германия’, *Ostzone / Sowjetische Besatzungszone (SBZ)* ‘восточная / советская оккупационная зона’, *der Arbeiter- und Bauernstaat* ‘государство рабочих и крестьян’, *Der Dumme Rest* ‘глупый остаток, страна глупцов’ [6]. Данные словосочетания свидетельствуют уже о негативном отношении жителей современной Германии к ГДР как государству и тому периоду, когда Германия не была единой.

Аббревиатуру ГДР можно встретить на страницах немецких газет и журналов, на форумах в Интернете, в выступлениях историков и политиков, разговорах рядовых граждан Германии, а также в художественных произведениях.

Цель нашего исследования состоит в изучении концепта «ГДР» с точки зрения лингвокультурологического подхода и выявлении ключевых слов и словосочетаний, вербализующих данный концепт в романе известной немецко-швейцарской писательницы и драматурга Сибиллы Берг «*Nabe ich dir eigentlich schon erzählt... Ein Märchen für alle*» (Я тебе когда-нибудь рассказывал... Сказка для всех) [7], которая родилась и выросла в Тюрингии (бывшей ГДР), а затем в 1984 году иммигрировала в ФРГ. Сюжет этой «сказки для всех» достаточно увлекательный: речь идет о жизни двух подростков – Анны и Макса, которые живут по соседству, при этом оба очень одиноки и абсолютно несчастливы: у Анны есть мать-алкоголичка, у Макса – вечно уставший, молчаливый отец-полицейский. У них нет друзей, они живут в своем выдуманном мире и тоскуют о большом мире без границ за пределами ГДР, поэтому решают вместе бежать на Запад в поисках новой и лучшей жизни. На своем пути они встречаются много препятствий, испытаний и приключений, пересекают границы Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, и в конце романа им удается добраться на корабле до Турции.

В рамках данной статьи представляется интересным рассмотреть образную составляющую концепта «ГДР» на примере автобиографического романа С. Берг, в котором детально описана жизнь немцев в тот период времени и желание подростков убежать из родного дома, а фактически покинуть страну. Анна описывает место своего проживания исключительно с отрицательной стороны: “*Negative Erinnerungen habe ich ohne Ende. Die liegen in der Magengegend, und ich werde keine je vergessen*“ [7, с. 9]. ‘Плохие воспоминания не иссякают. Они глубоко внутри меня, и я никогда не смогу их забыть’ (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – А.З.).

Для вербализации негативных эмоций героиня использует различные лексемы. В первую очередь это прилагательные, которые передают ее чувства и состояние. Например, ей все время холодно: “*Es ist eigentlich immer kalt. Vielleicht gab es auch mal einen Sommer, aber wenn, dann habe ich den vergessen. <...> Ich glaube, so kalt wie hier ist es nirgends sonst auf der Welt*“ [7, с. 9, 11]. Этот холод связан не только с объективными обстоятельствами – квартирой, которая отапливается дровами и углем, но и с холодом в ее душе – окружающая действительность не радует девочку: «*Meine Stadt ist grau, und auch das ganze Land. Die Menschen schleppen sich durch die Straßen, und es gibt keine Orte, wohin sie gehen können, außer in ihre ungeheizten Wohnungen, von denen überall der Putz abbröckelt. Da sitzen sie dann, und ich habe wirklich keine Ahnung, was sie da tun. Es gibt keine schönen Cafés oder Restaurants, keine Freizeitparks und keine Einkaufszentren. Manche Leute besitzen Fernseher. Schwarzweiß und zwei Kanäle. Da läuft immer was über die Heldentaten der Arbeiterklasse, oder Filme, in denen graue Menschen in ungeheizten Wohnungen sitzen. Im Kino dasselbe: Filme aus Russland über traurige Leute in ungeheizten Wohnungen, aber synchronisiert. Na danke*» [7, с.15]. Родной город, всю страну и людей, которые в ней живут, девочка видит в сером цвете, что с точки

зрения психологии можно интерпретировать как что-то скучное, безнадежное, безрадостное. Людям нечем заняться в свободное время, они живут в бедности, выглядят печальными и не имеют выбора в отличии от других западных стран, что смотреть, куда сходить, что купить. Многие спиваются от безысходности, в том числе и мать Анны: *“Die Leute wissen nicht, was sie mit sich anfangen sollen. Vielleicht wissen das Menschen sowieso nicht so gut, aber ich denke, woanders, also in den Ländern, die ich nie sehen werde, gibt es genug Sachen, die die Menschen von ihrer Langeweile ablenken. Hier dagegen können die Erwachsenen nur viel Alkohol trinken, damit etwas passiert. Oder damit sie nicht mehr merken, dass nichts passiert“* [7, с. 20].

Для вербализации негативных эмоций автором используются также различные именные и глагольные словосочетания. По словам Анны, в магазинах продается ненужное барахло *derselbe Schrott, hässliche Anziehsachen, uninteressante Spielwaren, ein unbefriedigtes Gefühl*, люди чувствуют себя обманутыми и вечно ворчат *sich betrogen fühlen, schlechte Laune bekommen, unentwegt meckern*. Из стилистических фигур используются сравнения – *die Stadt ist am Wochenende wie ausgestorben* ‘город по выходным словно вымирает’, метафоры – *für junge Menschen ist dieses Land die Hölle* ‘для молодых людей эта страна ад’, повторы (словосочетание *ungeheizte Wohnungen* встречается в ранее приведенном примере не менее трех раз). Кроме того, на страницах романа присутствует разговорная и сниженная лексика, например, *bescheuert* ‘тупой, дурацкий’, *beschissen* ‘гребанный, хреновый’, *ach du Scheiße, so ein Mist* ‘черт подери’ и др.

Анна и Макс отказываются жить такой жизнью, они ненавидят ГДР и идеи социализма о всеобщем равенстве. Решительность героев вербализуется с помощью глаголов *weggehen* ‘уходить’, *fliehen* ‘сбежать’, *abhauen* ‘уносить ноги’ и др.: *Aber bitte, wie soll man hier auch nicht fliehen wollen? Abhauen passt mir gerade großartig* (Anna). *Ich hoffe eigentlich nur darauf, dass ich erwachsen werde und weggehen kann. Ich werde irgendwann aus diesem Land fliehen, dass weiß ich sicher* (Max) [7, с. 16, 23, 55]. Дети мечтают вырасти и сбежать из этой страны, на какое-то время забыть о реальности им помогает чтение книг, которые удастся раздобыть в местной библиотеке.

Интересным нам кажется юмористическое высказывание Анны о Социалистической единой партии Германии (SED): *In der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands, der SED, zu sein ist wichtig, wenn man es zu was bringen will. Alle Nicht-Parteimitglieder sind ein wenig verdächtig. Unser Land ist das Land der Arbeiter und Bauern, also sind auch Tiere verdächtig. Kinder, Ärzte und Professoren – alle verdächtig* [7, с. 20]. Быть членом СЕПГ – было крайне важно во времена ГДР, если кто-то хотел чего-то добиться в жизни. Беспартийные, в том числе дети, врачи, профессора и даже животные (ирония автора романа) считались неблагонадежными и находились под подозрением.

Внимания заслуживает также высказывание Макса о Берлинской стене (die Berliner Mauer), которая в ГДР называлась *der antifaschistische Schutzwall* – 'антифашистский защитный вал': *Ich finde das Land ziemlich unangenehm. Sie erklären uns in der Schule, dass wir eingesperrt sind, also sie sagen natürlich nicht EINGESPERRT, die Mauer, das heißt: der antifaschistische Schutzwall, die gibt es nur, weil der Staatsfeind, also der Westen, uns so angreifen würde und sabotieren. Bitte, wer glaubt denn so einen Quatsch? Ein Land, das seine Leute einschließt, weil es Angst hat, dass sie sonst weglaufen, ist ziemlich bescheuert* [7, с. 36]. ГДР как страна не нравится мальчику, так как он чувствует себя в ней как в заключении (eingesperrt). В школе ему рассказывают о Западе как о враге, который якобы хочет напасть, но ребенок в это не верит, зато он ставит под сомнение разумность государства, которое запирает своих граждан из страха, что они сбегут.

Тема побега красной нитью тянется через весь роман, но сбежать из ГДР было не просто. Подтверждение мы находим в словах главной героини Анны: *“Die Leute, die abhauen, leben gefährlich. Ab und zu wird einer erschossen, aber die meisten kommen ins Gefängnis. Es erzählt natürlich offiziell keiner, was mit denen passiert. Wir haben nur gelernt, dass Republikflüchtlinge Staatsfeinde sind“* [7, с. 57]. Анна рассказывает, что бежать из ГДР было опасно: некоторых расстреливали, других садили в тюрьму и объявляли врагами государства. Не смотря на страх, подростки решают сбежать, чтобы чувствовать себя свободными и реализовать свои мечты о будущем. Пройдя через множество испытаний, Анна приходит к выводу, что их решение было правильным и дает им возможность узнать что-то новое: *“Es hat sich gelohnt, mutig zu sein. Egal, was jetzt kommt, es wird besser sein als das, was wir verlassen haben. Es wird etwas Neues sein“* [7, с. 168].

На основании ключевых слов и словосочетаний, репрезентирующих концепт ГДР в романе немецкоязычной писательницы С. Берг, была построена графическая модель концепта DDR (рисунок 1).

Итак, проанализировав ключевые слова и словосочетания, вербализующие концепт ГДР в немецкоязычном художественном дискурсе, мы пришли к выводу, что ценностными доминантами немецкого социума, существующими в немецкой языковой картине мира, являются такие ценности как свобода и независимость, возможность делать выбор и добиваться большего, материальный достаток и реализация себя как личности. Всего этого не хватало в ГДР, но так хотелось главным героям романа С. Берг и, вероятно, ей самой.

В романе представлена отрицательная характеристика бывшего социалистического государства и жизни ее граждан, негативное отношение писательницы к ГДР подтверждают высказывания главных героев. Данные лексического графа «DDR» корпуса DWDS также подтверждают тенденцию к негативной и ироничной оценке этого концепта немцами.

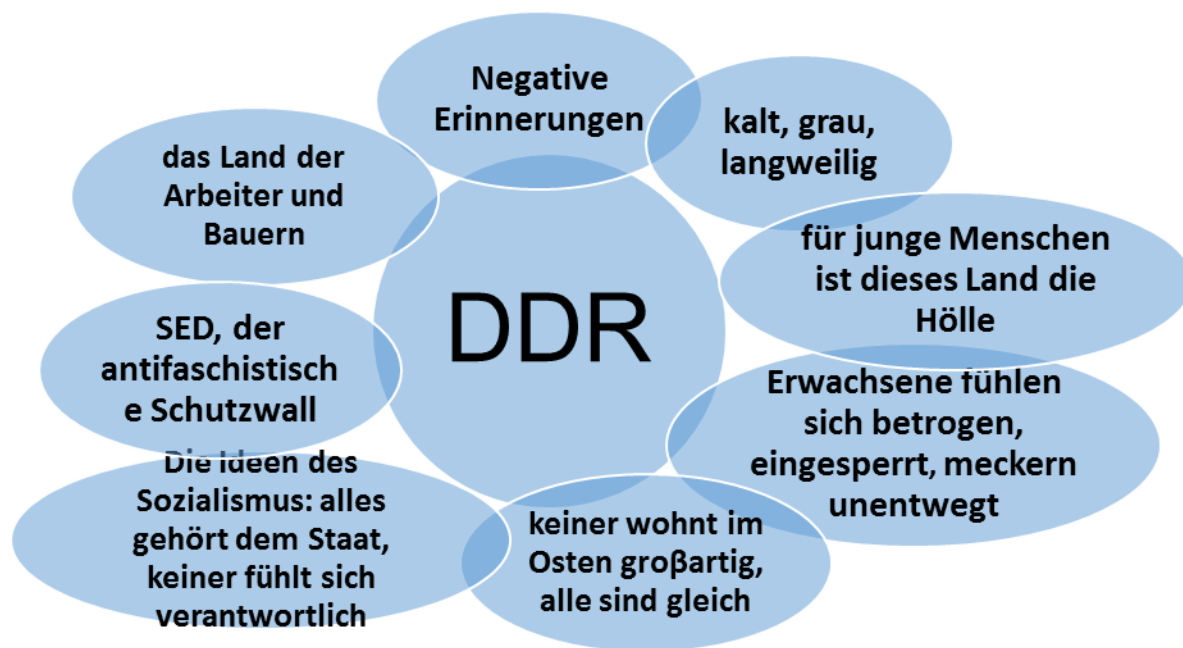

Рисунок 1 – Графическая модель концепта ГДР

Роман С. Берг был опубликован в 2006 году, спустя 16 лет после объединения Германии. В 2012 году в Берлине появилась школьная театральная постановка с одноименным названием, а в 2022 году Гете-институт предложил изучающим немецкий язык обсудить сюжет книги в немецкоязычном книжном онлайн-клубе, что свидетельствует о том, что негативные воспоминания о стране рабочих и крестьян до сих пор присутствуют в немецкой языковой картине мира.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций. Тамбов : ТГУ, 2014. 236 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
3. Туманова Е. О. Концепт ГДР в современной виртуальной немецкоязычной коммуникации (на материале социальной сети «Инстаграм») // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 163-168.
4. Зинцова Ю. Н., Орлова О. А. Смысловая структура и языковая репрезентация концепта «ГДР» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4 (2). С. 351-354.
5. Duden Deutsches Universalwörterbuch. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/DDR> (дата обращения: 15.08.2022).
6. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/?q=DDR&from=wb> (дата обращения: 15.08.2023).
7. Berg S. Habe ich dir eigentlich schon erzählt... Ein Märchen für alle. Kiepenheuer & Witsch eBook. 2022. 176 S.

ДЕИНТЕНСИФИКАТОРЫ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ ОБЗОРЕ ВАЛЮТНОГО РЫНКА

В статье рассматриваются деинтенсификаторы отрицательной оценки в жанре англоязычного обзора валютного рынка. К ним в указанных текстах отнесены наречия, местоимения, существительные, сочетания интенсификаторов с отрицательной частицей *not* 'не'. Отрицательное мнение выражается относительно высокой инфляции, не соответствующих ожиданиям изменений статистических показателей, не вполне адекватного восприятия ситуации участниками рынка, вероятности снижения базового индекса потребительских цен.

Ключевые слова: англоязычный дискурс; аналитический обзор валютного рынка; категория оценки; отрицательная оценка; деинтенсификаторы; деинтенсификаторы отрицательной оценки.

The paper considers the de-intensifiers of negative evaluation in the genre of the anglophone review of the foreign exchange market. Adverbs, pronouns, nouns, combinations of intensifiers with the negative particle *not* are related to them. Negative opinion is expressed regarding high inflation, changes in statistical indicators that do not correspond to expectations, not quite adequate perception of the situation by market participants, possible decline in the basic consumer price index.

Key words: anglophone discourse; analytical review of the foreign exchange market; evaluation category; negative evaluation; de-intensifiers; negative evaluation de-intensifiers.

Выбор деинтенсификаторов отрицательной оценки в англоязычных обзорах валютного рынка в качестве предмета анализа, проводимого в данной статье с позиций прагматического и когнитивного подходов на материале англоязычных сайтов аналитических агентств ("FXStreet", "TopBrokers") и деловых СМИ ("The Economist"), обусловлен нацеленностью исследования на изучение способов репрезентации категории оценки в указанном жанре.

Актуальность выбранной тематики основывается на усилении значения аналитических обзоров валютного рынка для экономической, политической и социальной сфер жизни современного человека в совокупности с ключевым значением деинтенсификационных оценочных суждений в процессах коммуникации в данной области знания.

Теоретическую базу исследования составили работы Н. Д. Арутюновой [1], Е. А. Баженовой [2], Е. М. Вольф [3], В. Н. Телия [4], Н. В. Шутёмовой [5, 6], Н. В. Ильиной [7], посвященные функционированию категории оценки в дискурсе с лингвокогнитивных, лингвопрагматических и лингвокультурологических позиций.

В когнитивной лингвистике оценка рассматривается как универсальная понятийная категория, эксплицирующая ценность объекта или явления и сопряженная с процессами познания мира человеком.

Прагматический подход к пониманию категории оценки характеризует ее как функционально-семантическую категорию, определяемую как «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [2, с. 139].

Наиболее общая классификация, представленная в работах Н. Д. Арутюновой, Е. А. Баженовой и Н. В. Шутёмовой, проводимая на основании аксиологического параметра «хорошо – плохо» позволяет выделить на общеоценочной шкале позитивную, нейтральную и негативную оценку, предполагая возможность перемещения по аксиологической шкале в положительной или отрицательной областях в процессе интенсификации или деинтенсификации путем усиления или ослабления признака «хорошо» или «плохо».

Как показывают исследования Е. М. Вольф, В. Н. Телия, Н. В. Ильиной, деинтенсификация оценочного суждения имеет определенную прагматическую цель и направлена на снижение категоричности высказывания, внося в него элемент рациональности. Деинтенсификация бывает истинная (выражающая подлинное положение вещей) и ложная (не совпадающая с истинным речевым намерением, иногда являющаяся замаскированной интенсификацией). Деинтенсификация происходит с использованием показателей количества признака и актуализируется посредством деинтенсификаторов, которые могут быть умеренными (*almost* ‘почти’), интенсивными (*slightly* ‘слегка, немного’) и предельными (*a (little) bit (of)* ‘немного (из)'), однословными (*slightly* ‘слегка’, *somewhat* ‘отчасти, немножко’) и составными, эксплицированными словосочетаниями (*a little bit* ‘немного’).

Исследование показало, что к деинтенсификаторам отрицательной оценки в жанре англоязычного обзора валютного рынка могут быть отнесены наречия (*almost* ‘почти’, *slightly* ‘слегка, немного’), местоименные наречия и местоимения (*somewhat* ‘отчасти, несколько’), существительные (*a (little) bit (of)* ‘немного (из)'), а также сочетания интенсификаторов с отрицательной частицей *not (not (too) much* ‘не (слишком) много’). Проведенный анализ языкового материала в указанном жанре позволил выявить истинную деинтенсификацию. Проиллюстрируем приведенную классификацию деинтенсификаторов конкретными примерами.

Отрицательная оценка высокого уровня инфляции, как правило, негативно сказывающегося на экономической ситуации, актуализированная посредством образованного от прилагательного *high* ‘высокий’ нейтрального наречия *high* ‘высоко’, ослабляется умеренным однословным деинтенсификатором, представленным наречием *almost* ‘почти’: *In the euro zone inflation has run almost as high as in America* ‘В еврозоне инфляция достигла почти такого же высокого уровня, как в Америке’ [8].

Снижение производственных показателей вместо ожидавшегося повышения оценивается негативно посредством нейтрального глагола *to drop* ‘бросать, падать’, номинирующего резкое снижение, падение чего-либо: «*to move to a lower level, or cause something to move to a lower level*» [13], что подтверждает последующая экспликация, однако категоричность высказывания нивелируется интенсивным однословным деинтенсификатором, эксплицированным наречием *slightly* ‘слегка, немного’: *The capacity utilization index dropped slightly to 78.3% instead of growing to 79.1%. This means nothing prevents the Fed from lifting the rate by 25 basis points not*

just twice but three times or more before the situation stabilizes ‘Индекс загрузки производственных мощностей немного снизился до 78,3% вместо роста до 79,1%. Это означает, что ничто не мешает ФРС повысить ставку на 25 базисных пунктов не просто дважды, а трижды или более, прежде чем ситуация стабилизируется’ [9].

Не соответствующие ожиданиям статистические показатели валюты становятся объектом отрицательной оценки, которая объективируется участием прошедшего времени с негативной семантикой *disappointed* ‘разочарованный’, выступающим в роли определения и показывающим разочарование, недовольство: «*unhappy or discouraged because your hopes or expectations about something or someone were not satisfied*» [13], и подвергается ослаблению однословным деинтенсификатором, выраженным местоименным наречием *somewhat* ‘отчасти, немножко’: *USD fans got somewhat disappointed by the US statistics from yesterday* ‘Поклонники доллара были несколько разочарованы вчерашней статистикой по США’ [10].

Не вполне адекватное восприятие участниками рынка сложившейся ситуации оценивается отрицательно, что показывается глаголом *to underprice* ‘занижать, недооценивать’ в форме герундия, выражающим недооцененность, преуменьшение значимости чего-либо: «*used to describe something that costs less than it is worth*» [13], подвергается ослаблению при помощи репрезентированного сочетанием прилагательного и существительного предельного составного деинтенсификатора *a little bit* ‘немного’, что снижает категоричность сообщения, делая его более рациональным, а последующая экспликация подкрепляет амортизирующий эффект: *Perennial hawk Bullard said he believed “markets are underpricing a little bit the risk that the FOMC will have to be more aggressive rather than less”*. *New York Fed President Williams struck a softer tone but also said he saw the rate path higher* ‘Многолетний ястреб Буллард сказал, что, по его мнению, «рынки немного недооценивают риск того, что FOMC придется быть более агрессивным, а не менее». Президент ФРС Нью-Йорка Уильямс выступил с более мягким заявлением, но также сказал, что видит путь повышения ставки’ [11].

Отрицательно воспринимается вероятность снижения базового индекса потребительских цен, что показывает нейтральный глагол *to drop* ‘бросать, падать’, однако угроза такой вероятности сглаживается деинтенсификатором, объективированным сочетанием интенсификатора *too much* ‘слишком много’ с отрицательной частицей *not* ‘не, нет’: *The Core CPI might drop, but not too much* ‘Базовый индекс потребительских цен может снизиться, но не слишком сильно’ [12].

Анализ показал разнообразие средств актуализации деинтенсификаторов отрицательной оценки в жанре англоязычного обзора валютного рынка, объектами которой становятся: высокая инфляция, снижение статистических показателей вместо ожидавшегося повышения, не соответствующие ожиданиям статистические показатели валюты, не вполне адекватное восприятие участниками рынка сложившейся ситуации, вероятность снижения такого показателя, как базовый индекс потребительских цен.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1998. 338 с.
2. Баженова Е. А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. Москва: Флинта: Наука, 2003. С. 139–146.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
4. Телия В. Н. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / [В. Н. Телия, Т. А. Графова, А. М. Шахнарович и др.; Отв. ред. В. Н. Телия]. М.: Наука, 1991. 214 с.
5. Шутёмова Н. В. Виды экспертной оценки творчества И. Наховой в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Том 14, вып. 3. С. 56–68.
6. Шутёмова Н. В. Параметр значимости в реализации категории оценки в искусствоведческом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3. С. 469–472.
7. Ильина Н. В. Структура и функционирование оценочных конструкций в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 200 л.
8. The Economist. Why the dollar is so strong. URL: <https://www.economist.com/the-economist-explains/2022/07/20/why-the-dollar-is-so-strong> (accessed 11.04.2023).
9. TopBrokers. EURUSD: DOWNED AND DROWNED. OVERVIEW FOR 16.02.2023. 2023b. URL: <https://topbrokers.com/forex-brokers/roboforex-review/analytics/465028> (accessed: 23.06.2023).
10. TopBrokers. EURUSD TRIES TO GROW. OVERVIEW FOR 01.03.2023. 2023a. URL: <https://topbrokers.com/forex-brokers/roboforex-review/analytics/466608> (accessed 15/05/2023).
11. FXStreet. Risk sentiment improves as China rebounds. ANALYSIS | 11/29/2022. URL: <https://www.fxstreet.com/analysis/risk-sentiment-improves-as-china-rebounds-202211290725>. (accessed 09.12.2022).
12. TopBrokers. THE EURO IS TRYING TO GROW. OVERVIEW FOR 13.07.2022. 2023c. URL: <https://topbrokers.com/forex-brokers/roboforex-review/analytics/436562> (accessed 15.05.2023).
13. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed 04.09.2023).

Т. А. Козлова (Минск, Беларусь)

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ПАРАМЕТР ОЦЕНКИ В СЕМАНТИКЕ НАИМЕНОВАНИЙ МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ

В статье обосновывается наличие оценочного признака в семантике наименований моральных качеств в английском, белорусском и русском языках. На основе дефиниционного и контекстного анализа устанавливаются количественные параметры, способствующие выявлению оценочного признака в семантике наименований моральных качеств.

Ключевые слова: наименования моральных качеств; количественный параметр; оценка; оценочный признак; оценочная шкала.

The paper proves the idea of including evaluative characteristics in the semantics of the words denoting moral qualities in English, Belarusian and Russian. On the basis of the definition analysis and contextual analysis quantitative parameters revealing the evaluative characteristics in the semantics of the words under consideration are presented.

Keywords: words denoting moral qualities; quantitative parameter; evaluation; evaluative characteristic; evaluative scale.

Наименования моральных качеств представляют собой лексические единицы, в семантике которых зафиксировано субъективное отношение к обозначаемому объекту. Другими словами, в семантике данных единиц присутствует оценочный признак. Поскольку оценивание происходит на основании убеждений и взглядов, сформировавшихся исторически и существующих в обществе объективно, можно утверждать, что у общества есть оценочная шкала, по которой происходит оценивание, и существуют параметры в основе этой шкалы, важные для данного общества.

Оценочная шкала характеризуется отсутствием четкой градуированности, отсутствием четкого представления об увеличении или уменьшении свойства или качества, подлежащего оценке [1, с. 50]. Указанная характеристика известна как свойство нарастания. В свою очередь, свойство нарастания тесно переплетается со свойством недискретности, которое предполагает постепенный переход при движении по шкале вверх / вниз. Такая плавность обуславливает неопределённость при попытке ранжировать слова с оценочным значением на одном конце шкалы [2, с. 51-53]. Так, сложно определить, какая единица английского языка номинирует качество более честного человека – *honesty*, *frankness* или *truthfulness*, в какой лексеме русского языка зафиксирована более высокая степень признака «жестокость» – *кроважадность*, *лютость*, *свирепость* или *беспоощадность*, какой единицей в белорусском языке обозначается более низкая степень проявления признака «наглость» – *развязнасць*, *бесцырымоннасць* или *беспардоннасць*.

С другой стороны, в качестве основы аксиологических оценок может выступать параметрический принцип. Ряд наименований моральных качеств относится к отадаъективным существительным, вследствие чего в семантике единиц констатируется наличие количественного параметра. Данный параметр позволяет языковым средствам номинации моральных качеств утрачивать или усиливать оценочность, свойственную прилагательным. Количественный параметр в семантике слов, называющих моральные качества, в толковых словарях [3; 4; 5; 6; 7; 8] представлен семами 'количество' и 'интенсивность'. Установить наличие указанных сем позволяет дефиниционный анализ. В английском языке наличие данных сем подтверждается присутствием в словарном описании лексем *many* 'много', *very* 'очень', *extreme* 'чрезвычайный', *extremely* 'чрезвычайно', *strong* 'сильный', *utterly* 'крайне', *excessively* 'чрезмерно', *too* 'слишком' и зафиксировано в семантике 36 единиц (6,47% от общего количества наименований моральных качеств в английском языке), в белорусском языке – благодаря лексемам *многа*, *трохі*, *вельмі*, *надзвычай*, *празмерна*, *надта* и зафиксировано в семантике 31 единицы (7,08% от общего количества наименований моральных качеств в белорусском языке), в русском языке – с помощью лексем *очень*, *крайне*, *сильно*, *чрезвычайно*, *чрезмерно*, *недостаточно*, *слишком* и зафиксировано в семантике 23 единиц (4,24% от общего количества наименований моральных качеств в русском языке).

Любое слово, способное получить количественное определение даже при невыраженной квантификации, может подвергаться градуированию [9, с. 45; 10, с. 194]. «Получение» количественного определения возможно при слова в тексте. Установлено, что при употреблении лексемы в художественном тексте возможно коммуникативно обусловленное выделение компонента в структуре значения, его конкретизация, что приводит к восприятию её участниками акта коммуникации как коммуникативно релевантной. Вслед за И. А. Стерниным, указанный семантический процесс мы называем актуализацией семы [11, с. 107].

Актуализация семы 'количество' в художественной литературе второй половины XX века представлена сочетаемостью с кванторными показателями *много, мало, немного, немало* [10, с. 204]: *after so much of the insolence of reason* 'букв. после так много наглости доводов' (I. Murdoch. *The Nice and the Good*), *she had much less mercy on him* 'она испытывала намного меньше сострадания к нему' (G. Greene. *A Burn-Out Case*), *they deserved in return a little civility* 'они заслуживали взамен немного вежливости' (G. Greene. *A Burn-Out Case*); *ці не замного гонару* (В. Быкаў. Мёртвым не баліць); *Было гора на твары ўдавы, але дабраты, здаецца, няшмат* (А. Адамовіч. Нямко); *З аўтаматам, ведаецца... Неяк больш смеласці* (В. Быкаў. Дажыць да світання); *Гуманности много!* (Г. Медынский. Честь), *мало у нас боевитости* (Г. Медынский. Честь).

Материальным показателем градуирования служат «размерные» прилагательные, которые теряют своё «физическое» значение перед предикатными именами [12, с. 52; 13, с. 261]: *the atmosphere of cordiality deepened* 'углубилась атмосфера радушия' (G. Greene. *The Third Man*), *with easy familiarity* 'с лёгкой фамильярностью' (G. Greene. *Loser Takes All*), *I've chosen the higher selfishness* 'я выбрал высшую степень эгоизма' (I. Murdoch. *The Good Apprentice*); *высокая справядлівасць ягонага лёсу* (В. Быкаў. Альпійская балада), *трацячы невялікую сваю рашучасць* (В. Быкаў. Знак бяды); *в этой огромной покорности людей* (В. Гроссман. Жизнь и судьба), *мелкая небрежность в отношениях* (В. Гроссман. Жизнь и судьба), *с еще большим беззлобием* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

Анализ функционирования языковых средств номинации моральных качеств позволил выявить взаимосвязь морфологических особенностей и сочетаемостных возможностей данных единиц: сочетаемость с лексемами-интенсификаторами, которые указывают на высокий и низкий пределы проявления качества, характерна в большей степени для лексем, которые не являются производными единицами: *great gentleness / kindness / fairness / cordiality / courage* 'огромная кротость / доброта / честность / сердечность / смелость'; *невялікая рашучасць, вялікі(ая) гонар / адданаць / абыякавасць / строгасць*; *большая требовательность / суровость, огромная покорность / гордость*. Сочетания с производными единицами являются нечастотными: *з найвялікаю несправядлівасцю, с еще большим беззлобием*.

Сема 'количество' может быть поддержана вербализованными маркерами, обозначающими большую или меньшую степень проявления номинируемого качества, что позволяет выделить сему 'интенсивность'. Формальными показателями актуализации данной семы являются наречия *крайне, недостаточно, очень, сильно, чрезвычайно, чрезмерно*. Их особенность заключается в том, что они не называют точного количества, однако в их семантике присутствует скрытое сравнение с определённой точкой отсчёта, которая принимается за норму. Соответственно, указанные наречия обозначают количество, которое либо превышает норму, либо не достигает её [14, с. 64–65]. На данном основании определяем два варианта реализации семы 'интенсивность' – высокую степень проявления качества, актуализируемую в выражениях *interest was hidden by an almost excessive severity* 'интерес скрывался под почти чрезмерной строгостью' (M. Drabble. Jerusalem the Golden), *absolute truthfulness* 'абсолютная правдивость' (I. Murdoch. The Nice and the Good), *excessive amiability* 'чрезмерное дружелюбие' (G. Greene. A Burn-Out Case), *infinite cynicism* 'бесконечный цинизм' (W. Golding. Lord of the Flies); *незвычайная шчодрасць* (А. Адамовіч. Інтэрнат на Нямізе), *нечуваная лютасць* (А. Адамовіч. Віхі), *лішняя самаўпэўнасць* (І. Навуменка. Вайна каля Цітавай копанкі), *мяккасці, спагады ў людзей бытта паменела* (М. Гіль. Ранішнія сны); *с величайшей скромностью* (М. Шолохов. Поднятая целина), *крайняя подлость* (Г. А. Газданов. Пробуждение), *с небывалой сдержанностью* поздоровался (М. Шолохов. Поднятая целина), *с совершенно необычайной чуткостью* (В. Гроссман. Жизнь и судьба) – и низкую степень проявления качества, актуализируемую в выражениях *sweet and innocent unconsciousness* 'сладостно-невинная несознательность' (I. Murdoch. The Nice and the Good), *unkindness melted away* 'недоброжелательность растаяла' (W. Golding. Lord of the Flies); *нязлосная насмешлівасць* (І. Навуменка. Развітанне ў Кавальцах), *бяскрыўдная накорлівасць* (В. Быкаў. Дажыць да світання); *наглость у него странным образом сочеталась с туповатым добродушием* (Г. Медынский. Честь), *добродушная насмешливость* (М. Шолохов. Поднятая целина). Одним из формальных показателей выделения семы 'интенсивность' является кванторный показатель *какой* [15, с. 278]: *what pride I should feel* 'какую гордость я испытаю' (G. Greene. The Third Man); «*Якая накорлівасць!*» – *падумаў Рыбак* (В. Быкаў. Сотнікаў); *Какая доверчивость на лице, а!* (В. Шукшин. Калина красная). Выявленная сема позволяет ранжировать наименования моральных качеств не только в рамках бинарной оппозиции «положительное – отрицательное»: градуирование наименований моральных качеств возможно и в рамках одного полюса. Другими словами, благодаря семе 'интенсивность' осуществляется движение по оценочной шкале. В парадигматике баланс высокой и низкой степеней интенсивности проявления качества заключается в значении гиперонима [16, с. 110].

Указание на степень проявления морального качества взаимосвязано с категорией нормы. О наличии семы 'норма' в значении исследуемых единиц свидетельствуют следующие выражения: *nobody with courage enough to worry a senior officer* 'ни у кого не хватило смелости побеспокоить начальника' (G. Greene. A Burn-Out Case), *the extent of my pride* 'степень моей гордости' (G. Greene. A Burn-Out Case); *межы прыстойнасці* (І. Навуменка. Развітанне ў Кавальцах), *распіраў гонар* (І. Навуменка. Вайна каля Цітавай копанкі); *предел самоотверженности* (Г. Медынский. Честь), *его преданность партии – беспредельна* (В. Гроссман. Жизнь и судьба), *мера твёрдости* (Г. Медынский. Честь), *текущая через край доброта* (М. Палей. Евгеша и Аннушка).

Норма на оценочной шкале относится к положительному флангу шкалы оценок. Данный факт позволяет утверждать, что в случае сочетаемости с лексемами 'обычный, обыденный, повседневный, монотонный, рядовой, заурядный, посредственный, неудивительный, закономерный, ожидавшийся, привычный, машинальный, автоматический, заведённый' и другими и соответствующими единицами в английском и белорусском языках актуализируется положительная оценка в семантике слова в случае наименования положительного морального качества, так как «привычка – это слабо мотивированная норма индивидуального поведения» [17, с. 7]: *usual punctuality* 'обычная пунктуальность' (C. Harvey Legacy of Love), *folded everything else with a natural carefulness* 'сложил всё остальное с привычной аккуратностью' (M. Keane. Loving and Giving); *недавер'е да звычайнай ветлівасці* (І. Мележ. Подых навалыніцы), *звычайнай сваёй акуратнасцю і дакладнасцю* (І. Мележ. Подых навалыніцы); *с обычной своей добросовестностью* (М. Палей. Евгеша и Аннушка).

Отмечается взаимосвязь категории количества и степени соответствия норме: не соответствие норме проявляется в недостаточном количестве морального качества и его чрезмерном количестве.

Особенность синтагматических связей, в которые вступают наименования моральных качеств, связана с возможностью сочетаться с прилагательными, характеризующими моральные качества. Сочетаемость с рядом таких лексем актуализирует количественный параметр в семантике лексем. Семы 'количество', 'степень качества', 'интенсивность' актуализируются в следующих случаях:

1) сочетаемости с прилагательными, которые репрезентируют ту же лексико-семантическую группу (ЛСГ), что и имена существительные: *complacent pride* 'самодовольная гордость' (ЛСГ «Arrogance»), *бязлітасная суровасць* (ЛСГ «Жорсткасць»), *сярдзітая працавітасць* (ЛСГ «Працавітасць»), *рыцарская самоотверженность* (ЛСГ «Бескорыстие»), *расчётливая бережливость* (ЛСГ «Бережливость»), *ненасытная / алчная жадность* (ЛСГ «Жадность»), *напыщенная гордость, высокомерная снисходительность* (ЛСГ «Высокомерие») (в скобках указана лексико-семантическая группа, к которой относятся рассматриваемые лексеммы);

2) сочетаемости с прилагательными, которые репрезентируют лексико-семантические группы лексико-семантического поля «Моральные качества», называющие качества, фиксирующие несоответствие норме ввиду её превышения (в скобках указана лексико-семантическая группа, к которой относится имя прилагательное): *bloody courage* ‘кровожадная смелость’ (ЛСГ «Cruelty»), *ruthless selfishness* ‘безжалостный эгоизм’ (ЛСГ «Cruelty»), *бязлітасная няўхільнасць / строгаасць* (ЛСГ «Жорсткасць»), *суровая няўхільнасць / адказнасць* (ЛСГ «Педантычнасць»), *строгая адказнасць* (ЛСГ «Педантычнасць»); *вьедлівая кропотлівасць* (ЛСГ «Педантычнасць»), *строгая разборчывасць* (ЛСГ «Педантычнасць»), *педантычная акуратнасць* (ЛСГ «Педантычнасць»), *беспоўдная прудырчывасць* (ЛСГ «Жестокость»), *отчаянная щедрость / жадность* (ЛСГ «Лихачество»), *суровая воинственность* (ЛСГ «Жестокость»), *щепетільная меркантильнасць* (ЛСГ «Педантычнасць»).

Асимметрия в языке возникает в случае недостаточности наличествующих первичных обозначений и проявляется в образовании вторичных значений. Так, при едином плане выражения существуют несколько планов содержания. Наименования моральных качеств вступают в синтагматические связи с единицами, которые приобретают значения количества при вторичной семантизации. Данные лексемы относятся к лексико-семантическим сферам «Природа» (*the gales of thrift* ‘порывы (букв. бури) бережливости’ (P. Gilliat. What’s it like out? Что там снаружи?); «Рельеф» (*гара адказнасці* (В. Быкаў. Кар’ер)); «Микроорганизмы» (*бацылы прынцыповасці* (І. Шамякін. Сэрца на далоні); *спірохета алчності* (Л. Леонов. Русский лес)), «Размер» (*громада адказнасці* (Г. Медынскі. Чесць)).

При этом наименования моральных качеств сами развивают вторичные значения количества при взаимодействии с лексико-семантической сферой «Природа»: *шчодрасць прыроды, сонечная шчодрасць; щедрость природы / солнца / размашистых натур, скупость северной палитры*.

Таким образом, количественный параметр оценки в семантике наименований моральных качеств выявляется посредством анализа словарных дефиниций и наличием в толковании слов кванторных показателей. Различие процентного соотношения лексем, в семантике которых присутствуют кванторные показатели, в английском и белорусском языках составляет 0,61%, что в соответствии со шкалой определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам является несущественным [18, с. 105]. Различие между английским и русским языками составляет 2,23%, между белорусским и русским языками – 2,84%. Указанная разница является видимой. Другими словами, отмечается большее сходство в наличии количественного параметра в словарных дефинициях между неродственными языками (английским и белорусским), чем родственными (белорусским и русским).

Контекстный анализ также позволяет выявить количественный параметр в семантике наименований моральных качеств. Установлено 5 способов выражения количественного параметра в семантике исследуемой лексики:

при помощи актуализации кванторных показателей; при помощи сочетаемости с параметрическими прилагательными; благодаря вступлению в синтагматические отношения с прилагательными, указывающими на соответствие норме; благодаря сочетаемости с прилагательными, обозначающими моральные качества; благодаря сочетаемости со словами других лексико-семантических сфер, которые во вторичных значениях приобретают значение количества. При этом следует отметить способность отдельных наименований моральных качеств функционировать в значении количества.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 143 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
3. Oxford dictionary of English / ed. : C. Soanes, A. Stevenson. 2nd ed. Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2005. 2088 p.
4. The Oxford English Dictionary : in 12 vol. / ed. : A. N. James, Al. Murray. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1961. 12 vol.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал. : М. Р. Суднік [і інш.]. Мінск : Беларус. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1977–1984. 5 т.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65000 слоў / уклад. : І. Л. Капылюў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. 968 с.
7. Большой академический словарь русского языка: в 23 т. / под ред. К. С. Горбачевича. 3-е изд. СПб.: Наука, 2004–2014. 23 т.
8. Словарь русского языка : в 4 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985–1988.
9. Сепир Э. Градуирование. Семантическое исследование. // Новое в зарубеж. лингв. : сб. ст. М. : Прогресс, 1985. Вып. XVI. С. 43–78.
10. Булыгина Т. В. Логические операторы в естественном языке. // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки русской культуры, 1997. С. 193–240.
11. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 171 с.
12. Арутюнова Н. Д. Коммуникативная функция и значение слова. // Филол. науки, 1973. №3. С. 42–54.
13. Телия В. Н. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость // Принципы и методы семантических исследований. М. : Наука, 1976. С. 244–267.
14. Романовская А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки. Минск : МГЛУ, 2013. 132 с.
15. Вольф Е. М. Варьирование в оценочных структурах // Семантическое и формальное варьирование ; отв. ред. : В. Н. Ярцева. М. : Наука, 1979. С. 273–294.
16. Бендетович Г. Б. Системное развитие французской лексики в семантико-прагматическом аспекте: монография. Минск: БГПУ им. М. Танка, 2007. 208 с.
17. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вестн. языкознания, 1987. №3. С. 3–19.
18. Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. Воронеж : Истоки, 2014. 114 с.

BUSINESS BUZZWORDS В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: СЕМАНТИКА И СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В статье проводится анализ этимологии, особенностей перевода и специфики применения так называемых «модных слов» – buzzwords. Модные неологизмы, обладая привлекательностью и новизной, изначально относятся к категории профессионального жаргона. Жизненный цикл модных слов зависит от популярности тренда или феномена, который они представляют. В работе также уделяется внимание наиболее продуктивным словообразовательным моделям, по которым образуются модные слова: семантическое расширение значения, словосложение, блендинг. Business buzzwords отражают особенно актуальные изменения, происходящие в сфере англоязычного делового общения.

Ключевые слова: модные неологизмы; buzzwords; профессиональный жаргон; англоязычная терминология бизнеса.

The article is focused on the analysis of the etymology, the specifics of translation and the peculiarities of application of the so-called “vogue words” – buzzwords. Trendy neologisms, having attractiveness and novelty, initially belong to the category of professional jargon. The life cycle of buzzwords depends on the popularity of the trend or phenomenon they represent. The paper also pays attention to the most productive word-formation models, according to which buzzwords are formed: semantic extension of meaning, word composition, blending. Business buzzwords reflect particularly relevant changes taking place in the field of English-language business communication.

Key Words: trendy neologisms; buzzwords; professional jargon; business English terminology.

По определению Cambridge Business English Dictionary, *buzzword* – это слово или выражение из определенной предметной области, которое стало модным, потому что часто использовалось [1]. Интересно, что словарь Merriam-Webster относит *buzzwords* в первую очередь к узкоспециальной профессиональной лексике, фиксируя отрицательный аспект языкового феномена: «*an important-sounding usually technical word or phrase often of little meaning used chiefly to impress laymen*» [2] – ‘обычно специальный термин или выражение, звучащее актуально, но часто не имеющее большого значения, используемое главным образом, чтобы произвести впечатление на непрофессионалов’.

Переводчик П. Палажченко отмечает, что языковая мода эфемерна и паразитарна, одни модные слова исчезают бесследно, другие перерождаются в стёртые клише, но все они играют огромную роль в развитии любого языка, поскольку всегда есть необходимость как-то именовать новые явления действительности [3, с. 249].

Объектом анализа в данной статье является происхождение, специфика семантики и жизненный цикл некоторых популярных неологизмов англоязычной бизнес терминологии, образованных за счёт расширения семантического значения, по принципу словосложения или с помощью блендинга. Материалом для исследования в историческом аспекте послужили *business*

buzzwords, представленные в глоссариях-путеводителях Роберта Кирка Мюллера [4] и Майкла Джонсона [5], а также зарегистрированные в электронной версии финансового словаря Farlex, онлайн-словарях Cambridge Dictionary, Collins Online Dictionary, Merriam-Webster Dictionary.

Майкл Джонсон, автор книги “Business Buzzwords: The Tough New Jargon of Modern Business”, указывает на то, что, например, медицинский жаргон сформировался столетия назад, будучи причудливой смесью латыни с английским (*Latglish hybrid*), запоминается ещё в период учёбы в университете, в то время как англоязычный бизнес жаргон подобен живому организму, который растёт и меняется постоянно, и в большей степени присущ американскому английскому [5, с. 1-2]. М. Джонсон предлагает следующую дефиницию для понятия *buzzwords*: «*In the business world, terms that capture the big trends and issues of the moment*» [5, с. 21] ‘В мире бизнеса это термины, которые отражают важные тенденции и насущные проблемы’. Автор подчёркивает, что подобные модные словечки сохраняются до тех пор, пока существуют тренды, которые они описывают.

Рассмотрим происхождение термина *greenmail* как пример модного слова, ставшего популярным в качестве символа финансового пиратства в 1980-е годы: «*the buying of a large amount of a company's stock in anticipation that the management, fearing that the buyer will gain control, will buy it back at a premium over the market price*» [6] ‘покупка большого количества акций компании в расчёте на то, что руководство компании, опасаясь, что покупатель получит контроль, выкупит их обратно по завышенной по сравнению с рыночной цене’. *Greenmail* или ‘зелёный шантаж’ возникло по ассоциации с *blackmail*, поскольку в 1862 году правительство США стало печатать бумажные деньги зелеными чернилами, и вскоре словом ‘зеленый’ начали обозначать деньги (→*green* ‘деньги’/*greenback* ‘банкнота’ + *blackmail* ‘шантаж’). В 1980-е годы превратилось в *buzzword* из-за финансовых махинаций сэра Джеймса Голдсмита (James Goldsmith), мастерски владевшего приёмами агрессивного захвата компаний [7].

Роберт Кирк Мюллер, автор книги-путеводителя 1974 года по модным неологизмам, считает, что так называемые *buzzwords* являются неотъемлемой частью речи руководителей, специфической чертой «языка лидерства» (*the language of leadership*), поскольку новые слова передают новые понятия и способствуют быстрой эффективной коммуникации в среде специалистов и знатоков. В интерпретации автора книги модные слова или *buzzwords*, как разновидность тайного языка, сленга, профессионального жаргона, помогают продемонстрировать своё интеллектуальное превосходство над простыми людьми, не специалистами [4, с. 49]. По мнению Р. Мюллера, *buzzwords* – это разновидность неологизмов, т.е. речь идёт о новой лексической единице или о давно существующем слове, но получившем новое значение [4, с. 114].

Сложное существительное *road map* является ярким примером переосмысления как лексического способа образования модных неологизмов, т.е. по сути семантического расширения значения. Данное слово помимо буквального смысла «дорожная карта» стало часто использоваться в бизнес контексте в значении «план действий»: «*a plan for how to achieve something*»

[1]. Переводчик П. Палажченко отмечает, что термин *road map* пользуется популярностью и в дипломатической среде, будучи чем-то средним между «планом действий» и «ориентирами» [3, с. 90].

Employing these strategies can provide a road map for leaders to steer their teams in the right direction [8]. 'Выбор данных стратегий поможет предоставить руководителям план действий, который задаст верное направление работе их команд'.

Agenda, слово из того же семантического поля, что и **road map**, нельзя переводить только как 'повестка дня' («*a list of the items that have to be discussed at a meeting*» [6]), поскольку данный термин используется также в значении 'программа (работы)', 'план (мероприятий)'. Соответственно, сложное существительное **hidden agenda**, получившее популярность в 1985-1990 [6], переводится не как 'скрытая повестка', а в значении *a hidden motive or intention* [6] 'скрытый мотив или намерение' / 'тайный замысел'. Майкл Джонсон определяет **hidden agenda** как истинный мотив поведения человека (начальника/сотрудника), с которым у вас возникают разногласия [5, с. 68]. В то же время финансовый словарь Farlex подчёркивает, что 'скрытый мотив' (*a hidden agenda*) в бизнесе не обязательно является незаконным или неэтичным, но, как правило, продвигает цели заинтересованного лица [9].

Термин **meltdown**, изначально использующийся в узкоспециальном значении 'расплавление ядерных топливных элементов реактора', в сфере бизнеса обозначает 'катастрофу, провал; банкротство' («*a complete failure, especially in financial matters*» [1]). Словари Collins и Farlex приводят рассматриваемый термин в контексте 'обвала котировок на фондовой бирже' – «*a stock-exchange crash*» [6], «*steep fall in stock markets*» [9]. Данный пример отражает не просто переосмысление, но и процесс метафоризации значения давно существующего слова.

На протяжении своего жизненного цикла модный неологизм может приобрести новое значение, завоевать популярность и спустя десятилетия вновь получить статус **buzzword**. Термин **bandwidth** ('ширина полосы частот') в глоссарии Роберт Мюллера за 1974 год представлен как сленговый синоним для слов *environment* // 'обстановка', 'атмосфера' или *milieu* 'окружение', 'среда', в составе коллокации *to change bandwidth* – 'сменить обстановку' [4, с. 44]. В 1990-е годы у существительного **bandwidth** появился новый оттенок значения – «*data capacity*» // 'объём данных', 'пропускная способность', например, компьютерной сети [2]. Благодаря новой дефиниции из 1990-х годов **bandwidth** в настоящее время широко используется в переносном смысле для описания эмоционального или психического состояния («*emotional or mental capacity*» [2]). В языке бизнеса данный термин, особенно в составе коллокации *to have bandwidth*, приобрёл значение 'способность брать на себя больше работы', т.е. это показатель того, что сотрудник может взять новый проект и при этом выполнить все остальные задания за отведённое ему время [9].

Как отмечает Роберт Мюллер, «уровень смертности» (*the mortality rate of buzzwords*) модных неологизмов высок, но те из них, которые становятся предвестниками полезных перемен, входят в нашу повседневную лексику и,

в конечном счёте, утрачивают свой статус узкоспециального термина, фиксируются в обычных словарях [4, с. 5]. В качестве примера рассмотрим сложные слова, в составе которых многозначное существительное *pitch* как символ позитивных явлений, важных для продвижения по карьерной лестнице. Словосложение (*composition*), объединение двух или более основ в одно целое, является продуктивным способом для образования модных слов.

Для представления короткой презентации проекта перед инвесторами или начальством вводится термин *sales pitch*: «*a spoken description or talk about a product or service you are trying to sell, intended to persuade people to buy it*» [1] ‘устное описание или представление продукта или услуги, которые вы пытаетесь продать, намереваясь убедить других людей их приобрести’. В современных словарях зафиксировано новое популярное сложное существительное *elevator pitch* в значении «*an informal an extremely short and pithy version of a sales pitch or business plan*» [6] ‘неформальная, чрезвычайно короткая, лаконичная версия коммерческого предложения или бизнес плана’. Модный термин *elevator pitch* (буквально речь для лифта) стал также широко использоваться, когда речь идет о прохождении собеседования и продвижении по службе, в данном случае в значении ‘само-презентация’, ‘блиц-резюме’.

The elevator pitch is your opportunity to introduce yourself in a memorable way and leave a positive impact [8] ‘Неформальная мини-презентация – это возможность представить себя незабываемым образом и оставить положительное впечатление’.

К сожалению, модные неологизмы не всегда являются предвестниками положительных перемен. Например, образованный по принципу бленда термин *stagflation* (→ *stagnation* + *inflation*) ‘период экономического застоя при одновременной инфляции’ [10, с. 95] был придуман в 1965 году британским политиком, представителем консервативной партии Иэном Маклеодом (Iain Macleod): «*We now have the worst of both worlds – not just inflation on the one side or stagnation on the other, but both of them together. We have a sort of 'stagflation' situation*» ‘Сейчас мы имеем худшее из обоих миров – не просто инфляцию с одной стороны или стагнацию с другой, но и то, и другое вместе. У нас какая-то ситуация «стагфляции» [2]. Слова политика отражали кризисную ситуацию, связанную с высоким уровнем безработицы и одновременно инфляцией в Великобритании. В начале 1970-х термин ‘стагфляция’ получил ещё большую популярность в связи с резким ростом цен на нефть (эмбарго экспортеров нефти ОПЕК против США и Нидерландов), реформами президента Никсона в США, отменой золотого стандарта и, как следствие, крахом Бреттон-Вудской системы. В настоящее время ситуация, в частности, связанная с ростом цен на сырьевые товары, такова, что ‘стагфляция’ превращается в экономическую реальность и термин популярен снова.

В современном английском языке одним из самых распространённых способов создания модных слов является блендинг или телескопия. Бленд – это новая лексическая единица, структура которой представлена сочетанием 2 (в редких случаях 3) исходных слов с усечением основы как минимум

одного из них в месте соединения [11]. Можно сказать, что блендинг находится на пике языковой моды, отражает креативный настрой и стремление к инновациям, будучи своеобразной языковой игрой, развивающей наше воображение.

По ассоциации с модным словом *brainstorming* ‘мозговой штурм’, которое на протяжении десятилетий не утрачивает статуса buzzword [5, с. 19; 4, с. 48], недавно появился термин *blamestorming* (→ *blame* + *brainstorming*), который можно перевести как ‘разбор полётов’, ‘поиски козла отпущения’. Словарь Collins фиксирует следующую дефиницию: «*a meeting to discuss who is to blame for an error or failure*» [6] – ‘собрание с целью выяснить, кто виноват в провале или ошибке’. Финансовый словарь Farlex приводит для детального объяснения значения пример с коллокацией *blamestorming session*:

If a marketing campaign fails, a company may have a blamestorming session to decide who has to take the fall for the whole company. – ‘Если маркетинговая кампания провалилась, фирма может провести разбор полётов, чтобы решить, кто должен взять вину на себя за всю компанию’ [9].

В качестве примера одного из наиболее «свежих» модных блендов рассмотрим прилагательное *phygital* → *physical* + *digital*: ‘фиджитал’. Данная лексическая единица пока не зафиксирована в словарях, но уже широко используется в терминологии маркетинга для обозначения сочетания цифрового и физического опыта, способа одновременного онлайн и офлайн продвижения товаров и услуг.

Phygital experiences bring together the best of both worlds to blur the line between technology and in-person [8]. – ‘Сочетание цифрового и физического опыта объединяет в себе лучшее из двух миров и стирает грань между технологиями и физической реальностью’.

На русскоязычной версии сайта *Forbes* термин *phygital* сохраняет написание латиницей, и для читателей статьи предлагается развёрнутый пояснительный перевод данного языкового феномена: *Термин phygital, который Альфа-Банк использует для своих офисов нового поколения, объединяет два английских слова physical и digital, то есть является симбиозом цифрового и физического каналов взаимодействия* [12].

Пополнение словарного состава – это закономерный процесс, отражающий заложенный в любом языке потенциал необходимый для его совершенствования и обогащения [13, с. 19]. Изменения в различных сферах человеческой деятельности находят своё отражение в языке. Соответственно, эволюция современного бизнеса и коммуникационных технологий приводит к появлению новых моделей поведения и стратегий корпоративного общения, принятия управленческих решений и способов ведения бизнеса. Знание актуальных «модных» слов демонстрирует принадлежность к определённой профессиональной группе и служит показателем интеллектуальности и даже успешности. «Модное» слово или *buzzword* изначально несёт статус профессионального жаргонизма и отличается недолговечностью, но может со временем войти в повседневный лексикон под влиянием экстралингвистических факторов, если отражает важные социокультурные изменения в обществе.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 21.08.2023).
2. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 21.08.2023).
3. Палажченко П. Р. Мой несистематический словарь (Из записной книжки переводчика). М.: Р. Валент, 2002. 304 с.
4. Mueller R. K. Buzzwords: Guide to the Language of Leadership. New York: Van Nostrand Reinhold Co, 1974. 172 p.
5. Johnson M. Business Buzzwords: The Tough New Jargon of Modern Business. Oxford: Basil Blackwell, 1990. 164 p.
6. Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 22.08.2023).
7. Игрок без правил. URL <https://www.kommersant.ru/doc/287268> (дата обращения: 22.08.2023).
8. Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/> (дата обращения: 20.08.2023).
9. Financial Dictionary by Farlex. URL: <https://financial-dictionary.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 22.08.2023).
10. Крат М. В. Телескопия как продуктивный способ словообразования в англоязычном политическом дискурсе // Университетские чтения – 2016. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть V. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. С. 93–97.
11. Крат М. В. Бленд номинация в сфере рекламы и электронной коммерции // Заметки ученого. 2021. № 12-2. С. 34–38.
12. Будущее уже здесь: за что клиенты любят Phygital офисы Альфа-Банка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/brandvoice/462379-budusee-uze-zdes-za-cto-klienty-lubat-phygital-ofisy-al-fa-banka> (дата обращения: 22.08.2023).
13. Катермина В. В. Словообразовательный потенциал неологизмов в англоязычном массмедийном дискурсе: монография. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. 134 с.

Н. И. Курганова (Минск, Беларусь)

ПАРАМЕТРЫ ОПИСАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ КОНЦЕПТОВ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН И ФРАНЦУЗОВ

В статье уточняется статус концепта как основной структурной единицы языкового сознания, выделяется набор его существенных характеристик, предлагаются параметры описания этнокультурной специфики концептов. Приводятся результаты сравнительно-сопоставительного изучения концептов ДРУЗЬЯ/ LES AMIS через призму языкового сознания россиян и французов на материалах ассоциативных экспериментов.

Ключевые слова: концепт; структурная единица; языковое сознание россиян и французов; этнокультурная специфика; ассоциативный эксперимент.

The article clarifies the status of the concept as the main structural unit of linguistic consciousness, identifies a set of its essential characteristics, and proposes parameters for describing the ethnocultural specificity of concepts. The results of a comparative study of the concepts FRIENDS/LES AMIS through the prism of the linguistic consciousness of Russians and French people based on materials from associative experiments are presented.

Keywords: concept; structural unit; linguistic consciousness of Russians and French; ethnocultural specificity; associative experiment.

Проведение сравнительно-сопоставительных исследований с целью изучения национально-культурной специфики языкового сознания ставит задачу уточнения термина **концепт**, а также выделения параметров описания его этнокультурной специфики.

Как известно, понятие концепта активно используется в отечественной лингвистике с начала 90-х годов, и в науке о языке оно определяется по-разному: «квант знания», содержательная оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, единица индивидуального знания и сознания [1, с. 90], «оперативная единица сознания» [2], базовая единица мышления человека [3, с. 8], ячейка культуры в ментальном мире человека [4, с. 40–43].

Несмотря на то, что сегодня среди учёных пока нет однозначного мнения по поводу единиц хранения опыта и знания, мы полагаем, что понятие концепта может выступить в качестве основной структурной единицы, репрезентирующей результаты познания в языковом сознании носителей разных культур. Основанием для подобного вывода служат следующие положения.

Во-первых, концепты возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах, т.е. концепт имеет смысловую природу и отражает опыт когнитивно-дискурсивной деятельности, протекающей в определенном социокультурном контексте. Именно поэтому понятие концепта чаще всего раскрывается через смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления [5, с. 71], т.е. концепт – это «смысловое образование» [6, с.109].

Во-вторых, концепт характеризуется многопризнаковостью: «концепт – это «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово» [4, с. 43]. В связи с тем, что разные стороны объектов или явлений действительности обладают нетождественным значением для человека, признаки концепта неоднородны, что позволяет их дифференцировать на *центральные* или *ядерные* и *периферийные*. Ядерные признаки будут отличаться регулярной воспроизводимостью, периферийные – это результат индивидуального или уникального опыта индивидов. Следовательно, частота актуализации того или иного признака в языковом сознании индивида и/или лингвокультурного сообщества будет выступать важным параметром при изучении содержания и структуры концептов. Ранжирование признаков по частоте актуализации и выделение **стереотипного ядра** концепта – важные приемы при описании этнокультурной специфики концептов.

В-третьих, концепт как результат определённой когнитивно-коммуникативной и дискурсивной деятельности индивида и общества обладает упорядоченной внутренней структурой. Это выражается в том, что концепт имеет «слоистое» строение, поскольку опыт и знание семантически и иерархически структурированы в сознании человека. Таким образом, концепт предстает как глубокое многоуровневое образование, которое может функционировать на разных уровнях осознания: когнитивном, семанти-

ческом, дискурсивном или речевом (см. подр.: [7, с. 23–26]). В таком случае моделирование *когнитивной структуры* концепта будет выступать важной характеристикой этнокультурной специфики языкового сознания или его отдельных фрагментов.

Когнитивная структура концепта функционирует на уровне паттернов (моделей, схем, УПК) обработки информации и отражает наиболее актуальные направления осмысления и концептуализации фрагментов знания, вырабатываемых социумом. В силу этого когнитивная структура – это своего рода архитектура коллективного знания об определенном фрагменте действительности, которая может быть представлена в виде иерархически упорядоченных слоев знания.

Концептуализация фрагментов знаний протекает при непосредственном участии семантики языка, что выражается в выделении набора отличительных смысловых признаков, которые лежат за словом в обыденном сознании людей. Поскольку признаки фрагментов знаний могут различаться количественно и качественно у носителей разных языков и культур, моделирование *смысловой (признаковой) структуры* концептов является важным этапом в описании этнокультурной специфики языкового сознания.

«Проявить» национально-культурную специфику фрагментов знания, функционирующих в обыденном сознании носителей языка и культуры позволяет сравнительно-сопоставительный подход. Так, сравнительное исследование концептов ДРУЗЬЯ / LES AMIS через призму ассоциативных полей, полученных от россиян и французов, проводилось нами на дискурсивном, когнитивном и семантическом уровнях и включало сопоставительный анализ стереотипного ядра, когнитивной и смысловой (признаковой) структуры одноименных концептов.

На первом этапе анализ касался сравнения *стереотипного ядра*, выделенного на базе двух ассоциативных полей, полученных от россиян и французов на слова-стимулы *друзья / les amis*. Сопоставив десять самых частотных компонентов, выделенных на базе двух ассоциативных полей, полученных на слова-корреляты *друзья/ les amis*, мы констатировали, что только половина компонентов стереотипного ядра являются общими для двух групп испытуемых (Ии. – дальше). Соответственно, 50% ядерных элементов оказались культурно-специфичными в двух группах. Что касается компонентов, *типичных только для Ии.-русских*, то они представлены следующими словами: *помощь 18, понимание 15, веселье 13, поддержка 9, общение 8*. Обращает на себя внимание, с одной стороны, большая доля ассоциатов, обозначающих помощь и поддержку в группе российских респондентов, а, с другой, большая значимость компонентов *понимание 15* и *общение 8*, благодаря чему они вошли в ядро поля. К ассоциатам, *типичным только для Ии.-французов*, относятся: *sorties 18, fêtes 9, discussion 8, important 8, échanges 7*. Высокочастотная актуализация ассоциата *sorties* свидетельствует о том, что «выход в свет» или проведение свободного времени вне дома является большой ценностью для французов и похоже, что подобные встречи с друзьями у французов ассоциируются с праздниками (*fêtes*). С друзьями можно не просто обсуждать различные проблемы, но и

вести дискуссии, споры (*discussion*). Этот диалог и составляет основу взаимного обмена мнениями и идеями (*échanges*). Кроме того, в ядре поля, полученного от Ии.-французов, фигурируют ценностные суждения о важности друзей (*important, nécessaire*), т.е., друзья – это важно и необходимо.

Присутствие общих элементов в ядре поля у Ии.-представителей двух культур свидетельствует о наличии общих механизмов осмысления концепта ДРУЗЬЯ / *LES AMIS* у россиян и французов. Друзей связывают верность и доверие, а также чувство дружбы; именно эти качества, по мнению россиян и французов, выступают в качестве главных предпосылок дружбы. Друзей объединяет также смех, с друзьями можно веселиться, друзья наполняют жизнь радостью.

Сопоставительный анализ *когнитивных структур*, смоделированных на базе одноименных ассоциативных полей, полученных от россиян и французов, позволяет увидеть, что одноименные концепты «ДРУЗЬЯ», «*LES AMIS*» включают по 10 когнитивных слоёв, но при этом выделенные когнитивные слои полностью не совпадают ни по номенклатуре, ни по частоте актуализации. Наглядно увидеть общее и отличительное в когнитивной структуре концептов позволяет таблица с указанием в процентах количественных данных по каждому когнитивному слою (см.: табл.).

Т а б л и ц а

**Сопоставительный анализ
когнитивных структур концептов ДРУЗЬЯ/ *LES AMIS***

Россияне			Французы		
№	Когнитивные слои	%		Когнитивные слои	%
1	Роль, назначение друзей	29		Времяпровождение с друзьями	6
2	Условия и предпосылки дружбы	21		Условия и предпосылки дружбы	2
3	Времяпровождение с друзьями	17		Роль, назначение друзей	13.3
4	Дефиниции друзей	13.5		Дефиниции друзей	10.6
6	Образы ситуаций	5		Время встречи друзей	5.4
7	Способы/средства связи с друзьями	3		Отношение к друзьям	5
8	Количественная оценка	2		Количественная оценка	3.3
9	Время встречи друзей	1.5		Способы/средства связи с друзьями	2.7
10	Место встречи друзей	0.5	0	Место встречи друзей	2.4

Как видим, в структуре концептов выделены два культурно специфических слоя: «Образы ситуаций» (5 %), который не представлен в концепте «*Les AMIS*» и «Отношение к друзьям» (5%), который не выделен в концепте ДРУЗЬЯ. В итоге, набор когнитивных слоев совпадает в языковом сознании

россиян и французов на 90 %, что говорит о принципиальной общности механизмов осмысления данного фрагмента мира в двух культурах. Однако, при этом когнитивная структура одноименных концептов «ДРУЗЬЯ», «*LES AMIS*» имеет существенные различия, обусловленные, прежде всего, большей или меньшей частотой актуализации того или иного направления концептуализации. Так, в структуре концепта «ДРУЗЬЯ» ведущим слоем является «Роль, назначение друзей» (29%), который охватывает почти третью часть всех ассоциатов поля, полученных от россиян, что, несомненно, свидетельствует о высокой значимости данного направления в осмыслении концепта российскими испытуемыми. В группе Ии.-французов более высокую значимость имеет слой «*Времяпрепровождение с друзьями*», включающий 26% от всех компонентов ассоциативного поля «*Les amis*».

На третьем этапе проводилось сопоставление *смысловых структур* одноименных концептов, выделенных на основе учёта типа смысловой связи «слово-стимул – ассоциат» и семантики ассоциатов, полученных от представителей двух лингвокультур (см. подр.: [8, с. 96–98]). Это позволило определить набор *культурно-специфичных признаков* в содержании концептов ДРУЗЬЯ / *LES AMIS*. Например, только в структуре концепта «*LES AMIS*», смоделированного по данным, полученным от французов, выделены следующие признаки: *Друзья – важны, необходимы. С друзьями можно проводить досуг вне дома. Друзья – это взаимный обмен мнениями. С друзьями можно обсуждать проблемы, можно спорить. С друзьями можно встречаться по праздникам. С друзьями можно учиться.* К культурно-специфичным признакам, выделенным в смысловой структуре концепта ДРУЗЬЯ, относятся следующие: *Друг – это тот, кто дарит подарки. Друг должен быть рядом. Для дружбы необходима доброта. Собака – это тоже друг.*

Сопоставительный анализ смысловых структур одноименных концептов позволил также увидеть различия *качественного* характера, обусловленные различной значимостью того или иного признака. Так, смысловой признак «*Друзья влияют на эмоциональную сферу*» (14 %) используется россиянами почти в 2 раза чаще по сравнению с французами (8 %). Признак «*Друзья оказывают помощь, поддержку*» также отличается большей частотой актуализации у россиян. Признак «*Для дружбы необходимо понимание*» в два раза чаще используется россиянами по сравнению с французами. С другой стороны, признак «*Для дружбы необходима определенная общность взглядов*» в два раза чаще актуализируется французами.

Понимание концепта как структурной единицы репрезентации коллективного опыта и знания даёт возможность «проявить» и описать его этнокультурную специфику на трех уровнях функционирования языкового сознания: речевом (дискурсивном), когнитивном и семантическом.

Этнокультурная специфика концепта может быть раскрыта на дискурсивном (речевом) уровне через выделение стереотипного ядра, на когнитивном уровне – через моделирование когнитивной структуры, на семантическом уровне – посредством выделения смысловой или признаковой структуры концепта.

Проведенное сравнительно-сопоставительное исследование одноименных концептов «ДРУЗЬЯ», «*LES AMIS*» в обыденном сознании россиян и французов позволило выделить набор дифференциальных признаков, определяющих этнокультурную специфику данных концептов, что имеет большое значение в практике налаживания межкультурного общения. Данное исследование подтверждает нетождественность образов мира и позволяет выявить потенциальные зоны межкультурных конфликтов.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под об. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. 245 с.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. На пути получения знаний о языке. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
3. Стернин И.А. Методика лингвоконцептологического анализа // Русский язык как иностранный. Вып. VIII. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. С. 8–20.
4. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
5. Карасик В. И. Этноспецифические концепты // Попова З. Д. и др. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Кузбасвузиздат, 2005. С. 61–105.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
7. Курганова Н. И. К выделению уровней сознания языковой личности // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты». № 26/2). 2021, Сочинский государственный университет. С. 23–26.
8. Курганова Н.И. Образ мира через призму концептов повседневности: монография. Минск, РИВШ, 2020. 200 с.

К. П. Любецкая (Мінск, Беларусь)

КРЫНІЦЫ БЕЛАРУСКАЙ НАВУКОВАЙ МОВЫ СЕЛЬСКАЙ ГАСПАДАРКІ ПАЧАТКУ ХХ СТ. (1900-1920 гг.)

Станаўленне беларускай навуковай мовы – пытанне, якое чакае свайго комплекснага апісання. Пры даследаванні мовы навукі вылучэнне корпуса спецыяльных тэкстаў, прысвечаных перадачы навуковай інфармацыі, з’яўляецца першаступеннай задачай. Паколькі ў пачатку ХХ ст. пытанні сельскай гаспадаркі актыўна абмяркоўваліся, у артыкуле аналізуюцца перадусім культурна-гістарычныя перадумовы стварэння тэкстаў сельскагаспадарчай тэматыкі, а таксама іх зместавае нападзенне.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: беларуская навуковая мова; сельская гаспадарка; крыніцы; гістарычны кантэкст.

The formation of the Belarusian scientific language is a question that is waiting for its comprehensive description. In the study of the language of science, the allocation of a corpus of special texts dedicated to the transmission of scientific information is a primary task. Since agricultural issues were actively discussed at the beginning of the twentieth century, the article analyzes first of all the cultural and historical prerequisites for the creation of agricultural texts, as well as their content.

Key words: Belarussian scientific language; agriculture; sources; historical context.

Першаступенную ролю ў вырашэнні пытанняў, звязаных са спецыфікай фарміравання і развіцця мовы беларускай навукі, адыгрывае вырашэнне такіх пытанняў, як: аналіз перадумоў распрацоўкі тэкстаў навуковай тэматыкі і вылучэнне корпуса фактычнага матэрыялу, што робіцца магчымым пры скрупулёзным вывучэнні не толькі бібліяграфічных зборнікаў, але і архіўных матэрыялаў і фондаў Беларусі і іншых краін. Пры гэтым істотным уяўляецца ўлік усіх падрыхтаваных у пачатку ХХ ст. крыніц. Усе матэрыялы (друкаваныя і рукапісныя) у сваю чаргу ўяўляюць навуковую цікавасць не толькі як асобныя творы на беларускай мове (што, бяспрэчна, важна для асэнсавання гістарычнага шляху фарміравання беларускай нацыянальнай мовы), але і як факты распрацоўкі беларускай навуковай мовы. Па-першае, гэтыя матэрыялы падрыхтаваны па розных галінах ведаў, што дазваляе прасачыць кірункі развіцця беларускамоўнай навукі, вылучыць прыярытэтныя сферы. Па-другое, на аснове разгляду моўнага напаўнення падрыхтаванага ўяўляецца магчымым у далейшым разгледзець падыходы да пабудовы навуковага тэксту ва ўмовах актыўнай распрацоўкі беларускай літаратурнай мовы і закладвання асноў яе стылістычнай дыферэнцыяцыі. Па-трэцяе, вывучэнне тэндэнцый станаўлення беларускай навуковай мовы як аднаго з кодаў беларускай нацыянальнай мовы можа прывесці да высноў адносна асноўных шляхоў арганізацыі тэксту мовы навукі. Па-чацвёртае, выкарыстаны ў матэрыялах навуковай тэматыкі корпус тэрміналагічнай лексікі змяшчае рэпрэзентатыўныя дадзеныя для вызначэння асаблівасцей выпрацоўкі спецыяльнай лексікі (лексіка-генетычная, лексіка-граматычная, лексіка-семантычная характарыстыка) у пачатковы перыяд яе фарміравання.

Можна адзначыць, што станаўленне беларускай навуковай мовы сельскай гаспадаркі прыпадае на пачатак ХХ ст. падчас самавызначэння беларускага нацыянальнага руху, росту этнічнай і нацыянальнай свядомасці беларусаў, калі ўзнікаюць спрыяльныя ўмовы для развіцця беларускага кнігадрукавання, школьніцтва, падрыхтоўкі матэрыялаў навуковай тэматыкі. “Актывізацыя грамадскага жыцця ў пачатку ХХ ст., рэвалюцыйныя падзеі 1905-1907 гг., абвостраная цікавасць у насельніцтва да надзённых сацыяльных пытанняў, рост нацыянальна-культурных рухаў ... выклілі актывізацыю культурна-асветніцкага жыцця” [1, с. 241].

Варта адзначыць, што на тэрыторыі Беларусі, пачынаючы з ХІХ ст., дзейнічае шэраг навуковых аб’яднанняў у сферы сельскай гаспадаркі: Мінскае таварыства сельскай гаспадаркі (1876-1921), Магілёўскае таварыства сельскай гаспадаркі (з 1895), Таварыства Віцебскіх сельскіх гаспадарак (з 1895), Гродзенскае таварыства сельскай гаспадаркі (1900-1917), Брэсцкае таварыства сельскай гаспадаркі (з 1909), Віленскае таварыства сельскай гаспадаркі (1910-1915), арганізуюцца з’езды і нарады спецыялістаў, рыхтуюцца выданні кніг і справаздач, наладжваюцца выставы-продажы сельскагаспадарчай прадукцыі, тэхнікі, насення, угнаенняў з розных рэгіёнаў Расіі і замежных краін [больш падрабязна гл.: 2, с. 72-77]. У публікацыях таварыстваў, прысвечаных пытанням агранамічнай навукі, адлюстроўваецца

перадавы вопыт і дасягненні з галіны сельскай гаспадаркі таго часу, адбываецца знаёмства навуковай супольнасці і спецыялістаў з беларускім краем. Адметным пры гэтым выступае тое, што навуковыя матэрыялы ў гэты час друкуюцца пераважна на рускай мове.

Дзякуючы станаўленню легальнай беларускай прэсы ў пачатку ХХ ст. (беларускі друк у гэты перыяд прадстаўлены пераважна мастацкімі, публіцыстычнымі, вучэбнымі матэрыяламі) пачынаюць выходзіць і тэксты навуковай тэматыкі. Адной з найбольш прадстаўленых у друку стала тэма адлюстравання дасягненняў аграрнай навукі. Цікавым уяўляецца тое, што большасць беларускамоўных выданняў у гэты перыяд арыентуецца перадусім на рэалізацыю асветніцкіх задач і задавальненне патрэб простага чалавека, які займаецца сельскай гаспадаркай, таму асноўнай задачай публікацый навуковай тэматыкі прадугледжваецца дапамога ў вырашэнні штодзённых пытанняў вясковага гаспадара. У матэрыялах адбываецца пошук новых формаў для перадачы навуковага зместу: тэксты рыхтуюцца невялікага аб’ёму (пераважна да дваццаці старонак), выходзяць на лацініцы і кірыліцы, афармляюцца ў выглядзе рэкамендацый і парад. Публікацыі прысвячаюцца пытанням гаспадарання [3-5], пабудоў беларускага селяніна [6], зямельнай справы [7], вырабу цукру [8], гадаванню хатніх жывёл [9-11], пчаларству [12, 13], раслінаводству [14-17].

Напярэдадні Першай сусветнай вайны ствараюцца беларускамоўныя прафесійныя аграрнамічныя гурткі, якія робяцца крыніцай абмену інфармацыі па дасягненнях у сельскай гаспадарцы. Напрыклад, аграрнамічны гурток у Нова-Аляксандраўскім інстытуце ў Пулавах Люблінскай губерніі (1910) ставіць сабе за мэту “прапаганду аграрнамічных ведаў сярод сябраў арганізацыі, практычнае знаёмства з прагрэсіўнымі формамі гаспадарання на вёсцы, аграрнамічную дапамогу насельніцтву. Пры гуртку была ўтвораная секцыя аграрнаму Беларускага краю, удзельнікі якой вывучалі ўмовы ўвядзення ў беларусі сучасных тэхналогій аграрнаміі, збіралі кнігі пра глебазнаўства і сельскую гаспадарку свайго краю” [18, с. 54]. У 1913 г. у Санкт-Пецярбургу дзейнічае беларускі гурток пры сельскагаспадарчых курсах.

З мэтай распаўсюджання найноўшых ведаў з галіны аграрнаміі, паляпшэння матэрыяльнага становішча сельскага насельніцтва ў 1912 г. пачынае выходзіць спецыяльны мясячнік сельскагаспадарчай тэматыкі, дзейны праваднік ідэі беларускага нацыянальнага Адраджэння, беларускамоўны часопіс “Саха” (ператвораны з сельскагаспадарчага аддзела газеты “Наша ніва” ў самастойны орган), які быў узнагароджаны медалямі на выставах у Вільні (1913) і Мінску (1914) за папулярызацыю ведаў з галіны аграрнаміі, жывёлагадоўлі, раслінаводства, садоўніцтва, агародніцтва, пчалаводства, эканомікі сельскай гаспадаркі, а таксама развіццё новых форм гаспадарчай дзейнасці, прагрэсіўных метадаў апрацоўкі зямлі. Спачатку часопіс выходзіў у Вільні (красавік 1912 – кастрычнік 1913), а потым рэдакцыя

пераехала ў Мінск (лістапад 1913 – студзень 1915; красавік 1920 – май 1920). Прычына пераезда бачылася ў тым, што Мінск з’яўляецца «геаметрычным» цэнтрам Беларусі і цэнтрам вялікай сельскагаспадарчай губерні, тут функцыянуе балотная станцыя, школа паляпшэння сенакосаў і дабывання корму, земскі сельскагаспадарчы музей, плануецца адкрыццё «вышэйшага сельскагаспадарчага інстытута» [19, с. 16]. Да 1920 г. выйшла 27 нумароў, “але не ўсе яны патрапілі да чытачоў. № 24 і 25 былі арыштаваны да рашэння суда, а № 26 канфіскаваны. № 28, які анансаваўся, як перададзены ў друк, не выйшаў” [20, с. 13]. Асноўная мэта часопіса бачылася ў тым, каб «тлумачыць варункі, ад каторых робяцца перамены ў нашай гаспадарцы, паказываць тые перамены, якія трэба зрабіць ва ўсіх часьцях гаспадаркі, апісываць тэхнічныя перамены і навіны, каторыя саўсім годны для нас» [21, с. 2]. На старонках «Сахі» апісваліся спосабы выкарыстання новых тэхналогій землепрацоўкі, угнаенняў, новых сельскагаспадарчых культур Беларусі, аспекты сялянскага жыцця і аграрнай навукі: пытанні птушка- і жывёлагадоўлі, раслінаводства, садаводства, севазвароту, будаўніцтва. У разгляд часопіса ўключалася інфармацыя аб арганізацыі сельскагаспадарчых выстаў у Вільні, Мінску, Капылі, Нягневічах (На-ваградскі павет), дзейнасці сельскагаспадарчай станцыі ў м. Беняконі Віленскай губерні. Акрамя гэтага, «Саха» рэкламавала курсы па балотнай гаспадарцы, арганізацыю пры рэдакцыі вячэрніх курсаў па садаводстве і пчалярству, друкавала рэцэнзіі на профільныя выданні (часопіс «Боло-товедение» (Мінск), «Сельский хозяин», «Хутор» (Петраград), «Хлибороб» (Харкаў) і інш.). Сведчаннем запатрабаванасці выдання сярод насельніцтва стала актыўная праца рубрыкі “Адказ рэдакцыі” ці “Паштовая скрынка”, дзе друкаваліся каментары на лісты падпісчыкаў.

Такім чынам, у Беларусі ў пачатку ХХ ст. праз самачыннасць, уласную волю і жаданне адданага нацыянальнаму інтарэсу прафесіяналаў і аматараў у сферы агранамічнай навукі рыхтуюцца спецыяльныя беларускія тэксты з мэтай перадачы звестак аб дасягненнях і перадавым вопыце ў галіне сельскай гаспадаркі, што спрыяе развіццю мовы сельскай гаспадаркі, і праз пошук новых формаў для перадачы спецыяльнай інфармацыі закладваюцца асновы фарміравання беларускага навуковага тэксту сельскай гаспадаркі.

СПІС ЦЫТУЕМЫХ КРЫНІЦ

1. Каханюўскі А.Г. Гісторыя Беларусі другой паловы ХІХ – пачатку ХХ ст.: вучэб.-метадапаможнік / А.Г. Каханюўскі. Мінск: БДУ, 2017. 251 с.
2. Шаршунов В.А. Деятельность научных обществ и губернских комитетов по развитию сельского хозяйства в дореволюционной Беларуси / В.А. Шаршунов // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия аграрных наук. - 2003 г. № 4. С. 72–77.
3. Hutarki ab haspadarcy. Napisaŭ Sempoloŭski. S polskaj mowy pieratłumaczyŭ na biełaruskuju Antoś Asina (A. Karnicki). - Wilnia: Wydawnie “Našaje Niwy”, druk. M. Kuchty, 1909. № 10. 16 s.; Гутаркі аб гаспадарцы. З польскае мовы ператлумачыў на беларускую Антошь Асіна (А. Карніцкі). - Вильня: Выданьне “Нашае Нівы”, друк. М. Кухты, 1909. № 10. 16 с.

4. Jak używać sztuczny nawoz Napisaў K. Karpowič. - Wilnia: Wydawnie “Našaje Niwy”, 1909 8 s.; Jak używać sztuczny nawoz Napisaў K. Karpowič. - Wilnia: Wydawnie Ahronomičnaha Biuro dla rašyreńnia racjonalnaha užytku sztucznych nawozoy № 8, druk. M. Kuchty, 1911. 8 s.; Як ужываць штучны навоз. Напісаў К. Карповіч. – Вільня: Выданьне “Нашае Нивы”, 1909. 8 с.; Як ужываць штучны навоз. Напісаў К. Карповіч. – Вільня, выд-не Агрономічнага Бюро для рацыянальнага ужытку штучных навозаў № 8, друк. М. Кухты, 1911. 8 с.
5. Найвялікшы нагляд у гаспадарцы. Будова / [А. Вілецкі]. Мінск : выданне “Сахі”, [1915]. № 5. 8 с.
6. Косіч М. Аб пабудовах беларускага селяніна Чарнігаўскай губерні Мглінскага павета сяла Расухі, вёскі Барадзінкі / М. Косіч. [1906]. Рукапіс захоўваецца ў Беларускам дзяржаўным архіве літаратуры і мастацтва (БДАМЛіМ. Ф. 3. Воп. 1, Спр. 73, Арк. 64.)
7. Ziamielnaja sprawa u Nowaj Zelandii / piereložyju s ukrainskaj mowy A. B. – Wilnia : Drukarnia M. Kuchty, 1907. - 15 с. (Wydawnie “Naszaje Niwy”. 1907. № 1); Зямельная справа у Новай Зэляндзі / пералажыў з украінскай мовы А. Б. [Адам Багдановіч]. - Вільня: Выданьне “Нашае Нивы”, 1907. № 1. 16 с.
8. Cukier. Z hutarak z Dziadzkaŭ Symonam. Napisaў Wasiuk Trojca. -Wilnia: Wydawnie “Našaje Niwy”, 1909. № 8. – 16 с.; Цукар: з гутарак з дзядзькам Сымонам / напісаў Вацюк Тройца. - Вільня : Наша ніва, 1908. 16 с.
9. Dulemba K. Jak ratawać uzduťuju żywiołu? / s polskaho K. Dulemby. - Wilnia : Zahlanie sonce i ў naše wakonce, 1909. - 12 s.; Дулемба, К. Як ратаваць уздугую жывёлу? / С польскага К. Дулембы. Перэлажыў на беларускую мову Антоць Хатні. – Вільня : Загляне сонцэ і ў нашэ ваконцэ, друкарня М. Кухты, 1909. № 7. 12 с.
10. Зімовае кармленьне кароў. Менск: выд-ва “Сахі”, 1915. № 2; Гадоуля кролікаў (трусой). Напісаў А. Вілецкі. Мінск : выд-не “Сахі” № 4, электротип. Н. Нахумова. [1915]. 8 с.
11. Ab trusoch / napisaў W. Hrynieŭski. - Wilnia : Wydawnie Biełaruskaha Kamitetu, 1918. 15 с. не надо тире
12. Jak rabić dobryje ramowuje wulli. - Wilnia : Wydawnie “Našaje Chaty” № 4, Druk. M. Kuchty, 1910. 13 с.; Як рабіць добрыя рамовыя вульлі. Вільня, выд-не “Нашае Хаты” № 4, друк. М. Кухты, 1910. 13 с.
13. Pčalina — żywiołka małaja, a karyści daje mnoha / Henryk Bierozko. - Pieciarburh : Zahlanie sonca i u naša wakonsa. Drukarnia K. Piantkoŭskaha, 1911. 100 с.
14. Новая расьліна. Каўказкі Жывакоств. - Менск: выд-ва “Сахі”. 1914.
15. Марцінец Ф. Летні корм для свіней / Ф. Марцінец. – [Менск]: выд-во “Сахі № 1” [б.г.] 4 с.
16. Praktyčnyje rady ab harodnictwie. – Гоман. 1917. 20 чэрвеня. № 50. II год (142).
17. Tönnies A. Praktyčnyje rady ab razwiedzieńni i kiraŭnictwie z ukazańniem užytku niekatorych harodnin. – Wilnia: Беларус. часопіс. Гоман, 1917. 20 с.; Praktyчныя рады аб разведзенні і кіраўніцтве з указаннем ужытку некаторых гароднін. Па загаду каралеўскага ўраду ў Кёнігсбергу ўлажыў школьны інспектар у Гутштатт. – Вільня: Беларус. часопіс. Гоман, 1917. 20 с.
18. Ляхоўскі У.В. Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. – 1-й палове XX ст. (да 1939 г.) / У. Ляхоўскі; навук. рэд. А.М. Сідарэвіч. – 2-е выданне, папраўленае і дапоўненае. – Смаленск : Інбелкульт, 2015. 480 с.
19. Мянчэня С. Часопіс «Саха» і яго роля ў папулярызацыі сельскагаспадарчых ведаў ў Беларусі (1912–1915) / С. Мянчэня // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сборник научных статей / Министерство образования Республики Беларусь [и др.] ; редкол.: В.И. Дунай [и др.] ; под ред. Р.Б. Гагуа. Пинск : ПолесГУ, 2022. Вып. 6. С. 13–16.

О ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье обсуждаются возможности просодии в выражении различных видов модальности в вопросительных высказываниях. Анализируется вариативность просодических характеристик специального вопроса во французском языке и их соотношение с субъективно-модальными значениями в семантическом содержании высказывания. Демонстрируется связь между семантикой вопросительного местоимения (местоименного прилагательного) и спектром коннотаций, передаваемых просодическими средствами.

Ключевые слова: вопросительные высказывания; специальный вопрос; просодия; тональный контур; иллокутивная, субъективно-оценочная модальность.

The article discusses the capacities of prosody in expressing various kinds of modality in interrogative sentences. The variability of the prosodic characteristics of Wh-questions in French and their correlation with subjective modality meanings in the semantic structure of the utterance are analyzed. The relation between the meaning of the interrogative pronoun and a variety of connotations expressed by prosodic means is revealed.

Key words: interrogative sentences; Wh-questions; prosody; tonal contour; illocutive, subjective and evaluative modality.

Для современной фонетической науки очевидным является тот факт, что функционально-семантический аспект речевой просодии онтологически связан с выражением модальности. Вопрос заключается в том, какие виды модальности выражаются просодией, как они соотносятся в семантической структуре мелодической единицы и насколько самостоятельно просодия справляется с выполнением данной функции.

Основываясь на представлении о том, что модальность есть категория, неразрывно связанная с субъектом, современные исследователи различают два ее типа: иллокутивную и субъективно-оценочную.

Иллокутивная модальность присутствует в высказывании всегда, она отражает позицию говорящего по отношению к собеседнику в форме утверждения, вопроса или побуждения. Субъективно-оценочная модальность характеризует отношение говорящего к содержанию сообщаемого и/или к собеседнику. Она включает различные модальные оттенки, которые можно объединить в две группы – аффективности (сфера чувств, эмоциональности) и оценочности (сфера суждений), причем модальность оценки подразделяется в свою очередь на аксиологическую модальность (*utile* ‘полезный’, *idiot* ‘глупый’, *regrettable* ‘досадный’, *agréable* ‘приятный’, *etc.*) и эпистемическую модальность (*vrai* ‘истинный’, *possible* ‘возможный’, *certain* ‘достоверный’, *incertain* ‘недостоверный’) [1, с.13].

В вопросе о роли просодии в выражении иллокутивной модальности наблюдаются существенные расхождения между представителями разных научных школ. Так, ряд авторов, начиная с В. Матезиуса, полагают, что модальная функция – выражение иллокутивного типа высказывания – является неотъемлемой функцией просодии, поскольку при отсутствии грам-

матических показателей именно она (просодия) позволяет дифференцировать главные иллокутивные акты – вопрос и утверждение. Другие исследователи, в частности Д. Болинджер, считают, что корреляция между иллокутивным типом высказывания и просодическим контуром наблюдается всего лишь потому, что актуализация ингерентных [модально-эмоциональных] функций просодии совпадает с определенными грамматическими структурами [2, с. 2]. Менее радикальная точка зрения заключается в признании того, что просодия участвует в формировании иллокутивного содержания высказывания, но это происходит в контексте в тесном взаимодействии с грамматикой [3, с.4].

Вопрос об участии просодии в выражении иллокутивной модальности осложняется тем, что наряду с обозначением иллокутивного акта просодия, как известно, одновременно выполняет и другие функции. В частности, просодическими средствами передаются значения эпистемической и эмоциональной модальности, просодия выполняет дискурсивную функцию, является средством регулирования интеракции [4]. Актуализация этих функций определяется условиями коммуникации и типом дискурса. Так, в бытовом диалоге на иллокутивную модальность «накладываются», как правило, значения эмоциональной и эпистемической модальности; в интервью, беседе, включающих относительно протяженные отрезки монологического высказывания, значительное место отводится организации информации – выражению коммуникативной структуры – и регулированию интеракции.

Очевидно, что просодический контур оказывается результатом взаимодействия этих функций и их отражения в семантико-прагматическом содержании высказывания. Представляется также, что в зависимости от того, в какой мере средства других языковых уровней вовлечены в процесс актуализации иллокутивного акта, различается соотношение просодических показателей иллокутивной и других видов модальности.

Например, во французском языке в общем вопросе в форме утвердительного предложения просодия служит основным средством выражения иллокутивного значения, что предполагает наличие обязательных просодических показателей вопросительности. Наряду с этим общий вопрос, который представляет собой запрос о подтверждении имеющейся у говорящего (предполагаемой) информации, может выражать степень уверенности в этой информации и, соответственно, передавать значения эпистемической модальности, такие как уверенность, категоричность, неуверенность. Как показало исследование, проведенное А. Б. Лукашанец, признаки тонального контура общего вопроса имеют более или менее специфичный для данного иллокутивного типа характер в зависимости от того, в какой мере значение эпистемической модальности соответствует ингерентному значению вопросительности. Так, например, нейтральный и неуверенный вопросы характеризуются соответствующими тональными контурами, которые надежно идентифицируются как вопрос и четко дифференцируются. Напротив, тональный контур уверенного (декларативного) общего вопроса оказывается неоднозначным и воспринимается носителями языка или как вопрос, или как нейтральное утверждение [5].

Что касается *специального* вопроса, значение которого передается лексическими или лексико-синтаксическими средствами, просодия оказывается определяющей исключительно при дифференциации риторического и собственно специального вопросов, а также переспроса в форме предложения с вопросительным словом. Ведущая роль лексико-синтаксических средств в передаче значения иллокутивной модальности создает широкое поле возможностей для выражения просодией значений других видов модальности, а также различного рода прагматических коннотаций.

Особенность французского языка заключается в том, что в нем, в отличие от других европейских языков, специальный вопрос представлен целым рядом форм. Так, инвентарь вариантов специального вопроса с вопросительным местоименным наречием *quand* содержит 18 различных форм [6], в связи с чем ученые задаются вопросом, действительно ли значение вопросительности является центральным для всех этих форм. Еще в середине прошлого века авторы французской грамматики «*Grammaire Larousse du français contemporain*» писали о сложности систематизации грамматических структур, используемых в языке для выражения вопросительности: «тонкие различия, обусловленные членением, ударением, мелодией [...] делают представление вопросительных оборотов более похожим на густой куст, чем на голое дерево, о котором мечтают представители *структурного синтаксиса*» (перевод наш – Л. Морозова) [7, § 140]

Исследования эволюции структуры вопросительных высказываний во французском языке, проведенные на протяжении прошлого и в начале нынешнего века [8], свидетельствуют о том, что закрепление в речевой норме нескольких форм вопроса привело к дифференциации их функционально-прагматического содержания.

Современные грамматисты выделяют пять форм специального вопроса:

1) Конструкция *in situ*, в которой глагол и вопросительное слово соответственно занимают базовую позицию: *Tu vas où ?* ‘Ты идешь куда?’ *Pierre fait quoi ?* ‘Пьер делает что?’ *Elle est allée où en Allemagne ?* ‘Она поехала куда в Германии?’

2) Конструкция, в которой вопросительное местоимение перемещается в крайнюю левую позицию, а глагол остается на месте: *Où tu vas ?* ‘Куда ты идешь?’

3) Конструкция, в которой глагол оказывается слева от местоименного или, реже, именного подлежащего, а вопросительное местоимение занимает крайнюю левую позицию: *Où vas-tu ?* ‘Куда идешь ты?’ *Que fait Pierre ?* ‘Что делает Пьер?’

4) Конструкция с *est-ce que*, в которой местоимение перемещается в крайнюю левую позицию, а глагол остается *in situ*: *Où est-ce que tu vas ?* ‘Куда ты ... идешь?’ *Qu'est-ce que Pierre fait ?* ‘Что ... Пьер делает?’

5) Конструкция с оборотами *c'est ... qui*, *c'est ... que*, в которой вопросительное слово помещается в выделительный оборот, а глагол остается *in situ*: *C'est qui qui est venu ?* ‘А кто это пришел?’ *C'est quoi que tu fais ?* ‘А что это ты делаешь?’

Как отмечают исследователи, данные конструкции не тождественны с точки зрения прагматического содержания и сферы употребления. Конструкции (3) и (4) являются наименее маркированными и широко употребляются как в письменной, так и в устной речи. Конструкции (1), (2), (5) характерны для разговорной непринужденной речи и, по мнению авторов, предполагают, кроме того, особую пресуппозицию [3].

Наблюдения над различными жанрами звучащей речи показывают, что рассматриваемые конструкции различаются также «предрасположенностью» к выражению субъективно-модальных значений, передаваемых посредством просодии. Так, вопросы с *est-ce que* в зависимости от движения тона на ядерном слоге – нисходящее/восходящее – выражают соответственно либо «нейтральное», либо заинтересованное отношение к собеседнику:

Quand est-ce que vous venez chez \ nous ? – Quand est-ce que vous venez chez / nous ? ‘Когда вы к нам придете?’

Аксиологическая модальность со знаком «минус», передаваемая просодией посредством преимущественно признаков ядерного тона – движения мелодии на главноударном слоге высказывания, – для таких конструкций не характерна.

Подобная закономерность наблюдается также в специальных вопросах, выражаемых конструкцией *in situ*, в которой вопросительное местоимение, занимающее крайнюю позицию справа, реализуется в зависимости от «нейтрального»/заинтересованного отношения говорящего либо с нисходящим, либо с восходящим тоном:

Ton frère revient \ quand ? – Ton frère revient / quand ? ‘Твой брат возвращается когда?’

Vous avez fait \ quoi _au_ Centre_ Pompidou_ ? – Vous avez fait / quoi au Centre Pompi / dou ? ‘Вы делали что в Центре Помпиду?’

В отличие от конструкций с *est-ce que* и *in situ*, вопросы с вопросительным местоимением в крайней левой позиции и инверсией, а также с выделительными оборотами *c'est ... qui* и *c'est ... que*, демонстрируют более широкую вариативность модальных и модально-эмоциональных значений. Характерно при этом, что спектр такого рода дополнительных значений во многом определяется семантикой вопросительного слова. Так, например, вопросы с вопросительными местоимениями *lequel, lesquels, laquelle, lesquelles* и местоименными прилагательными *quel, quels, quelle, quelles* не предрасполагают к выражению отрицательных коннотаций, в отличие от вопросов с местоимениями *comment* и *pourquoi*, для которых отмечаются такие дополнительные оттенки как упрек, угроза.

Характер коннотаций, содержащихся в специальных вопросах, различен в зависимости от типа и жанра дискурса. Как показал анализ вопросов с вопросительными местоимениями *comment* и *pourquoi*, употребляемых в телевизионных и радиоинтервью, модально-эмоциональные оттенки, передаваемые просодическими средствами, включают нейтральность/заинте-

ресованность, недоумение, сомнение, упрек. Просодическая организация таких вопросов представлена двумя типами тонального контура: без контрастного выделения ядра коммуникативной структуры и с контрастным выделением (фокализацией) ядра коммуникативной структуры, локализация которого варьируется в зависимости от пресуппозиции.

Тональные контуры, не содержащие фокализованного ядра, представлены двумя основными конфигурациями. Первая из них характеризуется восходящим движением высоты голоса в средне-высокой/высокой регистрационной зоне на участке, предшествующем ударному слогу вопросительного местоимения, за которым следует постепенное падение до конечного – ударного – слога высказывания, произносимого с нисходящим тоном. Отличительная черта второй конфигурации состоит в восходящем движении на конечном слоге в среднем регистре. При нисходящем направлении движения тона вопрос воспринимается как нейтральный, при восходящем – как заинтересованный. Данные конфигурации описаны многими авторами (П. Делаттр, П. Леон, А. Ди Кристо и др.) и квалифицируются как наиболее типичные для французского специального вопроса:

Pour"quoi la cam'paigne de Valérie Péc'resse patine-t-elle? ‘Почему кампания Валери Пекресс буксует?’

Co"mment vivez-vous ces révéla,tions, ces informa,tions? ‘Как вы переживаете эти разоблачения, эту информацию?’

Тональные контуры, характеризующиеся контрастным просодическим выделением коммуникативного ядра, различаются локализацией последнего и, в зависимости от того, приходится ли ядро на вопросительное местоимение или на любой другой член предложения, дополнительными смыслами, привносимыми просодией. Именно этот тип тональных контуров оказывается наиболее распространенным в телевизионных и радиоинтервью.

В вопросах с просодическим выделением (фокализацией) вопросительного местоимения *pourquoi* в исследованном материале выявлены два основных дополнительных модальных значения – сомнение и упрек. Характерно при этом, что значимыми для идентификации и дифференциации этих значений являются как ядерный тон на ударном слоге вопросительного местоимения, так и направление движения на конечном (ударном) слоге высказывания. В обоих случаях конфигурация тонального контура характеризуется нисходящим движением на ударном слоге местоимения – ядерным нисходящим тоном, берущим начало в средневысоком регистре, за которым следует ровное движение на последующем участке вплоть до конечного ударного слога высказывания. Различия между вопросами с сомнением и вопросами с упреком выражаются в направлении изменения высоты голоса в завершении высказывания: первые отличаются восходящим движением, а для вторых характерен ровный тон на конечном слоге с удлинением последнего:

Pour \ quoi ne peut-on pas l'imaginer ? 'Почему нельзя это себе представить?' (сомнение)

Pour \ quoi une dérive éditoriale ? 'Почему редакционная ошибка?' (сомнение)

Pou \ rquoi n'êtes-vous pas ministre de l'économie ? 'Почему вы не министр экономики?' (упрек)

Фокализация других членов предложения в специальном вопросе с местоимениями *comment* и *pourquoi* отсылает к особой пресуппозиции. Признаки ядерного тона и тонального контура в целом передают такие модальные оттенки как недоумение, сомнение, упрек.

Таким образом, анализ просодических характеристик специальных вопросов с местоимениями *comment* и *pourquoi* свидетельствует о способности просодии выражать разного рода субъективно-модальные значения, а также о релевантности признаков не только ядерного тона, но и всего высказывания, что подтверждает глобальную природу тонального контура специального вопроса.

Вариативность структуры тональных контуров с фокализацией коммуникативного ядра представляет собой широкое поле для исследования участия просодии в выражении модальных и модально-эмоциональных значений в различных типах и жанрах французского устного дискурса.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Meunier A. Modalités et communication // *Langue française. Communication et analyse syntaxique*. 1974. № 21. P. 8-25.
2. Bolinger D. *Intonation and its uses: melody in grammar and discourse*. London: Edward Arnold, 1989. 370 p.
3. Delais-Roussarie E., Herment S. *Intonation et interprétation des questions: un puzzle pluridimensionnel // L'interrogative en français. Collection Sciences pour la Communication; eds M-J. Béguelin, A. Coveney, A. Guryev*. Bern: Peter Lang, 2018. P. 51-78.
4. Di Cristo, A. *Les musiques du français parlé: Essais sur l'accentuation, la métrique, le rythme, le phrasé prosodique et l'intonation du français contemporain*. Berlin: Walter de Gruyter, 2016. 522 с.
5. Лукашанец А. Б. Соотношение видов модальности как основа функциональной дифференциации французских устных высказываний: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Минск, 2009. 147 л.
6. Gadet F. *Le français ordinaire*. Paris: A. Colin, 1989. 192 p.
7. Chevalier J-C., Blanche-Benveniste C., Arrivé M., Peytard M. *Grammaire Larousse du Français Contemporain*. Paris: Librairie Larousse, 1964. – 494 p.
8. Boucher P. *L'interrogation partielle en français: l'interface syntaxe / sémantique // Presses universitaires de Caen. Syntaxe et sémantique*. 2010. № 11. P. 55-82.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЭРГОНИМОВ-НАЗВАНИЙ САЛОНОВ КРАСОТЫ
(на примере г. Белгорода)

Потребность человека в уходе за собой приобрела особое значение в последнее десятилетие, а бурная коммерческая деятельность способствовала появлению широкого многообразия эргонимов. В данной статье предпринимается попытка охарактеризовать ономастическое пространство города, исходя из тем, оформляющих названия салонов красоты. Актуальность исследования обусловлена необходимостью восполнить пробелы, связанные с отсутствием исследований в области анализа эргонимов-названий в сфере услуг.

Ключевые слова: ономастика; ономастическое пространство; эргонимы; тема; когнитивное воздействие; язык города.

The human need for self-care has grown in importance in the last decade. At the same time, the rapid commercial activity has contributed to the emergence of a wide range of ergonyms. The aim of this article is therefore to characterize the onomastic space of the city based on the concepts that are used in the names of beauty salons. The study is of particular relevance considering the need to fill the gaps associated with the lack of research in the analysis of ergonyms in services.

Key words: onomastics; onomastic space; ergonyms; concept; cognitive effect; language of the city.

Изучение языка города становится одним из наиболее динамично развивающихся направлений современной лингвистики и способствует выявлению и изучению новых тенденций в жизни общества. Значительную часть языкового пространства современного города составляют наименования различных учреждений и предприятий, которые являются предметом исследования ономастики – раздела языкознания, занимающегося изучением имен собственных. По утверждению Н. В. Подольской, «ономастика всегда подчиняется моде и идеологическим веяниям» [1, с. 48]. То есть, ономастическое пространство города, которое представляет собой пространство номинаций, включающее в себя наименования географических объектов, собственные наименования различных торговых, коммерческих предприятий, организаций и фирм, видоизменяется с течением времени.

Язык города «адекватно и в прямом смысле «наглядно» фиксирует переменчивую картину социальной жизни города» [2, с. 128]. Эргонимы являются неотъемлемой частью городского ономастического пространства. Согласно определению, закрепленному в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, эргоним – это «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [3, с. 166].

А. В. Суперанская, в свою очередь, отмечает, что эргонимы «относятся к комплексным объектам, складывающимся на основе некоторой территории, но включающим и оборудование, и людей, и производственные отношения» [4, с. 27]. Р. В. Разумов полагает, что эргонимы не привязаны к определенной географической точке и могут переноситься с одного места на другое, относясь при этом к периферии ономастического пространства города [5, с. 16].

Материалом исследования послужили 207 наименований салонов красоты г. Белгорода и Белгородского района, включая 141 русский эргоним и 66 английских эргонимов.

Цель исследования заключается в анализе эргонимов-названий салонов красоты г. Белгорода с точки зрения их тематики и, следовательно, эмоционального воздействия на адресата.

Вопрос о функциях эргонимов в настоящее время представляет собой определенную сложность, поскольку исследователи в области лингвистики не могут прийти к единому мнению. Тем не менее, среди основных функций эргонимов можно выделить следующие: номинативная, информативная, прагматическая, рекламная, эстетическая функции, а также функция охраны собственности.

Развитие рыночной экономики и рост индивидуальных предприятий способствовали развитию конкуренции, а расширение коммуникативного пространства города привело к тому, что именно прагматическая функция наименования предприятия или учреждения стала иметь значение для клиента. Причиной возникновения эргонимов является социальный посыл. Борьба за потребителя заставляет предпринимателей использовать оригинальные наименования, которые позволят коммерческому предприятию выжить на экономическом рынке. Эргоним в условиях конкурентной экономики становится элементом имиджа предприятия, диалога хозяина и клиента [6, с. 330].

За последние десятилетия в России произошли кардинальные преобразования в сфере коммерческой деятельности, что привело к появлению разнообразных по своей семантике и структуре эргонимов. Мелкий и средний бизнес чутко реагирует на меняющуюся экономическую ситуацию в стране и стремится повысить свою конкурентоспособность. Чтобы отвечать на изменчивые вызовы времени, предпринимателям приходится использовать креативный подход для разработки яркого и звучного эргонима. Согласно, М.Г. Курбановой, к любому эргониму выдвигается ряд конкретных требований. Иными словами, эргоним должен:

- 1) информировать потенциального клиента о предприятии или услуге;
- 2) быть ярким и запоминающимся;
- 3) привлекать внимание потенциального клиента;
- 4) быть понятным населению;
- 5) вызывать положительные эмоции [7, с. 30].

Рынок салонов красоты является в настоящее время востребованным и популярным, поскольку практически каждому человеку необходимо удовлетворять свою потребность в красоте. Развитие и динамика рынка услуг beauty сферы в последние годы обусловлены появлением новых технологий и новых товаров, а также стремлением населения следовать за модными тенденциями. Индустрия красоты – это отрасль, в которой представлены такие предприятия, как салоны красоты, парикмахерские, ногтевые студии, студии бровей и ресниц, барбершопы, студии шугаринга и эпиляции, СПА-салоны и ряд медицинских центров, оказывающих косметологические услуги.

С развитием данного рынка и появлением большого количества салонов красоты возникла необходимость их дифференцировать, а также бороться за внимание клиентов. По этой причине современное городское ономастическое пространство изобилует разнообразием эргонимов, привлекающих потенциальных клиентов. Зачастую наименования становятся все более креативными и оригинальными.

Анализ наименований учреждений индустрии красоты, расположенных в г. Белгороде, позволил нам определить наиболее распространенные темы, оформляющие данные наименования.

Тема «Род деятельности», в которой можно выделить следующие составляющие:

Парикмахерские услуги: *Челка, Чуб-чик, Ножницы, Флакон, Чик-чик, Kistochki* ‘Кисточки’, *Volos 31* ‘Волос 31’, *Парикмахерская №1, ЦирюльникЪ, Кудряшка, БиГуду.*

Ногтевой сервис: *Идеальный маникюр, Маникюрная, Mir Manicure* ‘Мир маникюра’, *Nail Express* ‘Ногтевой экспресс’, *Hand Zona* ‘Зона рук’.

Услуги массажа: *HANDMADE* ‘Своими руками’, *Про.мни* ‘Про.мни’.

Услуги визажиста: *Визаж.*

Услуги шугаринга, эпиляции: *Тут гладко, Гладкое тело, Golden Wax* ‘Золотой воск’, *Laser Love* ‘Лазерная любовь’, *Laser Lab* ‘Лазерная лаборатория’.

СПА-услуги: *Grand Float* ‘Гранд Флоат’, *Teosofia SPA* ‘Теософия СПА’, *NeSpa* ‘НеСПА’.

Наименования, представленные в данной группе, сообщают клиенту непосредственно о характере услуг, которые предоставляются в данном заведении. В случае с вышеназванными эргонимами клиент выстраивает ассоциации, которые могут быть связаны как с самим процессом предоставления услуг (*Grand Float*), так и со способом (*HANDMADE*) их оказания, инструментом (*Ножницы, Kistochki*) или результатом после процедуры (*Гладкое тело*).

Тема «Жизнь»: *Стиль жизни, Море жизни, VitaLine* ‘Линия жизни’. Понятие «жизнь» / «vita» ассоциируется с развитием, возрождением, свободой, что вызывает позитивные эмоции у потенциального клиента. Приходя в салон красоты, ногтевую студию или СПА-салон, клиент обретает новую жизнь, меняет свой образ и становится счастливее.

Тема «Красота»: *Beauty Home Lode* ‘Источник дома красоты’, *Красота, WoMan Beauty Studio* ‘Женская студия красоты’, *Азбука красоты, Котелок красоты, Красивое время, Цель. Красиво, Фабрика красоты, Симфония красоты, Уголок красоты, Красотка.* Данная тема является ведущей в beauty индустрии, поскольку посещение салонов отражает потребность человека в уходе за собой и желание следовать модным тенденциям.

Тема «Образ»: *ProОбраз* ‘ПроОбраз’, *Вобразе* ‘В образе’, *Облик, Образ, SELFIE* ‘селфи’. Понятие «образ» соотносится с эстетическими представлениями человека, следовательно, также стимулирует положительные эмоции у клиентов.

Тема «Цвет»: *Blond Bar* ‘Бар Блонд’, *Blond Salon* ‘Салон Блонд’, *Color Bar* ‘Бар цвета’, *Kolorist* ‘Колорист’, *Нюд*, *Pink Angel* ‘Розовый ангел’, *ПлатинуМ*, *Black&White* ‘Черный и белый’, *MagicColor* ‘Волшебный цвет’, *Цветные сны*. В данной группе могут быть представлены наименования палитры оттенков волос, лаков для ногтей или же сама идея смены цвета или его усиления.

Тема «Мода»: *А’стиль*, *Стиль*, *Модное место*, *Модный дворик*, *Vogue* ‘мода’, *Vintage* ‘винтаж’. Данная тема тесно связана с тенденциями развития общества и близка теме «Красота». Она также играет существенную роль в beauty индустрии и отражает стремление человека изменить свою внешность в соответствии с основными модными течениями.

Тема «Фауна»: *Лео* ‘лев’, *Птички*, *Стрекоза*, *Фламинго*, *Белый кот*. В данной группе, лев, например, ассоциируется с пышной гривой, которая подлежит уходу, как и волосы. Птицы и насекомые же могут рассматриваться как символ свободы и обновления, которые обретает клиент после процедур красоты.

Тема «Флора»: *Калина*, *Корица*, *Ежевика*, *Черника*, *Мята*, *Хризантема*, *Лотос*, *Орхидея*, *Малина*, *Сакура*, *Манго*, *Лайм*. Названия цветов вызывают положительные эмоции и, являясь частью духовной культуры, наделены особым символическим смыслом. Хризантема символизирует процветание, жизнелюбие и скромность. Орхидея считается символом невинности и совершенства. Названия ягодных кустарников и фруктовых деревьев активизируют вкусовые рецепторы клиента, напоминая об их сладком и неповторимом вкусе.

Тема «Еда»: *Шоколад*, *Сахар*, *Карамель*, *Мохито*, *SAHAR & VOSK* ‘сахар и воск’. Данная группа наименований, также воздействуя на вкусовые рецепторы клиента, стимулирует положительные эмоции, связанные с продуктами, которые обладают ярким и приятным вкусом.

Тема «Пространство»: *Okinawa Beauty* ‘Окинава Бьюти’, *Сиам*, *Париж*, *Шангри-Ла*, *Эллада*, *Верона*. Топонимы или географические названия также вызывают у клиента положительные эмоции. В большинстве случаев, данная тема применима к СПА-салонам, поскольку именно они наталкивают на мысли о гармонии, умиротворении, спокойствии, благодаря ассоциативному ряду, который выстраивается в голове у клиента.

Тема «Женщина» / «Девушка»: *Подружки*, *Prima* ‘Прима’, *My Girls* ‘Мои девочки’, *ЛеДи*. В данной группе прослеживается идея о том, что главным посетителем салонов красоты является женщина / девушка или группа женщин / девушек.

Стоит также отметить, что широкий спектр наименований салонов красоты представлен категорией антропонимов – собственных имен людей. Эргонимы-антропонимы салонов красоты г. Белгорода можно разделить на несколько групп.

Антропонимы (женские имена): *Моника*, *Лиза*, *Мия*, *Люси*, *Елена*, *Маргарита*, *Лаура*, *Алиса*, *Натали*, *Ева*, *Жасмин*, *Лидия*. Поскольку основным посетителем салонов красоты является женщина, назвать салон женским именем представляется вполне естественным.

Мифоантропонимы: *Афродита, Афина, Медея, Андромеда, Веста, Инари, Ника*. В данной группе представлены имена, заимствованные из древнегреческой, древнеримской и японской мифологии. Очевидно, что выбор данных героинь не случаен: они отличаются красотой, мудростью, а также символизируют женственность.

Антропонимы (мужские имена): *Alex 'Алекс', Mr. Grand 'Мистер Гранд'*. Данная группа не отличается многообразием наименований. Это связано с тем, что в настоящее время рынок мужских парикмахерских и барбершопов только начинает активно развиваться.

Антропонимы литературных героев и персонажей фильмов: *Руслан и Людмила, Ромео и Джульетта, Марья Краса, У Тиффани, Анжелика и Король, Ассоль, Багира*. Как правило, герои художественных произведений стимулируют положительные эмоции, напоминают о волшебстве, магии, чуде, исполнении заветных желаний, а также в ряде случаев могут навеять детские воспоминания.

Анализ наиболее распространенных тем, оформляющих наименования салонов красоты г. Белгорода, позволяет сделать вывод о том, что все наименования можно разделить на две группы: 1) эргонимы, выполняющие рекламную и информативную функции; 2) эргонимы, выполняющие прагматическую и эстетическую функции. Среди наиболее популярных эргонимов-названий салонов красоты города можно выделить такие темы как «Род деятельности», «Красота», «Флора», «Цвет». Широко распространены также, что примечательно, эргонимы-антропонимы, как правило, выраженные женскими именами.

Таким образом, часть ономастического пространства г. Белгорода, представленная эргонимами-названиями салонов красоты, является весьма яркой и неоднородной. Креативные наименования придают городскому пространству броскость и выразительность, в то время как вполне информативные эргонимы отражают деловой образ города.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Подольская Н. В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 47–52.
2. Китайгородская М. В. Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески // Современный русский язык : социальная и функциональная дифференциация : Сб. ст. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 127–150.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988. 192 с.
4. Суперанская А. В. Что такое топонимика: из истории географических названий. М. : Наука, 1985. 176 с.
5. Разумов Р. В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 14–19.
6. Федорова И. А., Буторина Н. В. Прагматический аспект современных эргонимов (на материале английского и французского языков) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2019. Т. 29, № 2. С. 330–334.
7. Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка в коммуникативно-прагматическом аспекте // Гуманитарные исследования. 2012. №1 (41). С. 29–35.

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНСТРУКТ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРАКТИК-УГРОЗ

В статье рассматривается коммуникативный конструкт угрозы как способ истолкования, с помощью которого можно описать представления носителей языка о вербальной угрозе и ее воздействии на эмоциональное состояние участников предвыборной коммуникации. Разработанный лингвокогнитивный инструментариий закладывает основу для становления политической менасологии как отдельного направления в лингвистической прагматике.

Ключевые слова: коммуникативный конструкт; менасив; вербальная угроза; предвыборная коммуникация; политический дискурс; аффект; диспозиция; политическая менасология.

The article considers the communicative construct of threat as a method of interpretation used to describe speakers' representation of verbal threat and its effect on emotional state of participants in pre-election communication. The developed linguocognitive instrument lays the foundation for political menasology as a new direction in linguistic pragmatics.

Key words: communicative construct; menasive; verbal threat; election communication; political discourse; affect, disposition; political menasology.

Феномен угрозы встречается в различных областях научного знания и обладает высоким уровнем актуальности среди отечественных и зарубежных ученых [1-7]. Тем не менее, в настоящее время остались вне поля зрения когнитивные механизмы осмысления человеком угрозы, а также возможность реализации такой вербальной угрозы, которая будет формировать у массового адресата аффицированное состояние (т.е. затронутое, задетое аффектом, от лат. *afficio* «причинять») или состояние страха, тревоги, боязни или ужаса. Больше того, в современной лингвистике не разработан методологический аппарат, с помощью которого можно описать политические практики-угрозы как когнитивно-дискурсивный феномен, обладающий характерными манифестационными и содержательными особенностями и оказывающий определенное воздействие на представителей электорального сообщества. В этой связи назрела необходимость нового подхода, находящегося в русле современных лингвистических течений и интегрирующего различные аспекты анализа.

В выбранном ракурсе рассуждений целесообразно предложить коммуникативный конструкт предвыборной угрозы как лингвокогнитивный инструмент для осмысления и систематизации отдельных представлений носителей языка о вербальной угрозе и ее воздействии на эмоциональное состояние участников социального взаимодействия [8-11]. Коммуникативный конструкт, имеющий «конгруэнтность со структурами сознания в ментальном пространстве» [12] языковой личности, позволяет использовать его в качестве способа истолкования или когнитивного (смыслового) инструмента, с помощью которого можно не только описать отдельные представления носителей языка о вербальной угрозе, но и определенным образом упорядочить и классифицировать такие представления.

Оперируя в работе понятием «коммуникативный конструкт», следует уточнить, что под ним понимается адекватный когнитивный инструмент, обладающий отношением противоположности и предполагающий континуальность [13], при помощи которого языковая личность интерпретирует, структурирует и осмысляет (оценивает) вербальную угрозу. Кроме того, конструкт в отличие от понятия (и концепта), обозначающего «существенное свойство относимых к нему вещей», представляет собой «толковательный акт» [14].

Коммуникативный конструкт предвыборной угрозы может быть представлен в виде комплексного ментального образования, ядром которого является векторная ось, направленная от контрарной точки комфорта (К) к контрарной точке дискомфорта (Д) с размещением на такой оси семантических маркеров диспозиций Я-модальностей политика и избирателя [подробнее см.: 11; 15; 16]. Элементы коммуникативного конструкта предвыборной угрозы распределены на оси по принципу усиления интенсивности эмоциональных переживаний от точки (К) к точке (Д).

Предлагаемая схема демонстрирует отображение возможных эмоциональных переживаний участников акта менасивной каузации на континууме содержания коммуникативного конструкта предвыборной угрозы:

Схема 1

К _____ +А _____ 0 _____ -А _____ Д

Условные обозначения здесь и далее:

0 – точка отсчета;

А – аффицированное эмоциональное состояние, где:

+А – положительное;

-А – отрицательное;

К – комфортное эмоциональное состояние;

Д – дискомфортное эмоциональное состояние.

Уместно подчеркнуть, что каждый элемент коммуникативного конструкта угрозы имеет вполне определенное положение на континууме его содержания. При движении по континууму содержания рассматриваемого конструкта слева направо усиливается некомфортность эмоциональных переживаний собеседников, а также возрастает интенсивность прагма-эмоционального воздействия предвыборных практик-угроз на массового адресата.

На основании выбранного когнитивно-дискурсивного подхода есть все основания полагать, что функционально-семантические особенности предвыборных менасивов могут быть использованы как критерии для макросегментации диспозиций модальности Я-избирателя на коммуникативном конструкте угрозы. Так, менасивы, которые содержат указание на негативные последствия для не-избирателей, оказывают аффицированное положительное

(также: легкое) воздействие на избирателей в пороговых пределах коммуникативного конструкта предвыборной угрозы от точки К до точки 0, так как «характер и вид негативных последствий таких высказываний затрагивает избирателей косвенно» [17]. Например, *We borrow a million dollars a minute. This vast accumulation of debt threatens not just our economy, but our security* ‘Мы занимаем миллион долларов в минуту. Такое огромное накопление долга угрожает не только нашей экономике, но и нашей безопасности’ (Paul, 2015); *We can create jobs, but as we’ve all seen America can’t succeed unless we strengthen the first economy – the American family* ‘Мы можем создать рабочие места, но, как мы все видели, Америка не сможет добиться успеха, если мы не укрепим главную экономику – американскую семью’ (Santorum, 2015); *But we cannot rebuild the American Dream here at home by catering to the voices of the privileged and the powerful* ‘Но мы не можем восстановить американскую мечту здесь, дома, прислушиваясь к голосам привилегированных и сильных мира сего’ (O'Malley, 2015).

В русле сказанного становится понятным, что менасивы с негативными последствиями для избирателей вводят массового адресата в диапазон аффицированных отрицательных переживаний, находящийся в пороговых пределах от точки 0 до точки Д коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Например, *And if companies take tax breaks and then ship jobs overseas, we'll make them pay us back* ‘И, если компании возьмут налоговые льготы, а затем отправят рабочие места за границу, мы заставим их вернуть нам деньги’ (Clinton, 2016); *It begins with a new, fair trade policy that protects our jobs and stands up to countries that cheat* ‘Все начинается с новой, справедливой торговой политики, которая защищает наши рабочие места и противостоит странам, которые обманывают’ (Trump, 2016).

Проведенное исследование показывает, что адресатная направленность негативных последствий предвыборных практик-угроз определяет их прагма-эмоциональное воздействие на представителей электорального сообщества и, следовательно, может быть положена в основу для разработки “шкалы мерности”, определяющей интенсивность воздействия предвыборных практик-угроз на массового адресата. В этой связи становится понятным, что менасивное пространство американской предвыборной дискурсии формируется практиками-угрозами, которые характеризуются различным потенциалом прагма-эмоционального воздействия на избирателей, а у политика как инициатора менасивной дискурсии есть возможность целенаправленного выбора предвыборной практики-угрозы, обладающей определенным потенциалом воздействия.

Предложенный авторами коммуникативный конструкт угрозы открывает широкие возможности для описания воздействующего потенциала практик-менасивов в различных сценариях социального взаимодействия, в том числе в политической коммуникации. Разработанный лингвокогнитивный инструментарий закладывает основу для становления *политической менасологии* как отдельного направления в лингвистической прагматике

и может быть использован для описания вербального поведения языковой личности, реализующей высказывания-угрозы для решения коммуникативных задач. Поэтому дальнейшее изучение проблематики, связанной с рассмотрением и анализом специфики функционирования менасивов в вербальном поведении говорящего субъекта, остается одним из актуальных направлений в области германского языкознания, когнитивной и политической лингвистики.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм ЕВРОЗНАК, 2001. 512 с.
2. Делюмо Ж. Идентификация ужаса / Ж. Делюмо, Дж. Дж. Фрезер. М.: Алгоритм, 2009. 240 с.
3. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб: Издательство «Питер», 1999. 464 с.
4. Коростылёв О. И. Уголовно-правовая характеристика угрозы. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ставрополь, 2004. 25 с.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1998. 384 с.
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.
7. Boulding K.E. Towards a Pure Theory of Threat Systems // *The American Economic Review*. 1963, Vol. 53, № 2. P. 424–434.
8. Новоселова О. В. Роль менасивного конструкта в предвыборных дебатах // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. 2022б, №4. С. 16-25. URL: <http://www.tverlingua.ru> (дата обращения 3.04 2024)
9. Романов А. А., Новоселова О. В. Лингвокогнитивный анализ конвергентного пространства конструкта угрозы // *Вопросы психолингвистики*. 2021, №2 (48). С. 96–117.
10. Романов А. А., Новоселова О. В. Менасивные конструкты предвыборной дискурсии: лингвокогнитивный анализ материалов программ президентской кампании 2018 года. – М.: Флинта, 2021а. 440 с.
11. Романов А. А., Новоселова О.В. Регулятивные менасивы в политической коммуникации США. М.: Флинта, 2023. 240 с.
12. Романов А. А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. 2016, № 4. С.1–35. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 15.05 2024)
13. Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: Лингвопсихологический анализ. М.: ИЯ РАН, 2006. 144 с.
14. Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 182 с.
15. Новоселова О.В. Делimitация «свой» - «чужой» в предвыборных менасивах // *Язык и личность в полидисциплинарной перспективе: материалы международной научно-практической конференции*. Москва, 2022. С. 204-205.
16. Новоселова О.В. Предвыборные менасивы как регулятивы политической дискурсии // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. 2022, № 3. С. 73–85. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 2.07 2024)
17. Романов А. А., Новоселова О. В. Дискурсивная реализация угрозы в предвыборной коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2020, Т. 24, № 2. С. 419–448.

ВЕКТОР КОГНИТИВНЫХ МЕРНОСТЕЙ КОММУНИКАТИВНОГО МЕТАКОНСТРУКТА «ЗАПУГИВАНИЕ»

В статье рассматривается понятие «когнитивная мерность», которое характеризует семантическое пространство агонально-дискурсивного знака «баттл-конструкт», обладающего семантическим гиперонимом «туннельной направленности». Выделенный гипероним задаёт вектор когнитивных мерностей, характеризующих демонстративное поведение участников батальной коммуникации.

Ключевые слова: баттл-конструкт; демонстративный тип поведения; запугивание; когнитивная мерность; метаконструкт; стратегия.

The article deals with the concept of “cognitive dimension” and characterizes the semantic space of agonistic-discursive sign “battle construct” which has the semantic hypernym “tunnel orientation”. This hypernym defines a vector of cognitive dimensions that characterize the demonstrative behavior of participants in battle communication.

Key words: battle construct; demonstrative type of behavior; intimidation; cognitive dimension; metaconstruct, strategy.

Демонстрация человеком миру своей значимости, исключительности и идентичности – в широком смысле этого термина – приобрела в первой четверти XXI века глобальный масштаб в виде интенсивного выхода на авансцену одной из наиболее распространённых и востребованных в геополитическом социально – информационном пространстве форм *конфронтационного бытования языка*, которые нашли своё выражение в реализации вербально – батальных практик в составе когнитивно – дискурсивных единств “боевой” коммуникации или когнитивно – коммуникативных баттл-конструктов, используемых в интенсивной борьбе за ментальную сферу своего противника / противников. Сегодня такая борьба разворачивается не только на просторах информационной сферы глобального мироустройства, но она также активно переносится и на конкретное пространство информационной среды атакованного противника, точнее – на основные, базовые или «ядерные» коммуникации социума в виде «информационных атак», «пост-правдивых», «абсурдных», «обманных» versus «фейковых» посланий, а также агрессивно-дезруптивных практик «информационно - психологических операций» и разного рода и формата «ментальных войн» – от «войн идеологий», «гибридных», «ментальных», «психологических», «информационных» и «когнитивных» войн до «консциентальных» противоборств и противостояний.

Под влиянием идей «лингвистического поворота», а позднее и «дискурсивного поворота» особое развитие получает междисциплинарное направление, условно именуемое как «дискурсивизация социального мира» или «критический дискурс-анализ», в терминологии Т. Ван Дейка. В силу «широкого предмета изучения», который оказался «гораздо шире собственно лингвистического подхода» [1, с. 5] к прагма-функциональной семиотике эпохи структурализма, постструктурализма и модернизма, интенсивное

развитие получают интегративные исследования, посвящённые панорамному описанию дискурсивного поведения говорящего субъекта (*homo loquens*) в социальных условиях типовых сценариев его жизни. В этом смысле интегративный подход к дискурс-анализу и его «прикладным формам» в виде «архива» дискурсивных практик демонстративного поведения суть описание проблематики или «технический инструмент, с помощью которого можно выявить и показать, как структуры дискурса участвуют не только в манипуляции, но и в других формах управления общественным сознанием в целом», например, в процессах формирования и активного внедрения «предвзятых ментальных моделей в интересах властных групп» [1, с. 5-6] в пространство публичных коммуникаций социума.

В рамках обозначенного интегрирования демонстративной коммуникации с регулятивной спецификой динамического подхода к батальному взаимодействию противоборствующих сторон представляет значительный интерес феномен дискурсивных практик демонстративного вербально-авербального поведения как разновидности одной из «прикладных форм» дискурс-анализа, которую (т.е. форму разновидности) можно рассматривать не только в качестве метода описания и изучения публичной коммуникации в функции «структурно-организующего, регулятивного ядра общества» [2; 3], но также и как объект социально-политической сферы, и как инструмент эффективной борьбы соперников за социально-политическую гегемонию и бенефициарный репутационный капитал в обществе с использованием различных средств прямого и косвенного воздействия на своих оппонентов в дихотомическом сопоставлении «дискурса победителя» versus «дискурса побежденного / проигравшего». Поставленные в работе задачи решаются с использованием регулятивно-деятельностного подхода к анализу дискурсивных образований в виде когнитивно-коммуникативных единств – когнитивно-регулятивных конструкторов.

В основе регулятивно-деятельностного подхода, разработанного в Тверской научной школе «Динамическая модель регулятивной коммуникации», лежит лингво-прагматическая модель динамической регуляции коммуникативного взаимодействия и её единиц – когнитивно-регулятивных конструкторов (когнитивных регулятивов) как специфических ментальных знаков туннельной направленности [2; 3; 4]. Под когнитивно-коммуникативным конструктором понимается дихотомическая инвариантная конфигурация, вербально конгруированная и конгруируемая со структурами сознания в ментальном пространстве человека как говорящего (*homo loquens*) и когнитивного агента. Такая конфигурация является наиболее адекватным ментальным смысловым инструментом или «толковательным актом» ментальной репрезентации «специфического языка мышления», в трактовке Дж. Фодора, который участники агонального (боевого) взаимодействия используют в процессе менасивной (от лат.: *minatio, minationis, minax, minor versus ango, terreo, horrifico* 'угроза', 'угрожать', 'угрожающий', 'пугать', 'запугивать') каузации для представления и описания типовых фрагментов

знания носителей языка о лингвистических параметрах (мерностях) комплексного содержания вербального когнитивно-коммуникативного конструкта «запугивание», включающего такие семантические мерности или черты (свойства, семы) как 'запугать / запугивать', 'угрожать', 'пугать', 'наводить страх, ужас'. Лингвокогнитивная корреляция (связь) между конкретным проявлением комплексного акта менасивной каузации и эмоциональным состоянием адресата такого направленного воздействия находит своё отражение в диспозициях модальностей Я-инициатора воздействия и Я-адресата воздействия.

Когнитивно-дискурсивный (вербальный) знак «баттл-конструкт», представляет собой обозначенный туннельный знак, который характеризуется целым комплексом семантических признаков (черт, сем), среди которых можно выделить такие свойства, как «акциональность», «типеронимическую интегративность», «локутивность», «каузативность», «регулятивность», «инструментальность», «динамичность», «реляционность», «тактико – стратегическую обоснованность», а также «целенаправленность» и «эмоциональность». Уточним также, что названные признаки получены в процессе семантического анализа дефиниций производных слов, обладающих менасивной направленностью, а именно – лексем «беспокойство», «боязнь», «волнение», «испуг», «опасение», «страх», «тревога», «трепет», «угроза», «ужас» [6]. Набор семантических признаков у когнитивно - дискурсивных знаков-конструктов туннельной направленности позволяет рассматривать их в функционально - прагматическом плане как знаки, которые, согласно Выготскому, «становятся психологическим орудием, как средством воздействия на психику и поведение» и «оказываются направленными на социальные перемены» не только в масштабах глобального мирового пространства, но также и в отдельных его частях. А такие признаки как «орудийность» и «регулятивность» туннельного знака способствуют выработке у него соответствующих лингвистических параметров воздействия – от интенсивной глубины семантического охвата воздействия до стратегического выбора векторной направленности такого воздействия – на *кого*, с *какой целью*, *когда*, с *какой мерностью* и с *каким* результирующим эффектом.

Взгляд на туннельность («шаблонность структурных лекал» в виде дискурсивных практик самого баттл-конструкта) дает возможность опираться на междисциплинарную перспективу конструктивистского методологического принципа применительно к анализу смыслового содержания того или иного выраженного параметра (точнее, его конкретной когнитивной мерности) как «объекта», представленного в ментальном пространстве носителя языка в виде совокупности константных значений некоторых характеристик, которые при рассмотрении на более длительных масштабах времени уже будут проявляться в такой же степени как причинно-обусловленный процесс [6].

Направленность изменений в этом процессе или *векторность* дискурсивно - коммуникативных практик туннельного конструкта служит определенным *навигатором*, который указывает участникам боевого коммуникативного взаимодействия направление регулятивного (*совместного*, но не обязательно *согласованного*) продвижения участников конфронтационной дискурсии по временной «оси внутри туннельного дискурса» в рамках выбранной им сценарной реализации дискурса-конструкта с тем, чтобы реально предложенная отправителем (инициатором демонстративного воздействия) для внедрения и имплантирования совокупность означающих форм-практик (“структурных лекал”) могла путем дальнейшей во времени и пространстве медийной раскрутки (в том числе и меметической ритуальности) служить основанием (основой) для *расширения* (векторная модель *Б*) или *сужения* (векторная модель *А*) набора их *параметров* мерности. Примером модели *А*) может служить взаимодействие участников конфронтационной (боевой) интеракции, описанной в басне И. А. Крылова «Волк и ягнёнок». В свою очередь примером модели *Б*) может служить дискурсивный массив между коллекторами, требующими от должников оплату за денежный заём, и должниками, которые ещё не расплатились с ссудными организациями и хотят отсрочить время оплаты любыми доступными путями и средствами.

В той или иной мере, все участники боевого взаимодействия, окунаясь в объём туннельной реальности дискурсивных практик, определяют конкретный объём сценарного «окна дискурса» или сценарного «дискурсивного окна», необходимого для успешной реализации поставленных задач и достижения рубежей той или иной когнитивной мерности целого или комплексного знака-конструкта, например, «запугивание». При этом, фреймовая конфигурация такого комплексного туннельного знака может включать в себя – и потенциально включает – субфреймы тех или иных когнитивных мерностей, которые выступают в роли когнитивных (понятийных) формантов, отражающих психо – эмоциональное состояние и коммуникативное поведение объекта менасивного воздействия. Параметры когнитивной мерности есть дифференциально-значимые признаки, которые контрарно представлены на горизонтальной (временной) оси дискурсивно-интерактивного пространства туннельного знака-конструкта (таких, например, как «обвинение», «согласие», «упрек», «угроза», «утешение») в субъективно - оценочных величинах, находящихся между собой в пределах отношений контрарности: от диаметрально противоположных до возможных, приемлемых, абсурдных, неприемлемых или абсолютно нейтральных [7, с. 156-162]. Конкретная последовательность расположения параметров когнитивной мерности (или когнитивных мерностей) на временной оси значений агонально - дискурсивного взаимодействия зависит в определённой степени от стратегической направленности движения дискурсивных практик, используемых участниками боевой интеракции в туннельном пространстве коммуникативного дискурса - конструкта.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер с англ. М.: «Либроком», 2013. 144 с.
2. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
3. Романов А. А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: Системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. М.: Ленанд, 2020. 264 с.
4. Романов А. А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний просьб. М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. 153 с.
5. Романов А. А., Романова Л.А. Векторная направленность переформатирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017, № 2. С. 1–32. URL: tverlingua.ru (дата обращения 2.04 2024)
6. Романов А. А., Романова Л. А. От рэп-баттла к баттл-рэпу: трансформационный поворот функциональной рэп-дискурсии // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики: научно - исследовательский журнал. 2023, № 1 (41). С. 123–140.
7. Романов А. А. Грамматика деловых бесед. Тверь: Фамилия, 1995. 240 с.

Скалия Д. (Москва, Россия)

КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ ANDARE И VENIRE В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ. ПЕРИФРАЗ, ПСЕВДОКООРДИНАЦИЯ ИЛИ СЕРИАЛИЗАЦИЯ?

В статье предлагается анализ глагольных структур итальянского языка с использованием глаголов *andare* и *venire* с целью их классификации в одну из следующих категорий: глагольные перифразы, псевдокоординация или глагольные сериальные конструкции. Объяснив принципы, по которым были проанализированы различные конструкции, мы пришли к выводу, что итальянские глагольные конструкции, использующие глагол *andare* и *venire*, могут быть идентифицированы как глагольные перифразы или частные случаи паратактических конструкций.

Ключевые слова: типологическая лингвистика; итальянский язык; глагольные структуры; глагольные перифразы; псевдокоординация; глагольные сериальные конструкции.

L'articolo propone un'analisi delle strutture verbali della lingua italiana che utilizzano i verbi *andare* e *venire* con l'obiettivo di classificarle in una delle seguenti categorie: perifrasi verbali, pseudo-coordinazione o costruzioni seriali verbali. Dopo aver spiegato i principi con cui sono state indagate e analizzate le varie costruzioni, siamo giunti alla conclusione che le costruzioni verbali italiane che utilizzano i verbi *andare* e *venire* possono essere identificate come perifrasi verbali o casi particolari di costruzioni paratattiche.

Parole chiave: linguistica tipologica; lingua italiana; strutture verbali; perifrasi verbali; pseudocoordinazione; costruzioni seriali verbali.

1. Introduzione

In questo articolo ci concentreremo sulla tipologia delle strutture verbali che utilizzano il verbo "andare" e "venire" nella lingua italiana e, mediante un'analisi tipologica accurata, cercheremo di classificare le strutture trovate suddividendole in diverse sottogruppi.

L'attualità della nostra ricerca testimonia un interesse crescente per le costruzioni verbali seriali nella linguistica tipologica. In particolare, l'interesse sta crescendo in un'area ancora poco conosciuta delle costruzioni verbali seriali nelle lingue europee e romanze: come sappiamo, le costruzioni verbali seriali sono ben note e analizzate nelle lingue dell'Africa occidentale, del sud-est asiatico, dell'Oceania e della Nuova Guinea, così come nelle lingue creole.

Secondo la definizione di Aikhenvald A. Yu., una costruzione verbale-seriale, o serializzazione verbale, è una sequenza di verbi che agiscono insieme come un unico predicato, senza alcun marcatore esplicito di coordinazione, subordinazione o dipendenza sintattica di qualsiasi altro tipo [Aikhenvald & Dixon, 2006:1]. Il termine "Serial Verb Constructions" è stato gradualmente esteso per includere altri fenomeni simili - inizialmente in lingue geograficamente e storicamente affini, come i creoli dell'area atlantica. Ogni volta che il termine viene esteso a nuove lingue prese in considerazione, c'è il rischio che il significato originario del termine possa cambiare, poiché le proprietà determinanti applicabili alle lingue di origine non hanno valore nella nuova lingua [2, c. 292]. Pertanto, ampliando il campo di ricerca sulle costruzioni verbali seriali nelle nuove lingue, è necessario trovare compromessi che siano appropriati per ciascuna nuova lingua studiata.

Per ottenere un quadro più completo delle costruzioni verbali seriali, ci sembra opportuno introdurre altri due concetti che sono spesso associati alle costruzioni verbali-seriali nella linguistica: si tratta dei concetti di "costruzioni verbali quasi-seriali" e "pseudocoordinazione". Questi due concetti, in qualche modo, derivano dalla definizione delle costruzioni verbali-seriali, ma modificano leggermente i criteri stabiliti dalla definizione di Aikhenvald. Le "costruzioni verbali quasi-seriali", studiate dal linguista americano Yates in accordo con il linguista Pullum, consistono di due verbi monoclausali, di cui il primo (V1) significa "venire" o "andare" (e per alcuni parlanti, "correre" o "affrettarsi") [3]. Entrambi i verbi, V1 e il semantico illimitato V2, devono essere nel modo imperativo o nella forma uguale alla sua radice, ossia nell'inglese si tratta di verbi nella forma invariabile (base) utilizzati nell'infinito, nel congiuntivo, e nelle costruzioni con verbi ausiliari o modalità, nonché tutte le forme del presente tranne la terza persona singolare.

La pseudocoordinazione, a sua volta, è un predicato composto da due verbi, con un verbo leggero e un verbo principale congiunti da una particella che deriva o è grammaticalizzata dalla congiunzione coordinativa "e" [4,c.228].

Inoltre, è necessario aggiungere le perifrasi verbali tra le strutture verbali che stiamo considerando. Possiamo parlare di perifrasi verbali quando troviamo due verbi in una sequenza diretta (ad esempio, in italiano stare + gerundio: sto leggendo) o due verbi connessi da una preposizione (ad esempio, in italiano continuare + a + infinito: continuo a leggere) [Renzi, Salvi & Cardinaletti, 2001].

L'obiettivo della nostra ricerca, che descriviamo in questo articolo, è descrivere i risultati della nostra ipotesi di lavoro. Siamo convinti che diverse costruzioni verbali contenenti il verbo italiano "andare" e "venire" possano essere suddivise in questi tipi di costrutti sopra menzionati, al fine di comprendere meglio la diffusione e l'utilizzo delle suddette strutture verbali nel panorama linguistico italiano.

2. Metodi e materiali

Per condurre efficacemente la nostra ricerca, abbiamo principalmente utilizzato il metodo dell'analisi distributiva e il metodo dell'analisi distributiva-statistica.

I seguenti metodi sono stati utilizzati per analizzare i diversi contesti di utilizzo delle costruzioni verbali con il verbo andare. I dati empirici sono stati raccolti da diversi corpora della lingua italiana. I corpora da cui sono stati estratti i dati empirici includono:

- PAISA (<https://www.corpusitaliano.it>), un corpus di testi che consiste in una collezione di circa 380.000 documenti italiani presi dalla rete Internet.
- CORIS (https://corpora.ficlit.unibo.it/coris_ita.html), un corpus della lingua italiana scritta che contiene 130 milioni di parole da testi letterari, prosa accademica, prosa legale e pubblicazioni.
- TLIO (<http://tlio.ovi.cnr.it/TLIO/>), un corpus di testi molto ricco che comprende oltre 2000 testi, il cui lavoro di lemmatizzazione è ancora in corso.
- BIBLIOTECA ITALIANA (<http://www.bibliotecaitaliana.it/catalogo>), una biblioteca digitale di testi rappresentativi della tradizione culturale e letteraria italiana dal Medioevo al XX secolo, con oltre 3500 titoli nel catalogo.

I materiali selezionati rappresentano una scelta ponderata delle strutture che differiscono sia a livello diacronico (ad esempio, esempi appartenenti alla moderna lingua italiana non standard, oltre a esempi appartenenti alla lingua italiana di epoche e contesti storici diversi) sia a livello sincronico (gli esempi rappresentano varietà linguistiche come italiano parlato, ossia lingua parlata, italiano scritto, ossia lingua scritta e italiano trasmesso, ossia discorso dei media italiani come una combinazione di lingua orale e scritta).

3.1 Risultati della ricerca sul verbo “andare”

La nostra ricerca ha dimostrato che nella lingua italiana esistono principalmente quattro costruzioni verbali in cui appare il verbo andare.

La prima struttura, la più comune, si presenta come segue: [verbo_1] (andare) + congiunzione coordinativa (e) + [verbo_2]

Analizzando gli esempi proposti, possiamo affermare con certezza che questa costruzione è un caso particolare di coordinazione, poiché il verbo andare e il [verbo_2] hanno lo stesso soggetto, vengono coniugati nello stesso tempo. Tuttavia, il verbo andare in tutte le costruzioni non può essere definito come un "verbo leggero" poiché in tutti gli esempi conserva il suo significato denotativo.

La seconda struttura che abbiamo trovato nei corpora è la seguente: [verbo_1] (andare) + preposizione (a) + [verbo_2] all'infinito

La costruzione andare + a + [verbo_2] fa parte di ciò che si chiama perifrasi imminenti, che esprimono un'azione che non è ancora avvenuta, ma che si prevede accadrà a breve. Questa costruzione viene utilizzata per indicare un futuro prossimo nell'azione descritta dal [verbo_2].

La terza struttura verbale che si presenta frequentemente è la seguente: [verbo_1] (andare) + [verbo_2] nella forma del participio passato

Osservando gli esempi forniti, si può dire che questa costruzione svolge la funzione della forma passiva con l'aggiunta semantica dei significati di "necessità" e "dovere". Nella lingua italiana, questa funzione può essere svolta dalla forma passiva del verbo modale dovere, seguito dal [verbo_2] nella forma del participio passato.

La quarta e ultima struttura, scoperta durante la nostra ricerca, è la seguente: [verbo_1] (andare) + [verbo_2] nella forma di gerundio.

Dagli esempi forniti, si può vedere che la funzione di questa costruzione consiste nell'indicazione della continuità o del progresso dell'azione. In questa struttura, il verbo andare può essere considerato un "verbo leggero", considerando che, come possiamo vedere dagli esempi presentati, perde il suo significato originale di "movimento" e acquista un nuovo significato.

In conclusione, si può dire che le costruzioni con il verbo "andare" nella lingua italiana, in quanto si grammatizzano e si serializzano, hanno generato costruzioni che possiamo identificare solo come perifrasi e casi specifici di coordinazione.

3.2 Risultati della ricerca sul verbo "venire"

La nostra ricerca ha mostrato che nella lingua italiana ci sono principalmente tre strutture verbali in cui compare il verbo "venire":

venire + participio passato

venire + a + infinito

venire + di + infinito

La prima struttura che abbiamo identificato nel nostro corpus analizzato è la seguente: [verbo_1] (venire) + preposizione (a) + [verbo_2] all'infinito

Analizzando gli esempi forniti, dobbiamo dire che in realtà si tratta di una costruzione che nasconde più funzioni dietro una sola forma. Possiamo dividerla in due sottocategorie: la prima rappresenta una forma atipica di costruzione paratattica, mentre la seconda rappresenta una forma di perifrasi verbale che esprime il concetto di "risultato".

Il secondo esempio, scoperto durante la nostra attività di ricerca, ha la seguente struttura: [verbo_1] (venire) + preposizione (da) + [verbo_2] all'infinito. Guardando gli esempi, si può dire che essi sono delle perifrasi verbali: il verbo "venire" negli esempi citati perde il suo significato lessicale e conferisce all'azione espressa dal verbo con valore un'annotazione di "inizio dell'azione".

L'ultima costruzione che abbiamo scoperto durante la nostra ricerca è la seguente: [verbo_1] (venire) + [verbo_2] alla forma di participio passato.

Dai nostri esempi, si comprende che si tratta di una delle forme perifrastiche della forma passiva italiana. Tuttavia, è importante notare che questa non è l'unica costruzione perifrastica utilizzata per formare la voce passiva nella lingua italiana. In uguale misura, viene utilizzata una forma in cui al posto del verbo "venire" si utilizza il verbo "essere".

Quindi, tracciando delle conclusioni sui risultati della nostra ricerca, vediamo la seguente situazione. Nella lingua italiana sono state individuate tre costruzioni in cui viene utilizzato il verbo "venire". La prima, [verbo_1] (venire) + preposizione

(a) + [verbo_2] all'infinito, si può ulteriormente suddividere in due sottocategorie: la prima rappresenta una forma atipica di costruzione paratattica, mentre la seconda rappresenta una forma di perifrasi verbale che esprime il concetto di "risultato". La seconda [verbo_1] (venire) + preposizione (da) + [verbo_2] all'infinito, è una perifrasi verbale con il significato di inizio spontaneo e improvviso dell'azione. La terza, [verbo_1] (venire) + [verbo_2] alla forma di participio passato, è una perifrasi verbale utilizzata per costruire la voce passiva nella lingua italiana. In conclusione, si può dire che le costruzioni con il verbo "venire" nella lingua italiana, durante il loro processo di grammaticalizzazione e serializzazione, hanno generato costruzioni che possiamo identificare come perifrasi e casi specifici di paratassi.

4. Conclusioni

Le conclusioni di questo articolo scientifico evidenziano i seguenti punti cruciali:

In primo luogo, abbiamo svolto una classificazione delle strutture con i verbi "andare" e "venire" nella lingua oggetto di studio. Questa classificazione ha consentito di individuare e categorizzare le varie costruzioni esistenti, fornendo un quadro più chiaro di come questi verbi vengano utilizzati in contesti multi verbali.

Tuttavia, è importante sottolineare che il lavoro svolto rappresenta solo una piccola parte del quadro generale. Ciò implica che esistono molte altre strutture multi verbali che richiedono ulteriori analisi e investigazioni.

Pertanto, è necessario un impegno continuo nella ricerca e nello studio di tali costruzioni per delineare con maggior precisione i confini tra le diverse strutture. Questo richiede una maggiore profondità di indagine, l'uso di metodi più sofisticati e lo studio di un ampio corpus di dati.

Solo attraverso un approccio più completo e un'analisi approfondita sarà possibile delineare dei margini più concreti tra le varie strutture multi verbali. Questa ricerca ulteriore contribuirà alla comprensione e alla descrizione più accurata di tali fenomeni linguistici complessi.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Aikhenvald A. Y. & Dixon R.M.V. Serial Verb Constructions. A Cross-Linguistic Typology. New York: Oxford University Press, 2006. 834-840.
2. Haspelmath M. The Serial Verb Construction: Comparative Concept and Cross-linguistic Generalizations, in *Language and Linguistics* vol. 17(3), 2016. P. 291–319.
3. Pullum G. K. Constraints on Intransitive Quasi-Serial Verb Constructions in Modern Colloquial English, in *When Verbs Collide: Papers from the 1990 Ohio State Mini-Conference on Serial Verbs* (Ohio State University Working Papers in Linguistics 39), ed. by Brian D. Joseph and Arnold M. Zwicky. Columbus, OH: Ohio State University Department of Linguistics, 1990. P. 218–239.
4. Renzi L., Salvi C. & Cardinaletti A. Grande grammatica italiana di consultazione. Bologna: Il Mulino, 2001. 127-520.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА КАК ОСНОВА СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА TOUCH)

В рамках когнитивной лингвистики для изучения актуальных вопросов семантики учеными предложен ряд подходов, среди которых отдельную нишу занимает метод концептуального анализа, разработанный Е.Г. Беляевской. Одним из ключевых понятий упомянутого метода является определение концептуальной внутренней формы как когнитивной основы лексико-семантического варьирования слова. В данной статье на примере многозначного глагола *touch* демонстрируется эффективность вышеупомянутой методики при изучении семантической структуры многозначных слова.

Ключевые слова: когнитивный подход; концептуальная внутренняя форма; лексико-семантическое варьирование; полисемия; глагол тактильного восприятия.

There have been various approaches offered by prominent researchers in cognitive linguistics, the method of conceptual analysis, developed by E. Belyaevskaya proved to have acquired a special niche. The idea of conceptual inner form as cognitive basis for lexico-semantic variation of the word is the key one in the approach mentioned. In the article under study on the example of a verb 'touch' the author demonstrates the algorithm of finding the conceptual inner form and the efficiency of the approach while studying the semantics of polysemantic words.

Key words: cognitive approach; conceptual inner form; lexico-semantic variation; polysemy; verb of perception.

Глаголы тактильного восприятия в английском языке образуют довольно обширную группу, отдельные представители которой являлись объектом исследования ряда ученых. В своих работах исследователи ставили задачу проанализировать глаголы данной семантической группы с целью выявления особенностей их употребления. Так, например, О. В. Федотова и С. Н. Степаненко сконцентрировались в своем исследовании на «выявлении и описании компонентных элементов структуры знания, лежащей в основе семантики глаголов прикосновения, а именно фрейма *touching*» [1, с.207]. В свою очередь, Е. П. Вишнякова проводила реконструирование семантического поля *touch* на основе лексики произведения Г. Уэллса «Страна слепых» [2]. В настоящей статье, руководствуясь методикой, предложенной Е. Г. Беляевской, не только рассмотрены лексико-семантические варианты употребления глагола *touch*, но и выделена концептуальная внутренняя форма исследуемого глагола, предложены наглядные схемы, отображающие данную форму. Актуальность данного исследования заключается в том, что выделение концептуальной внутренней формы подводит все варианты употребления слова под общий знаменатель, позволяя, таким образом, увидеть когнитивную модель, т.е. «ментальный образ объекта действительности, обозначаемый данным словом» [3, с.41]. Е. Г. Беляевская уточняет, что когнитивная модель «структурирует лексическое значение, по сути, выполняя роль внутренней формы, общей для всех значений полисеманта» [4, с.54].

Для того, чтобы выделить концептуальную внутреннюю форму глагола *touch*, а также развитие его значений, мы обратились к словарю Online etymology dictionary [5]. Согласно полученным данным, первое упоминание глагола *touch* относится к концу XIII века в значении «*make deliberate physical contact with*» ‘целенаправленно произвести контакт с чем-либо’. Глагол является заимствованием из старофранцузского *tochier* «*to touch, hit, knock; mention, deal with*» ‘трогать, ударять, стучать; упоминать, иметь дело с чем-либо’, а также имеет родственные формы в латинском **toccare* «*to knock, strike" as a bell*» ‘стучать, ударять (в колокол)’, испанском *tocar*, итальянском *toccare*, причем в словарной статье дается следующее пояснение: «*perhaps of imitative origin*» ‘возможно, происхождение связано с имитацией’.

Далее согласно данным словарной статьи глагол *touch* известен с XIV века в значении «*bring into physical contact*» и «*pertain to*», соответственно ‘создать физический контакт’ ‘касаться чего-то, относиться к чему-то’. Другие значения, датируемые XIV веком, включают в себя «*perceive by physical contact, examine by sense of touch*» ‘воспринимать через физический контакт’; «*be or come into physical contact with; come to rest on; border on, be contiguous with*» ‘находиться в или иметь физический контакт с чем-либо’, ‘пребыть в состоянии покоя’, ‘граничить с чем-то’; «*use the sense of touch*» ‘использовать чувство осязания’ и «*mention, describe*» ‘упоминать, описывать’. С начала XIV века глагол *touch* употребляется в значении «*affect or move mentally or emotionally*» ‘влиять на разум или эмоции’ в сочетании «*touch the heart or mind*» ‘трогать сердце или ум’. В это же время глагол упоминается в значении «*have sexual contact with*» ‘иметь контакт сексуального характера с кем-либо’. Значение «*to get or borrow money*» ‘занять или одолжить деньги’ впервые зафиксировано в 1760.

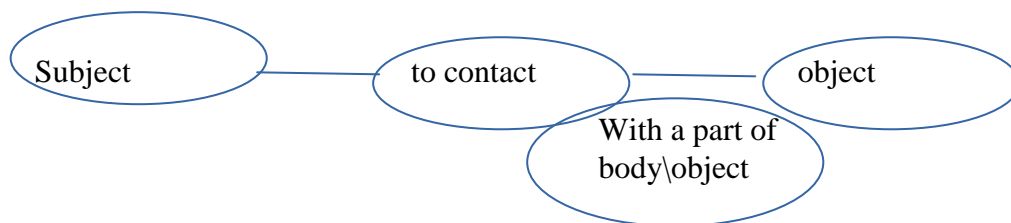
Основываясь на приведенных данных, мы можем сделать следующие выводы: 1) первичное значение глагола *touch* связано с понятием «контакт» с чем-либо, прикосновением к чему-либо. Заслуживает внимание тот факт, что, по данным этимологического словаря, исходный французский глагол *toucher*, равно как и родственные формы в других языках, ставят в один ряд с понятием контактирования и соприкосновения понятие удара, силового воздействия на некий объект. Таким образом, изначальное понятие прикосновения приобретает черту усилия, направленного на отталкивание объекта действия; 2) переносные значения глагола *touch* включают в себя: упомянуть (мельком) (т. е. фактически слегка «коснуться» темы), повлиять на кого-либо в эмоциональном плане (т. е. войти в контакт для оказания давления на кого-либо), а также значение «одолжить деньги», причем также оказывая давление на человека.

Для получения наиболее полной картины о значениях глагола *touch* в настоящее время, мы обратились к словарным статьям современных толковых словарей: Merriam-Webster online dictionary [9], Collins online dictionary [10], Macmillan English dictionary [6], Longman dictionary of contemporary English [7], Longman dictionary of English language and culture [8].

Анализ дефиниций показывает, что в них присутствует указание на тесный контакт, причем контактировать могут как одушевленные, так и неодушевленные существа. Мы также видим, что действие, направленное на контакт может исходить от одного субъекта *Beth reached out and touched his cheek* [6, с. 1520] ‘Бет потянулась рукой и коснулась его щеки’, так и являться результатом взаимодействия двух субъектов *I sat facing him our knees touching* [7, с. 1528] ‘Я сидел напротив него, и наши колени соприкасались’. В качестве примера глаголов, используемых для трактовки данного значения в словаре, мы можем привести следующие: «*to bring a bodily part into contact; to be in contact*» [9] ‘контактировать частью тела, быть в контакте’; «*to cause or permit a part of the body to come into contact with*» [10] ‘позволять касаться кого-либо частью тела или намеренно касаться кого-либо’; «*to put your hand or part of your body on someone or something*» [6] ‘класть руку или другую часть тела на кого-то или что-то’; «*to put your hand, finger etc on someone or something*» [7] ‘класть руку, палец и т.д. на кого-то или что-то’; «*to be in contact (with)*» [8] ‘быть в контакте’. Частные случаи употребления глагола *touch*, когда уточняется, что контакт был произведен посредством прикосновения части тела (рука, палец), мы также относим это к первичному значению «контакта». Как было указано выше, факт состоявшегося контакта может иметь место как с применением силы, так и без ее применения. Если во втором случае результатом контактирования является прикосновение, то в первом это направленное силовое воздействие, зачастую причиняющее объекту воздействия дискомфорт. Говоря о продолжительности действия контактирования, можно отметить его краткость. Для толкования следующего примера – *the speedometer needle touched 80* – ‘стрелка спидометра добралась до 80’ – составителями словаря используется глагол *reach*, который содержит в себе не только элемент значения «достижения точки, контактирования с ней», но и пресуппозицию движения к ней – ведь прежде, чем достигнуть отметки в 80, стрелка спидометра должна была переместиться из одного положения в другое.

Исходя из вышеизложенного мы представляем концептуальную схему КС-1 для представления лексико-семантического варианта глагола *touch* в его прямом значении (см. Схема 1):

Схема 1.

В переносных значениях глагола *touch* также прослеживается наличие контакта — например, в значении ‘упоминуть что-либо, вскользь коснуться какой-то темы’, в словарях представлены фразы: *to speak or tell of especially in passing* [9]; *to allude (to) briefly or in passing* [10]. Данное значение выделено не всеми рассматриваемыми нами словарями.

Значения «сравнения» чего-то с чем-то также предполагает хотя бы визуальный контакт для оценки двух объектов или результатов их действий относительно какого-то стандарта или лучшего из них. Иллюстрацией могут служить следующие примеры выдержек из словарных статей: «*to rival in quality or value*» [9]; «*to compare to in quality or attainment*»; «*equal or match*» [10]; «*to be as good as someone or something else*» [6]; «*to compare with; to compare to*» [8].

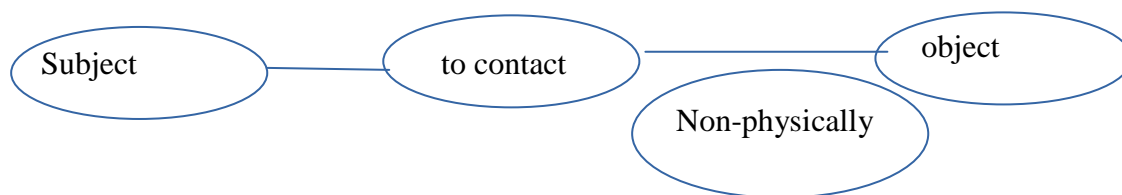
Значение «иметь отношение к чему-то, заниматься чем-то», обычно выражающееся с помощью глагола *deal with* несет в себе значение «контактирования» с каким-то делом, ситуацией, человеком, причем обычно носит негативный оттенок, в словарях стоит пометка (*negative*). В словарных статьях это объясняется с помощью следующих фраз: «*to deal with: become involved with*», причем, хотя пометы о негативном употреблении нет, это отражено в самом примере: *a sticky situation and I wouldn't touch it with a 10-foot pole* [9] 'Подозрительное дело, я в него ни за что не ввяжусь'. Похожий пример мы видим и в словаре Macmillan English Dictionary: «*to deal with a particular subject, situation etc*» – *I wouldn't touch such a difficult piece of work* [9] 'Я не возьмусь за такую сложную работу'. Longman dictionary of contemporary English дает следующую трактовку: «*to become involved with or deal with a particular problem, situation, or person*» [7] 'быть втянутым во что-либо или иметь дело с конкретной проблемой, ситуацией или человеком'. В данном фрагменте толкования значения глагола *touch* совершенно явно прослеживается негативная коннотация.

Внимания заслуживает и переносное значение *touch*, связанное с воздействием на кого-либо или что-либо. При воздействии на кого-либо происходит влияние на эмоциональную сферу человека, при воздействии на что-либо мы часто видим результат этого воздействия. Результатом воздействия (на кого-либо), исходя из рассмотренных примеров, чаще всего является проявление сочувствия со стороны субъекта воздействия или же — и это зачастую выделено отдельным случаем употребления в словаре — удавшаяся или не удавшаяся попытка одолжить деньги. Словари так иллюстрируют данное значение: *to move to sympathetic feeling b :to hurt the feelings of: wound; to induce to give or lend* [9] 'вызывать сочувствие; задевать чьи-то чувства; ранить; побудить отдать или одолжить'; *to produce an emotional response in; to ask for a loan or gift of money from* [10] 'вызывать эмоциональный отклик; просить о займе или безвозмездной даче денег'; *to effect your emotions, especially so that you feel sad or sympathetic* [6] 'влиять на эмоции, особенно так что объект воздействия испытывает чувство печали или сочувствия'; *to affect someone's emotions, especially by making them feel sympathy or sadness* [7] 'влиять на чувства или вызывать чувство сострадания или грусти'; *to have an effect on the feelings of: cause to feel pity, sympathy, etc.* [8] 'иметь влияние чувства или вызывать чувство сострадания или грусти'. Отражение воздействия на что-либо представлено в словарях следующим образом: *to leave a mark or impression on — few reagents will touch gold* [9] 'немногие вещества вступят в реакцию с золотом'; *to change something in a way that is noticeable* 'изменить что-то так, чтобы это проявилось внешне';

if an expression, especially a smile, touches your lips or eyes, you have it for a short time [6] ‘если на ваших губах или в ваших глазах блеснула улыбка, это значит, что такое изменение выражения лица было кратковременным’; *if light touches something, it shines on it* [7] ‘если чего-то касается свет, предмет становится ярче’; *to mark with light strokes: put in with a pencil or brush* [8] ‘выделять карандашом или кистью’.

Концептуальная схема КС-2 для представления лексико-семантического варианта глагола *touch* в его переносном значении не имеет в себе элемента физического соприкосновения, но при этом контакт идет на нефизическом уровне: связь с объектом контакта достигается либо визуально, либо с помощью вовлеченности во что-либо, либо на уровне воздействия на разум и эмоции.

Схема 2.

Анализ этимологического словаря и словарных статей современных толковых словарей позволил оценить лексико-семантическую структуру глагола *touch*. Удалось выделить ряд лексико-семантических вариантов, некоторые из которых представлены не во всех словарях, а также изучить словарный состав статей, в которых дается трактовка изучаемому глаголу.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Федотова О. В., Степаненко С. М. Интерпретация ситуации прикосновения (на материале английских глаголов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, №6. С.206-210.
2. Вишнякова Е. П. Реконструкция семантического поля *touch* как основы языковой структуры картины мира слепых в новелле Г. Уэллса «Страна слепых» // Научное и образовательное пространство: перспективы развития. Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. Редколлегия: О. Н. Широков [и др.]. 2019. С.164-170.
3. Волосухина Н. В. К вопросу о трактовке понятий «концепт» и «фрейм» в современной лингвистике // Университетские чтения – 2010: материалы научно-методических чтений ПГЛУ [отв. ред. З. А. Заврумов]. 2010. С. 41-46.
4. Беляевская Е. Г. Концептуальная внутренняя форма в семантике заимствований // Германистика 2019: *pove et nova*: материалы второй международной научно-практической конференции. 2019. С. 53-56.
5. Online etymology dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=touch> (дата обращения: 19.10.2023)
6. Macmillan English dictionary for advanced learners. London: Macmillan Publishers, 2002. 1744 p.
7. Longman dictionary of contemporary English. London: Pearson Education, 2014. 2224 p.
8. Longman dictionary of English language and culture. 3d edition. London: Pearson ESL, 2000. 1592 p.
9. Merriam-Webster online dictionary. [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/touch> (Дата обращения: 19.10.2023)
10. Collins online dictionary. [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/search/?dictCode=english&q=touch> (Дата обращения: 19.10.2023)

РОЛЬ ПРОСОДИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ТОНАЛЬНОГО КОНТУРА ФРАНЦУЗСКОГО УСТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО СТАТУСА ПОДЛЕЖАЩЕГО

В статье рассматривается проблема взаимодействия синтаксиса и просодии в устных высказываниях с подлежащим в коммуникативном статусе темы и ядра ремы при сохранении прототипической синтаксической структуры высказывания «подлежащее + сказуемое». Дифференциация коммуникативного статуса подлежащего и, соответственно, типа коммуникативной структуры, возможна на основании просодических признаков тона на подлежащем, а также просодического воплощения участка сказуемого.

Ключевые слова: коммуникативная структура; подлежащее; просодическая структура; тема-рематическая инверсия; тон; тональный контур; ядро ремы.

The article examines the problem of the interaction of syntax and prosody in oral utterances with the subject having the communicative status of the theme and the nucleus of the rheme while maintaining the prototypical syntactic structure of the utterance «subject + predicate». The differentiation of the communicative status of the subject and, accordingly, of the communicative structure type is possible on the basis of prosodic characteristics of the subject, as well as the prosodic embodiment of the predicate part.

Key words: communicative structure; subject; prosodic structure; theme-rheme; inversion tone; tonal contour; rheme nucleus.

Устная речь является объектом многих современных исследований, в том числе на материале французского языка (М.-А. Morel, L. Danon-Boileau, P. Mertens, M. Avanzi, P. Martin. M. Rossi и др.), на предмет взаимодействия синтаксической и просодической структур, выражения компонентного состава коммуникативной структуры (КС) устного высказывания и передачи дополнительных модальных и логико-семантических значений, накладываемых на основное содержание.

Одной из проблем, находящихся в фокусе интересов лингвистов, является исследование случаев нарушения соответствия прототипической линейно-акцентной и коммуникативной структур, в частности рематизации неконечных элементов высказывания (I. Fougeron, A. Lacheret-Dujour, Е. В. Падучева, Т. Е. Янко). Во французском языке, ввиду фиксированного порядка слов, средством рематизации подлежащего выступает лексико-синтаксическая структура *c'est ... qui*:

C'est le Front national qui a l'électorat populaire. 'Это у Национального фронта народный электорат.'

Однако в устной спонтанной речи такая структура употребляется не всегда (ввиду необходимости в сжатый временной отрезок сформулировать мысль и донести ее до слушающего). В высказываниях, в которых сохраняется прототипическая последовательность «подлежащее → сказуемое», но происходит тема-рематическая инверсия, КС становится маркированной в том смысле, что в ней создаются имплицитные смыслы контрасты или альтернативы. Открытым остается вопрос о репертуаре просодических

средств, которыми говорящий об этом сигнализирует. Так, К. Порт [1] предлагает классификацию из 3 мелодических подкатегорий, характерных для маркированных высказываний. Однако в выделенных подкатегориях не принимаются во внимание такие признаки ядерного тона как уровень начала и завершения падения тона, интервал, а также скорость падения тона. А. Ди Кристо [2] также предлагает 3 модели маркирующих тонов. При этом в каждой из моделей в основу положены различные признаки тона (направление движения тона, регистр, скорость падения).

Задача настоящего исследования заключается в выявлении признаков тона, которые дифференцируют подлежащее-тему и подлежащее-рему, а также в определении роли просодических характеристик участка высказывания, который следует за подлежащим.

Материалом для исследования послужили спонтанные утвердительные высказывания с прототипической синтаксической структурой «подлежащее → сказуемое», отсегментированные из французских телевизионных и радиодискуссий. Все высказывания подверглись семантико-прагматическому и аудитивному анализу.

Прототипическая тематическая позиция в структуре высказывания (в позиции к сказуемому) оказывается важным фактором, определяющим коммуникативный статус подлежащего: в среднем в 63 % случаев подлежащее (группа подлежащего) формирует тематический компонент КС. Подлежащее может выступать не только в качестве темы, но и в качестве ядра ремы при тема-рематической инверсии (3 %) (рисунок 1).

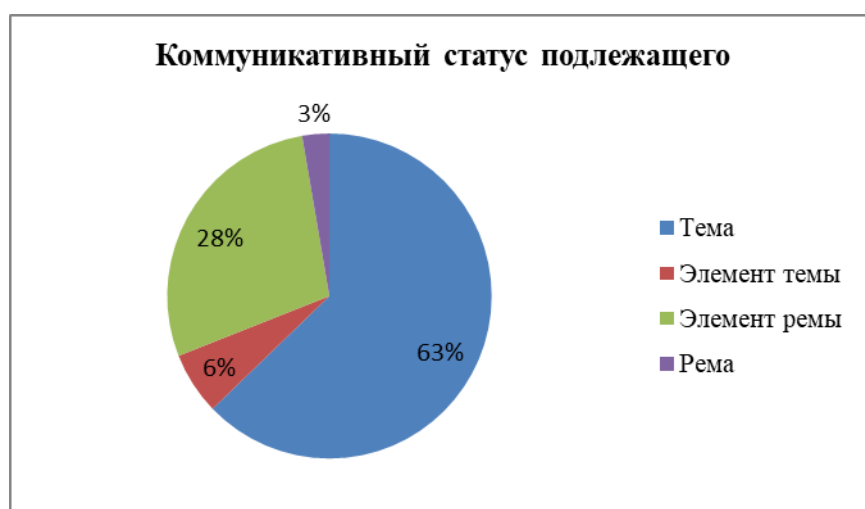

Рисунок 1

Частотное распределение коммуникативных статусов подлежащего, выраженного местоимением, именем и именной группой

Далее будут рассмотрены и сопоставлены просодические характеристики подлежащего, выраженного тремя вышеперечисленными способами, в двух коммуникативных статусах – темы и рематического ядра.

Французское личное местоимение атонично. В статусе темы оно остается безударным и образует общую со сказуемым акцентную единицу, отличающуюся, как правило, восходящим движением мелодии. Для всех проанализированных высказываний характерно наличие аудитивно релевантного положительного тонального перепада между гласным местоимения и гласным первого ударного слога высказывания, который приходится на сказуемое. Мелодический пик в высказывании локализован на ударном слоге сказуемого (глагола сказуемого).

Je (T) ^{parle} *d'inté'rêt géne'ral hu_vmain.* (R) 'Я говорю об общечеловеческом интересе'.

Локализация ядра ремы на местоименном подлежащем *a priori* приводит к маркированию коммуникативной структуры высказывания, так как в таком случае реализуется значение исключения из ряда альтернатив или, напротив, включения в ряд альтернатив. Как отмечает Х. Нольке, в таких высказываниях, как правило, имплицитуются «лексические фокализаторы» (в терминологии исследователя) [3, p. 72] *même* 'даже' или *aussi* 'тоже'.

Наличие тона на подлежащем-местоимении является сигналом о том, что оно выступает в статусе рематического ядра. В проанализированных высказываниях с тема-рематической инверсией на местоимении (ядре ремы) наблюдается резко-восходящий тон главным образом в средневысоком регистре. Тональный пик в высказывании приходится на местоимение.

Donc ↑*vous* (R) *allez expliquer !* (T) *Vous, Florian Philippot !* 'И именно Вы будете объяснять! Вы, Флориан Филиппо'!

Наиболее частотным оба рассматриваемых статуса – темы и рематического ядра – оказываются для *подлежащего, выраженного именем* (68,8% и 5% соответственно). Высказывания с подлежащим-именем представляют наибольший исследовательский интерес, так как по своей просодической природе оно акцентогенно, в отличие от атонического местоимения, при этом как в статусе темы, так и в статусе ядра ремы ядерный слог такого подлежащего может быть реализован посредством тона восходящего типа.

В статусе темы тон на именном подлежащем всегда реализуется восходящим движением. Резкий подъем в средневысоком регистре выявлен в 18,5 % тематических тонов. Такая просодическая реализация подлежащего, как указывает М. Росси, «заимствована из нейтрального вопроса» [4, p. 70] и «топикализует» его в том смысле, что оно приобретает статус элемента высказывания, у которого есть эксплицитный или имплицитный референт.

La po↑lice (T) *est une institu'tion de la`Répu_vblique.* (R) 'Полиция (зд. Что касается полиции...) – это институт Республики.'

При рематизации подлежащего-имени тоны произносятся главным образом с нисходящим (70 %) или восходяще-нисходящим (5 %) движением мелодии широкого интервала, что дифференцирует в большинстве случаев коммуникативный статус подлежащего. Однако в 25 % реализаций рематический тон характеризуется резким подъемом. Данное наблюдение ставит вопрос о признаках резко-восходящего тона, участвующих в разграничении коммуникативного статуса именного подлежащего. Аудитивный анализ указывает на отсутствие значимости регистровых характеристик для дифференциации статуса подлежащего: для КС обоих типов характерным

оказывается средневысокий регистр. Данный факт со всей очевидностью указывает на необходимость исследования роли просодического воплощения участка сказуемого при восприятии коммуникативного статуса подлежащего. Поскольку при тема-рематической инверсии изменяется прототипический коммуникативный статус не только подлежащего, но и сказуемого, данный факт должен найти отражение в просодической реализации высказывания. Когда сказуемое рематично, прежде всего его главноударный – ядерный – слог несет рематический тон. Кроме того, на ударных слогах сказуемого (при наличии нескольких акцентных единиц) наблюдаются мелодические модуляции, основными разновидностями предцентра рематического тона являются: восходяще-нисходящая, контрастная, скользящая. При тематизации сказуемого его мелодическая линия имеет тенденцию к выравниванию вне зависимости от количества в нем акцентогенных единиц: большинство реализаций части сказуемого характеризуются нисходящим движением мелодии, а также ровным или восходящим движением.

Mais la ↑vie (R) est injuste. (T) ‘Но сама жизнь несправедлива.’

Дифференциация коммуникативного статуса *подлежащего, выраженного именной группой* (ИГ), представляется возможной на основании направления движения тона. В высказываниях, в которых ИГ имеет статус темы, происходит перцептивно релевантный равномерный или резкий подъем на конечном слоге (ядре темы). При локализации ядра ремы на конечном слоге участка подлежащего, представленного ИГ, наблюдается нисходящий тон.

Ср.: *Le chef de l'État (T) s'est dit à titre perso'nnel ~oppo'sé | au suicide assis_{te}. (R) ‘Глава государства лично высказался против эвтаназии.’*

Les conditions de travail sont extrêmement difficiles. Les conditions de ~responsabilité médi_{cale} (R) sont extrêmement difficiles. (T) ‘Условия труда крайне тяжелы. И условия медицинской ответственности крайне тяжелы.’

Проведенный анализ спонтанных устных высказываний позволяет сделать вывод о том, что просодия участвует в выражении коммуникативного статуса подлежащего – тема или ядро ремы, при этом просодические средства находятся в зависимости от природы подлежащего. Для атонического местоименного подлежащего роль просодии состоит в отсутствии/наличии тона восходящего типа, для именного подлежащего – в направлении и характере движения тона, а также мелодического рисунка на участке сказуемого, для ИГ – в отсутствии/наличии нисходящего рематического тона на конечной лексеме подлежащего.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Portes, C. Prosodie et économie du discours: spécificité phonétique, écologie discursive et portée pragmatique de l'intonation d'implication : diss. dr. / C. Portes. – Marseille, 2004. 284 p.
2. Di Cristo, A. Les musiques du français parlé : essais sur l'accentuation, la métrique, le rythme, le phrasé prosodique et l'intonation du fr. contemporain / A. Di Cristo. – Berlin : De Gruyter, 2016. VIII, 507 p.
3. Nølke, H. La focalisation: une approche énonciative / H. Nølke // La focalisation dans les langues / trav. réunis: H. Włodarczyk, A. Włodarczyk. – Paris [etc.], 2006. P. 59–80.
4. Rossi, M. L'intonation: le système du français: description et modélisation / M. Rossi. Gap ; Paris : Ophrys, 1999. 237 p.

ПОЛЯРНОСТЬ ОЦЕНКИ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале английского и русского языков)

В статье рассматриваются языковые средства выражения положительной и отрицательной оценки в англоязычном и русскоязычном дипломатическом дискурсе. Анализируется количественное соотношение положительных и отрицательных оценочных единиц в дипломатическом тексте. Описываются особенности функционирования единиц с положительным и отрицательным значением в дипломатическом дискурсе.

Ключевые слова: оценка; оценочность; полярность оценки; дипломатический текст; дипломатический дискурс.

The article examines the linguistic means of expressing positive and negative evaluation in English and Russian diplomatic discourse. It analyses the quantitative ratio of positive and negative evaluative units in the diplomatic text. It describes the features of the functioning of units with positive and negative meanings in diplomatic discourse.

Key words: evaluation; evaluativeness; evaluation polarity; diplomatic text; diplomatic discourse.

Оценка – это ценностное отношение субъекта к объекту оценки, а оценочность – это выражение такого отношения в семантике слова; оценочность понимается как категориально-семантическая закономерность [1, с. 52–61]. В основе значения оценочных единиц лежит полярность, то есть наличие признаков ‘хорошо’ и ‘плохо’. Выбор между данными признаками, сравнение и градуирование при оценивании объекта предполагают движение между зонами положительного и отрицательного, расположенными на шкале оценки – элементе структуры оценки, выраженном имплицитно. Помимо данных полярных зон на шкале оценки расположена нейтральная зона, представляющая баланс признаков ‘много’ / ‘мало’, ‘хорошо’ / ‘плохо’, но не всегда сигнализирующая о нейтральной позиции. Истинную зону нейтрального в оценочных обозначениях обычно занимают слова, указывающие на принадлежность объекта к классу, элементы которого различаются между собой по качеству, или же на соответствие норме (*обыкновенный, обычный, типовой, нормальный*) [2, с. 51].

Зона нормы на шкале оценки не является нейтральной, она соотнесена с той частью шкалы, на которой помещается стереотипное представление о данном объекте. Норма может совпадать как со средней, так и с крайней частью шкалы. Оценочные структуры в большинстве случаев предполагают оптимистичное положение вещей, стремление к позитивному результату, что объясняет нахождение нормы в положительной зоне шкалы [2, с. 115]; [3, с. 235]. Норма не отождествляется с эталоном и стандартом: норма – понятие универсальное и относительно абстрактное, в сфере нормы происходит деление на объективно существующее (рациональная оценка) и на характеризующее (эмотивная оценка); эталон связан с фактом культуры, относится к более конкретному объекту и не обязательно подразумевает оценку, он формируется стихийно; стандарт характеризуется высокой степенью договоренности и не содержит оценку [1, с. 59–60].

Оценочный знак отдельно взятой лексической единицы можно определить с опорой на ее семантику и на словообразовательные элементы, однако только лишь дефиниционный анализ не всегда позволяет правильно

установить положение признака на оценочной шкале. Знак оценки выявляется с учетом контекстуального окружения единицы, причем такое окружение позволяет определить не только знак отдельного оценочного слова, но и всего высказывания.

Материалом настоящего исследования послужили тексты выступлений официальных представителей Великобритании (40 текстов) и Республики Беларусь (54 текста) на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН с 2015 по 2019 гг. [4]. Жанр выступлений официальных лиц реализуется в рамках дипломатического дискурса, который понимается как взаимодействие в рамках статусно-ролевых отношений, которые ограничены коммуникативным пространством института дипломатии. Любой жанр рассматривается как набор конвенций, касающихся отношений между автором и адресатом, и объединяет тексты одного типа. В данном случае мы имеем дело с дипломатическим текстом как конкретной реализацией дипломатического дискурса и как конечной и завершенной последовательностью связанных между собой предложений-высказываний, который имеет соответствующие жанровые характеристики дипломатической сферы и обладает набором формальных и содержательных признаков [5, с. 30]; [6, с. 79]. В ходе анализа текстов было отобрано 1325 оценочных контекстов и 4592 оценочных единицы в англоязычном дипломатическом дискурсе и 1329 контекстов и 4796 оценочных единиц в русскоязычном дипломатическом дискурсе.

Анализ англоязычных и русскоязычных текстов дипломатического дискурса показал, что формальными маркерами положительной оценки выступают такие морфологические оценочные средства, как приставки *in-*, *без-/бес-*, *de-*, *не-*; части сложных слов *well-*, *multi-*, *counter-*, *много-*, *против-*, *высоко-*, *добро-*, *долго-*:

*The **invaluable** work carried out by the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Organization relies on its member States paying their dues* ‘Эффективность той важнейшей работы, которую ведет Организация Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, зависит от выплаты ее государствами-членами своих взносов’ [A/C.1/73/PV.13] (здесь и далее перевод официальный – ООН).

*Очевидно, что восстановление баланса – это долгий путь к **многополярному** миру* [A/70/PV.10].

Более широкой представленностью характеризуется набор индикаторов отрицательной оценки. К ним относятся приставки *dis-*, *il-*, *in-*, *ir-*, *mis-*, *non-*, *in-*, *under-*, *без-/бес-*, *de-*, *дис-*, *не-*, *раз-/рас-*; части сложных слов *least-*, *анти-*, *контр-*, *мало-*, *слабо-*:

*That is **inconsistent** with Security Council resolution 2231 (2015) and contributes to regional **instability*** ‘Данные действия идут вразрез с резолюцией 2231 (2015) Совета Безопасности и усугубляют региональную нестабильность’ [A/C.1/72/PV.15].

*Одним из примеров **неконструктивных**, на наш взгляд, действий является принятие в этом году одним из наших близких соседей закона, запрещающего импорт электроэнергии с еще не построенной белорусской атомной электростанции под предлогом ее **небезопасности*** [A/72/PV.47].

Положительный или отрицательный знак оценочной единицы может определяться с опорой на лексическое значение, то есть методом дефиниционного анализа. Так, определенность оценочного знака выражена как в общеоценочных словах (*bad* ‘плохой’, *evil* ‘злой’, *excellent* ‘отличный’, *good* ‘хороший’, *positive* ‘положительный’, *хороший*, *добрый*, *положительный*, *плохой*, *отрицательный* и других), так и в словах, в дефинициях которых обнаруживаются слова общей оценки:

It includes working with men to change harmful social norms and end violence against women and girls ‘Это также включает в себя работу с мужчинами по изменению вредных социальных норм и прекращению насилия в отношении женщин и девочек’ [A/72/PV.101] (*harmful* ‘вредный’ «causing damage or injury to sb/sth, especially to a person’s health or to the environment» ‘наносающий вред окружающей среде’ (здесь и далее англоязычные значения приводятся по Oxford Advanced Learner’s Dictionary [7]; *violence* ‘насилие’ «violent behaviour that is intended to hurt or kill sb» ‘насильственное поведение, приводящее к драку или убийству’

Успех в борьбе с любым из них зависит от общего **прогресса** в противодействии этим вызовам [A/72/ PV.101] (успех «1. Положительный результат, удачное завершение чего-л.» (здесь и далее русскоязычные значение приводятся по Малому академическому словарю) [8]; прогресс «направление развития от низшего к высшему, движение вперед, совершенствование»).

На детерминированность оценочного знака лексической единицы также указывают словарные пометы *approving*, *disapproving*, *offensive*, ‘неодобрительное, пренебрежительное’.

В тех случаях, когда лексическое значение рассматриваемой оценочной единицы не содержит явно выраженных оценочных слов, оценочный знак такой единицы определяется в ходе семантического развертывания, а именно прибавления к такой дефиниции фраз «и это хорошо» или «и это плохо». Оценочность в таких единицах обнаруживается в коннотации [9, с. 61–62]:

That proven approach to nuclear disarmament has produced tangible results, including deep reductions in the global stockpiles of nuclear weapons ‘Такой проверенный подход к ядерному разоружению уже принес ощутимые результаты, включая существенные сокращения глобальных запасов ядерного оружия’ [A/C.1/73/PV.14] *Proven* ‘проверенный’ «tested and shown to be true» ‘это хорошо’); *tangible* ‘ощутимый’ «1. that can be clearly seen to exist» (это хорошо); *deep* ‘существенный’ «10. extreme or serious» ‘это хорошо (в данном контексте)’; *reduction* ‘сокращение’ «1. an act of making sth less or smaller» (это хорошо (в данном контексте)).

Народ Сирии стал **заложником** этого **противостояния**, при этом исламское государство де-факто **разгромлено**, но конца **войне** не видно [A/C.1/73/PV.14] (заложник «лицо, насильственно задержанное в обеспечение выполнения каких-л. обязательств» (это плохо); противостояние «1. см. противостоять: 2. Сопротивляться, оказывать противодействие чему-л.» (это плохо); разгромить «громить; разрушать, разбивать, уничтожать» (это хорошо (в данном контексте)); война «1. Организованная вооруженная борьба между государствами или общественными классами» (это плохо)).

Рассмотренные примеры демонстрируют одну из особенностей оценочной лексики: хотя в ряде лексических единиц положительный или отрицательный признак детерминируется однозначно (*proven* ‘доказанный’ – всегда хорошо, а *заложник* – это всегда плохо), у многих оценочных слов знак оценки не определен [2, с. 19]. Рассмотрим примеры:

We must do more to identify, protect and support refugees and those hosting them near conflicts ‘Мы должны сделать больше, чтобы выявить, защитить и поддержать беженцев и принимающие их государства, граничащие с конфликтными районами’ [A/72/PV.8].

When countries <...> support so-called separatists in Ukraine <...>, they call into question the very rules and the international system that protect us ‘Когда страны <...> поддерживают так называемых сепаратистов в Украине, <...> они ставят под сомнение те самые правила и международную систему, которые защищают нас’ [A/72/PV.8].

Глагол *to support* ‘поддерживать’ имеет разный оценочный знак в зависимости от контекста: в первом случае речь идет о поддержке беженцев в трудное время (положительный оценочный знак), а во втором – о поддержке странами сепаратистов, что может привести к негативным последствиям (отрицательный оценочный знак). Из этого следует, что фактор контекста играет ключевую роль при определении знака оценки в дипломатическом дискурсе.

В анализируемом типе дискурса выявлены единицы, в семантике которых прослеживается синтез оценочного плюса и оценочного минуса. Дефиниция таких слов имеет явно выраженный позитивный характер, однако данного позитива не могло быть без предшествующей ему негативной составляющей. Так, в английском языке глагол *to eradicate* ‘искоренить’ имеет положительный знак, однако в дефиниции отражено и отрицательное качество *to eradicate* ‘искоренить’ «to destroy or get rid of sth completely, especially sth bad». В русском языке глагол преодолеть обладает знаком плюс, однако также фиксирует отрицательное качество в своем значении (преодолеть «2. Осилить что-л., справиться с чем-л. (с каким-л. Препятствием, затруднением и т. п.)). Другими словами, если бы не было отрицательного объекта или события, его не нужно было искоренять или преодолевать, то есть выполнять положительное действие. В англоязычных текстах подобная семантика была выявлена у таких единиц, как *asylum* ‘убежище’, *defence* ‘оборона’, *effort* ‘усилие’, *relief* ‘облегчение’, *sacrifice* ‘жертва’; *to overcome* ‘преодолеть’, *to prevent* ‘предотвратить’, *to resolve* ‘разрешить’, *to tackle* ‘решить’ и других. В русскоязычных выступлениях таким значением обладают слова: защита, наказание, осуждение, преодоление; защитить, избавиться, избежать, отстоять, охранять, покончить, сопротивляться, устранить и других. Дистрибутивный анализ показывает, что такие единицы сопровождаются словами с отрицательным оценочным знаком, однако, как единое словосочетание формируют положительное значение:

We must continue our efforts to end conflicts, tackle persecution and human rights abuses and support those affected ‘Мы должны и впредь направлять усилия на прекращение конфликтов, решение проблемы преследований и нарушений прав человека и оказание поддержки пострадавшим’ [A/71/PV.4_A].

Государства-члены открыты для **сотрудничества** <...> по **предотвращению** и **искоренению** незаконной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями во всех ее аспектах и **борьбе** с ней [А/С.1/70/PV.16].

Выраженность положительной и отрицательной оценки существительными, прилагательными, глаголами (и глагольными формами в английском языке) и наречиями в англоязычном и русскоязычном дипломатическом дискурсе с учетом контекста представлена в таблице 1 и таблице 2:

Т а б л и ц а 1.

Выраженность положительной и отрицательной оценки словами различных частей речи в англоязычном дипломатическом дискурсе.

Оценочный знак	Имя существительное	Имя прилагательное	Глагол	Наречие
положительная оценка	1043 (64,3%)	1004 (75,5%)	1082 (75,7%)	188 (88,7%)
отрицательная оценка	578 (35,7%)	325 (24,5%)	348 (24,3%)	24 (11,3%)

Т а б л и ц а 2.

Выраженность положительной и отрицательной оценки словами различных частей речи в русскоязычном дипломатическом дискурсе.

Оценочный знак	Имя существительное	Имя прилагательное	Глагол	Наречие
положительная оценка	1283 (62,6%)	1129 (78,2%)	867 (79,1%)	179 (86,9%)
отрицательная оценка	768 (37,4%)	314 (21,8%)	229 (20,9%)	27 (13,1%)

В ходе анализа представленности положительной и отрицательной оценки в различных частях речи в английском и русском языках зафиксировано преобладание положительных единиц над отрицательными как в английском языке, так и в русском. Относительное сходство прослеживается и в количественных показателях: количество положительных существительных превышает количество отрицательных практически в два раза, прилагательных и глаголов – практически в три раза, а наречий – в семь-восемь раз в обоих языках. Такая «асимметрия» в разнополюсных оценках позволяет сделать вывод о характере дипломатического дискурса: его участники, описывая существующие проблемы, конфликтные ситуации и разногласия, стремятся сфокусироваться на описании путей решения проблем, а также на тех достижениях, которые зафиксированы в истории соответствующих государств.

Таким образом, определение оценочного знака единицы в англоязычном и русскоязычном дипломатическом дискурсе осуществляется с опорой на формальные и семантические признаки. В ряде лексических единиц знак

оценки определяется однозначно, однако у некоторых единиц он устанавливается только с опорой на контекст. В рассматриваемом типе дискурса выявлены единицы, в семантике которых прослеживается сочетание оценочного плюса и оценочного минуса. В англоязычном и русскоязычном дипломатическом дискурсе зафиксировано общее превышение количества положительных единиц над отрицательными, что позволяет охарактеризовать дипломатический дискурс как коммуникативную сферу, участники которой стремятся фокусироваться на позитивном разрешении конфликтов.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Романовская А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки. Минск : МГЛУ, 2013. 132 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М. : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
4. Система официальной документации ООН. URL: <https://documents.un.org/> (дата обращения: 07.01.2023).
5. Шерстяных И. В. Теория речевых жанров: лекционно-практический курс для магистрантов. М. : ФЛИНТА, 2013. 552 с.
6. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст: структура и семантика. М. : Изд-во СпортАкадемПресс, 2001. С. 72–81.
7. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed.: S. Wehmeier. 7th ed. Oxford : Oxford Univ. Press, 2005. 1780 p.
8. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 4 т.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания). 3-е изд. М.: URSS, Книжный дом «Либроком», 2011. 176 с.

А. В. Шуманская (Минск, Беларусь)

КОНЦЕПТЫ «МУЖЧИНА» И «ЖЕНЩИНА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

В статье приводятся основные результаты, полученные в ходе изучения концептов «Мужчина» и «Женщина» в языковом сознании россиян на материалах ассоциативных экспериментов.

Ключевые слова: концепт; ядро концепта; когнитивная структура; ассоциативный эксперимент; языковое сознание россиян.

The article presents the main results obtained during the study of the concepts “Man” and “Woman” in the linguistic consciousness of Russians on the materials of word association tests.

Key words: concept; core of the concept; cognitive structure; word association test; linguistic consciousness of Russians.

Концепты «Мужчина» и «Женщина» обладают экзистенциальной значимостью для российского лингвокультурного сообщества, выступая ее ключевыми (ядерными) единицами культуры. Исследование данных концептов является актуальным, поскольку предоставляет возможность реконструкции картины мира носителей данного языка и культуры, а также выявления особенностей их мировоззрения.

В целях выявления содержания и структуры концептов «Мужчина» и «Женщина» в языковом сознании россиян мы провели серию ассоциативных экспериментов по методике Н. И. Кургановой [1, с. 162–174]. В ходе данных экспериментов мы предлагали участникам дать в письменной форме по пять ассоциативных реакций на слово-стимул «*мужчина*» и «*женщина*» на родном языке. Этот тип ассоциативного эксперимента получил в работах Н. И. Кургановой название «продолженный ассоциативный эксперимент», который в отличие от свободного, направленного и цепочечного эксперимента открывает доступ к глубинным структурам знания (долговременной памяти человека) и запускает процессы естественного семиозиса (смыслопорождения) в соответствии с нормами и правилами национальной культуры [2, с. 24–38].

Всего в наших экспериментах приняло участие 100 россиян в возрасте от 18 до 70 лет, из них: 41% испытуемых – мужчины; 59% – женщины. В ходе эксперимента было получено, обработано и проведено ранжирование по признаку частотности 1000 вербальных реакций, выраженных словом или словосочетанием, что позволило сформировать два ассоциативных поля (далее – АП) на слово-стимул «*мужчина*» и «*женщина*», каждое по 500 ассоциатов.

С целью моделирования концептов «Мужчина» и «Женщина» глазами россиян, на первом этапе было выделено стереотипное ядро АП, репрезентированное десятью наиболее частотными ассоциатами. В состав ядра поля на слово-стимул «*мужчина*» вошли следующие компоненты: *сила* 42, *мужество* 25, *опора* 22, *глава семьи* 16, *ответственность* 16, *отец* 16, *сильный* 14, *защита* 13, *ум* 13, *любовь* 10 (см.: таблица 1). Таким образом, стереотипное ядро АП содержит 187 ассоциатов, что составляет 37,4% от всего содержания поля.

Т а б л и ц а 1

**Стереотипное ядро ассоциативного поля
на слово-стимул 'мужчина' россияне**

	Вербальные ассоциаты	Количество	
1	Сила	42 асс.	22,5%
2-3	Мужество	25 асс.	13,4%
2-3	Опора	22 асс.	11,8%
4-6	Глава семьи	16 асс.	8,5%
4-6	Ответственность	16 асс.	8,5%
4-6	Отец	16 асс.	8,5%
7	Сильный	14 асс.	7,5%
8-9	Защита	13 асс.	7%
8-9	Ум	13 асс.	7%
10	Любовь	10 асс.	5,3%
Всего:		187 асс.	100%

Примечание – Источник: собственная разработка.

Применив процедуру объединения синонимов, мы выделили на базе данного стереотипного ядра АП следующие смысловые признаки в ядре концепта «Мужчина»: *Мужчина отличается силой и мужеством;*

Главное назначение мужчины быть опорой и защитой; Мужчина – это, прежде всего, отец и глава семьи; Мужчину характеризует также ответственность, ум и любовь.

В ходе моделирования концепта «Женщина» глазами российских испытуемых, благодаря ранжированию полученных ассоциатов по признаку частотности были выделены следующие вербальные компоненты стереотипного ядра АП: *любовь 37, красота 36, мама 28, нежность 20, доброта 15, забота 14, уют 12, нежная 12, дети 12, красивая 12* (см.: таблица 2). В стереотипное ядро АП входит 198 ассоциатов, что составляет 39,6% от всего содержания поля.

Т а б л и ц а 2

Стереотипное ядро ассоциативного поля на слово-стимул 'женщина': россияне

	Вербальные ассоциаты	Количество	
1	Любовь	37 асс.	18,7%
2	Красота	36 асс.	18,2%
3	Мама	28 асс.	14,1%
4	Нежность	20 асс.	10,1%
5	Доброта	15 асс.	7,5%
6	Забота	14 асс.	7,1%
7-10	Уют	12 асс.	6,1%
7-10	Нежная	12 асс.	6,1%
7-10	Дети	12 асс.	6,1%
7-10	Красивая	12 асс.	6,1%
Всего:		198 асс.	100%

Примечание – Источник: собственная разработка.

Моделирование ядерных смыслов концепта «Женщина» на основе стереотипного ядра АП показало, что ведущими смысловыми признаками исследуемого концепта здесь выступают следующие: ***Ведущий признак женщины – красота; Главную суть женщины – составляет любовь; Женщина – это, прежде всего, мать, которая занимается воспитанием детей; Россияне характеризуют женщину как нежную, добрую и заботливую; Она создает в доме уют.***

На втором этапе анализа с целью моделирования когнитивной структуры концептов «Мужчина» и «Женщина» глазами россиян была проведена классификация всех ассоциатов поля, включая единичные реакции. Это предполагало, прежде всего, анализ и выявление смысловой связи «слово-стимул – ассоциат» (см. подробнее [1; 3]) и классификацию ассоциатов поля в когнитивные слои. Так, на материале АП, полученного на слово-стимул «**мужчина**» были выделены следующие когнитивные слои:

1) МУЖЧИНА —> ЕГО ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА, КАЧЕСТВА (250 асс.):

а) (182 асс.): сила 42, мужество 25, ответственность 16, ум 13, верность 9, грубое отношение / жестокость 7, уверенность в себе / завтрашнем дне 7, упорство 7, хладнокровие 6, мудрость 5, надежность 5, вспыльчивость 4, спокойствие 4, чувство юмора 4, доброта 3, целеустремленность 3, честность 3,

недоверие 2, трудолюбие 2, благородство, внимательность, дальновидность, долг, интеллект, любвеобильность, мораль, находчивость, раскрепощенность, рассудительность, рациональность, решительность, терпение, щедрость, эгоизм;

б) (68 асс): сильный 14, мужественный 6, ответственный 5, добрый 3, трудолюбивый 3, уверенный 3, агрессивный 2, держит слово 2, заботливый 2, красивый 2, любящий 2, надежный 2, амбициозный, большой, ведет себя как ребенок, воспитанный, высокомерный, ласковый, любимый, не боится ответственности за результаты своих действий, нежный, независимый, с хорошо поставленной речью, слабый, совершает открытия, спокойный, способен принимать решения, страшный, умелый, харизматичный, хладнокровный, увлеченный, чаще беспокоится о социальном статусе, чаще интересуется политикой;

2) МУЖЧИНА —> ЕГО ДЕФИНИЦИИ (87 асс.): глава семьи 16, отец 16, защитник 9, добытчик 6, воин 5, сын 5, человек 5, друг 3, юноша 3, начальник 2, партнер 2, помощник 2, семьянин 2, вождь, враг, герой, дед, джентльмен, кормилец, мастер, рукодельник, рыцарь, скульптор, творец;

3) МУЖЧИНА —> ЕГО ФУНКЦИИ, НАЗНАЧЕНИЕ (77 асс.): опора 22, защита 13, любовь 10, забота 8, семья 7, поддержка 5, помощь 3, дети 2, решение проблем 2, вдохновение, партнерство, счастье, удача, успех;

4) МУЖЧИНА —> ЕГО АТТРИБУТЫ (43 асс.): деньги 9, характер 5, здоровье 3, машина 3, работа 3, голубые глаза 2, дом 2, руки 2, тестостерон 2, власть, кадык, карьера, накаченная фигура, образование, портмоне, свой бизнес, технологии, играет в игры, книга, кофе, сигары;

5) МУЖЧИНА —> ОТНОШЕНИЕ, ОЦЕНКА (29 асс.): крепость 2, сексизм 2, создатель приключений / сложностей, стена 2, страх 2, тепло 2, безнадега, гора, доверие, доминант, дуб, есть увлечение, клоун, лидер, надежда, пример для подражания, разочарование, слатшейминг, стимул к чему-то, строитель цивилизации, хищник, хлюпик, ценность;

6) МУЖЧИНА —> ОБРАЗ СИТУАЦИИ (14 асс.): опасность 3, война 2, спортзал 2, борьба, веселье, глупости, мир, огонь, свадьба, хоккей.

Когнитивная структура концепта «Мужчина» отличается иерархическим характером. Подобная структура позволяет выделить в ее составе ведущие (включающие не менее 10% от всего объема ассоциатов поля), приядерные (с нижним пределом не менее 5% от всех ассоциатов) и периферийные (включающие менее 5% всех ассоциатов) слои. В результате, когнитивная структура концепта «Мужчина», представлена следующим образом:

Ядро: 82,8%

- 1) Отличительные свойства, качества мужчины (50%);
- 2) Дефиниции мужчины (17,4%);
- 3) Функции, назначение мужчины (15,4%);

Приядерная часть: 14,4%

- 4) Атрибуты мужчины (8,6%);
- 5) Отношение, оценка мужчины (5,8%);

Периферия: 2,8%

- 6) Образ ситуации (2,8%).

Как видим, на первом и втором месте идентификации слова «мужчина» находятся когнитивные слои: «Отличительные свойства, качества мужчины» (50%) и «Дефиниции мужчины» (17,4%); третье и четвертое место занимают

слои – «Функции, назначение мужчины» (15,4%) и «Атрибуты мужчины» (8,6%), пятое и шестое – «Отношение, оценка мужчины» (5,8%) и «Образ ситуации» (2,8%).

Классификация всех ассоциатов с учетом смысловых связей «слово-стимул – ассоциат» в рамках АП, полученного на слово-стимул *“женщина”* позволила сформировать следующие когнитивные слои:

1) ЖЕНЩИНА —> ЕЕ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА, КАЧЕСТВА (236 асс.):

а) (154 асс.): красота 36, нежность 20, доброта 15, спокойствие 7, женственность 6, мудрость 6, искренность 5, независимость 4, сила 4, ум 4, обаяние 3, сексуальность 3, уважение 3, дружелюбие 2, легкость 2, милосердие 2, мужество 2, ответственность 2, порядочность 2, самодостаточность 2, терпение 2, хитрость 2, щедрость 2, аккуратность, амбициозность, ветреность, духовность, жертвенность, загадочность, здравый смысл, надежность, непредсказуемость, общительность, расчетливость, самовыражение, скромность, строгость, толерантность, уверенность, хрупкость, эмоциональность;

б) (82 асс.): красивая 12, нежная 12, заботливая 8, эмоциональная 6, добрая 6, воспитанная 3, жизнерадостная 3, веселая 2, ласковая 2, не боится быть собой 2, ранимая 2, сильная 2, амбициозная, более гибкая, держит удар, дипломатичная, дотошная, любящая, маленькая, мудрая, независимая, некапризная, отзывчивая, понимает юмор, принципиальная, рассудительная, реже интересуется политикой, сексуальная, скромная, старательная, уверенная, умная, хитрая, хрупкая;

2) ЖЕНЩИНА —> ЕЕ ФУНКЦИИ, НАЗНАЧЕНИЕ (114 асс.): любовь 37, забота 14, дети 12, уют 12, семья 11, счастье 8, ласка 5, поддержка 3, рождение / воспитание детей 3, вдохновение 2, материнство, матриархат, опека, понимание, творчество, укрепление семьи, участие в семейной жизни;

3) ЖЕНЩИНА —> ЕЕ ДЕФИНИЦИИ (62 асс.): мама 28, хранительница домашнего очага 10, дочь 5, муза 3, девочка 2, жена 2, подруга 2, рукодельница 2, хозяйка 2, эмпат 2, бизнес леди, защитница, инкубатор, человек;

4) ЖЕНЩИНА —> ЕЕ АТТРИБУТЫ (41 асс.): дом 8, грация 6, хорошее здоровье 6, власть 3, работа 3, длинные волосы 2, косметика 2, тело 2, глаза, деньги, женская энергия, макияж, рост, сердце, талия, улыбка, хорошие гены;

5) ЖЕНЩИНА —> ОТНОШЕНИЕ, ОЦЕНКА (34 асс.): тепло 7, звезда 3, красавица 3, модница 2, солнце 2, доверие 2, ангел, богиня, есть развитие (университет, работа, хобби), змея, идеал для всех, кошка, лилия, любовница, мадам, надежда, прекрасное создание, розочка, слабый пол, соблазнительница, усталость;

6) ЖЕНЩИНА —> ОБРАЗ СИТУАЦИИ (13 асс.): сплетни 2, цветы 2, весна, йога, месть, новость, обнимашки, салон красоты, слезы, стиральная машинка, французский.

Структурирование когнитивных слоев позволило смоделировать и представить когнитивную структуру концепта «Женщина» в следующем виде:

Ядро: 82,4%

1) Отличительные свойства, качества женщины (47,2%);

2) Функции, назначение женщины (22,8%);

3) Дефиниции женщины (12,4%);

Приядерная часть: 15%

4) Атрибуты женщины (8,2%);

5) Отношение, оценка женщины (6,8%);

Периферия: 2,6%

6) Образ ситуации (2,6%).

Существенные количественные различия в наполнении слоев нашли непосредственное отражение в структуре иерархии направлений осмысления слова *женщина* носителями русского языка и культуры: первое место занял когнитивный слой – «Отличительные свойства, качества женщины» (47,2%), второе место – «Функции, назначение женщины» (22,8%); третье и четвертое место занимают слои «Дефиниции женщины» (12,4%) и «Атрибуты женщины» (8,2%), на пятом находится слой «Отношение, оценка женщины» (6,8%), а на шестом располагается – «Образ ситуации» (2,6%).

Таким образом, в ходе проведенного исследования путем привлечения данных ассоциативных экспериментов удалось смоделировать содержательное ядро концептов «Мужчина» и «Женщина», а также их когнитивную структуру через призму языкового сознания россиян. Ядро концепта «Мужчина» глазами россиян представлено следующими смыслами: *Мужчина отличается силой и мужеством; Его главное назначение – быть опорой и защитой.* В свою очередь, ключевыми смысловыми признаками концепта «Женщина» выступают: *Красота – ведущий признак женщины; Любовь, при этом, составляет ее главную суть.*

Это значит, что сравнительный анализ содержательного ядра концептов «Мужчина» и «Женщина» позволил, во-первых, выявить ярко выраженную гендерную дифференциацию в российском языковом сознании.

Во-вторых, сравнительный анализ когнитивных структур концептов «Мужчина» и «Женщина» показал, что набор параметров осмысления данных концептов в языковом сознании россиян одинаков, поскольку когнитивные структуры обоих концептов включают одинаковые слои: «Отличительные свойства, качества мужчины / женщины»; «Функции, назначение мужчины / женщины»; «Дефиниции мужчины / женщины»; «Атрибуты мужчины / женщины»; «Отношение, оценка мужчины / женщины, а также «Образ ситуации».

Полученные данные позволили также выявить, что в обыденном сознании россиян в качестве ведущего направления идентификации концептов «Мужчина» и «Женщина» используется стратегия выделения отличительных признаков, свойств мужчины и женщины (Мужчина – какой? Женщина – какая?), что выражается в ведущей роли слоя «Отличительные свойства, качества мужчины/женщины» (50 /47 %).

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Курганова Н. И. Смысловое поле при моделировании значения слова: монография. Мурманск : МГГУ, 2012. 296 с.
2. Курганова Н. И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Журнал: Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 24–38.
3. Курганова Н. И. Национально-культурная специфика языкового сознания жителей арктического региона: монография / Н. И. Курганова, Е. А. Тюркан, С. А. Кобцева. Мурманск: МАГУ, 2017. 352 с.

А. В. Бабук (Минск, Беларусь)

СЕМИОТИКА ЭМОДЗИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению эмодзи как семиотических компонентов современной интернет-коммуникации. Предпринимается попытка анализа семиотики эмодзи с учетом их семантики, синтаксиса и прагматики. В связи популярностью и с высокой частотности использования эмодзи в интернет-текстах, в том числе и с проявлениями речевой агрессии, высказывается мысль о необходимости создания инструментов их описания и дешифрования.

Ключевые слова: семиотика; эмодзи; интернет-коммуникация; речевая агрессия; семантика; синтаксис; прагматика.

The article is dedicated to the consideration of emoji as semiotic components of modern Internet communication. An attempt is made to analyze the semiotics of emoji, taking into account their semantics, syntax and pragmatics. The idea of the need to create tools for emoji description is mentioned in connection with the popularity and high frequency of emoji using in Internet texts, including manifestations of verbal aggression, is attempted in the article.

Key words: semiotics; emoji; online-communication; verbal aggression, semantics; syntax; pragmatics.

Интернет-дискурс стал неотъемлемой частью современной коммуникации, обусловленной многочисленными изменениями, связанными с ускорением темпов, динамикой и глобальными трансформациями в различных сферах жизни. Трансформационные процессы в компьютерно-опосредованной коммуникации все больше придают ей устно-письменный характер и понуждают субъектов в своем речевом выражении к использованию в качестве инструмента синтез различных семиотических систем с целью кодировки и хранения большого объема информации в созданном человеком виртуальном мире. В результате создаваемые в тексты в пространстве интернет-дискурса получают типичные знаковые особенности, среди которых:

- *метафоричность*, возникающая в результате попыток конструирования языковой когнитивной модели действительности и создания метафоры посредством последующего переноса структуры языковой единицы на основании какого-либо признака из первоначальной языковой сферы в иную [1, с. 96];

- *жаргонизация и сленгизация*, связанная с социолингвистическим стремлением кодифицировать текст сообщения посредством языковых средств, распознаваемых только лицами, идентифицирующими себя как пользователи сети Интернет или работники компьютерной сферы (так называемые IT-специалисты) [1, 147];

- *креолизованность*, включающая аудиовизуальный образ, созданный на основе сочетания вербального текста с невербальными знаками других семиотических систем, таких как, например, фото- и видеоизображения [1, с. 153];

- стремление к *лингвокреативности* языковой личности, проявляющееся в окказиональном стремлении к номинативной деривации, основанной на принципах языковой игры [2] и другие.

Принимая во внимание данные знаковые особенности в современном интернет-дискурсе все больше коммуникантов прибегают к использованию эмодзи (от яп. 絵 э – «картинка» и 文字 модзи – «знак», «символ») – особых невербальных знаков, созданных на основе пиктограмм и эмотиконов (смайликов), предназначенных, прежде всего, для выражения эмотивного компонента высказывания в интернет-коммуникации.

Исторически «эмодзи» возникли в Японии при создании первых интернет-систем для мобильных телефонов в 1990-е, а затем в 2000-е для операционных систем компьютеров и смартфонов [3, р. 19]. В отличие от первоначальных эмотиконов эмодзи помимо собственно эмоций и чувств современные эмодзи выражают также идеи, артефакты, предметы быта и т. д. В целом эмодзи представляют собой прототип языка мимики и жестов, который коммуниканты используют при невербальном общении «лицом к лицу».

Эмодзи имеют конвенциональную природу, поэтому их код, а также гибридный язык и функциональная система универсальны. Мотивировка создания эмодзи обусловлена всемирными глобализационными процессами, связанными с расширением возможности кооперации, интеграции и коммуникации в интернет-дискурсе представителей различных социальных и этнических групп с использованием универсального языка-посредника, наподобие искусственного языка Эсперанто [4, р. 158]. С точки зрения социолингвистики языковая подсистема компьютерной сферы в отличие от других подсистем характеризуется весьма широким распространением [5, с. 23], и эмодзи в этом смысле становятся особым признаком использования интернет-жаргона, что является маркером принадлежности субъекта коммуникации к сообществу пользователей глобальной сети в целом.

Согласно статистическим данным компании Unicode, в 2021 г. наиболее популярными невербальными компонентами стали эмодзи с изображением «лица со смехом от радости» 😄, второе место по популярности заняло эмодзи «красное сердце» ❤️, на третьем – «катание по полу от смеха» 🤪, на четвертом – «поднятый верх большой палец» 👍, на пятом – «горько плачущее лицо» 😞 и «сложенные руки, выражающие просьбу и благодарность» 🙏. Также частотным стал эмодзи «медицинская маска» 🐼, используемый с 2020 г. в связи с карантином и пандемией COVID-19. Отдельно также стоит отметить эмодзи «бицепс» 💪, который стали использовать не для выражения его первоначального значения – показателя успеха, мощи и физической силы, а как символа вакцинации [6]. Кроме того, исследования компании Unicode в 2023 г. показали, что за последние три года частотность использования эмодзи в повседневной интернет-коммуникации выросла более чем на 775%. В настоящее время эмодзи ежедневно применяют более 10 млрд пользователей во всем мире [7].

Причина роста частотности использования эмодзи в современном интернет-дискурсе заключается в стремлении соблюсти принципы экономии лексикона [8, с. 14] (передача максимально ярко выраженного смысла минимальными речевыми средствами) и симплификации высказывания («сокращение предложений, упрощение синтаксических связей, использование слов с более предметной (не абстрактной) семантикой, а также более широко употребляемой лексики» [9, с. 14]), которые связаны с нейропсихологическими особенностями работы мозга человека: решая поставленную задачу мозг стремится затратить минимальное количество усилий и энергии. Вот почему динамика всех текстов интернет-дискурса стремится к имплицитности, т.е. к уменьшению количества вербальных компонентов, чем объясняется повышение степени креолизации, в том числе и посредством эмодзи, используемых с целью минимизации речевых усилий.

Поскольку эмодзи принадлежат к знакам других семиотических систем, то интерпретация смысла текста требует их вербализации, т.е. перевода в буквенное написание. Семиотические смыслы эмодзи воплощаются в тексте посредством особенностей семантики, синтаксиса и лингвопрагматики.

Семантика эмодзи непосредственно соотносится с актуальным значением, который эмодзи строит в соотношении с конкретным референтом высказывания, обозначенного в тексте. (*Спроси у   насчет вечерники в пятницу..* Исходя из коммуникативной ситуации известно, что в академической группе обучается единственный чернокожий студент, обозначенный посредством эмодзи). При этом в зависимости от коммуникативной ситуации, эмодзи в высказывании могут иметь *положительную, отрицательную и нейтральную* семантику [4, р. 51].

Синтаксис эмодзи обусловлен ролью, которую занимает невербальный компонент исходя из своего месторасположения в логико-грамматической структуре высказывания [4, р. 87]. На наш взгляд, описание синтаксиса эмодзи в высказывании возможно посредством универсального языка семантических примитивов, позволяющих извлекать толкования значений с помощью грамматических категорий, понятных носителю языка [10, с. 307]. Соответственно, в основу синтаксиса эмодзи могут быть положены семантико-синтаксические функции конкретной языковой единицы в позиции (*Встречаемся завтра у в !*. В данном случае эмодзи и выполняют семантико-синтаксическую функцию локатива).

Лингвопрагматика эмодзи опирается на языковой код текстового сообщения, который должен распознать адресат исходя из коммуникативной ситуации и целеустановки адресанта [4, р. 100]. Реализация лингвопрагматики осуществляется с помощью коммуникативных функций, которые выполняют эмодзи в высказывании. Согласно исследованию Е. И. Галяшиной [11] и Е. А. Кольцовой [12], эмодзи могут выполнять такие семиотические функции, как:

- фатическая (👋 Как дела? 😊);
- саркастическая (👎 На здоровье!);
- просоидическая (👊 Леопольд! Выходи, подлый трус!);
- информативная (Скорый 🚓 № 1 Минск-Москва отправляется с 1-го пути.);
- пунктуационная (Привет 😊 😊 😊 Пошли сегодня после работы в кафе 😊 Поъем с тобой 🍷);
- замещение формально-смыслового объекта (У тебя есть запасная 🗡️ □?) и другие.

Гипертекстовое пространство интернета в настоящее время все чаще становится средой речевой агрессии, в качестве инструмента которой используются в том числе и эмодзи как невербальные компоненты коммуникации. Так, например, типичными для правонарушений против половой неприкосновенности личности являются эмодзи «гоблин» (👹); для речевой угрозы характерны эмодзи с изображением оружия, посредством которого говорящий обещает совершить будущие небенефактивные действия в отношении адресата (🗡️ – нож, 🗡️ – меч, 🗡️ – шпага, ✂️ – ножницы, 🗡️ – мечи, расположенные крест-накрест, 🗡️ – топор, ⚒️ – молоток, 🔫 – пистолет, 🏹 – винтовка и другие) и т. д. Желание коммуникантов использовать интернет-дискурс для речевой агрессии обусловлено возможностью создавать образ «виртуальной языковой личности» [13] посредством никнейма и аватарки, а также стремлением человека к ненормативному антисоциальному поведению в виртуальной среде, которое порождено минимальным ощущением свободы и вседозволенности. Коммуниканты глобальной сети часто принадлежат к малым социальным группам, поэтому их идентификация (диагностика) и соответственно привлечение к какой-либо ответственности вызывает трудность, чем часто и пользуются злоумышленники.

Количественное изобилие и рост частотности применения эмодзи в современной интернет-коммуникации требует создания инструментов для их описания и дешифрования. Одним из таких инструментов является электронная энциклопедия «Эмодзипедия», созданная разработчиками компании Apple [14]. Она представляет собой собрание различных эмодзи с их англоязычными описаниями, поиск которых осуществляется по запросу названия невербального компонента. Безусловным достоинством данной энциклопедии является ее постоянная пополняемость новыми компонентами вследствие обновления компьютерных операционных систем и соответственно языка Unicode. Недостатком данной энциклопедии заключается в отсутствии лингвистических описаний многих эмодзи при наличии соответствующих изображений.

Для русскоязычной коммуникации возможность вербализации эмодзи была вшита в онлайн-приложение Яндекс-переводчик, который служит электронным вспомогательным инструментом перевода текста с одного

языка на другой. Недостатком данного инструментария заключается в излишнем буквалистском подходе к интерпретации текста без учета концептуализации высказывания. Кроме того, при вербализации Яндекс-переводчик часто осуществляет интерпретацию высказывания на основании буквального калькирования – звукобуквенного совпадения языковых средств (*Я тебе покажу, где раки зимуют* – 🧑 ➡️ 📺 🖱️ 🌐 ? 🐟 *).

Банк различных видов и характеристик компьютерных эмодзи постоянно пополняется разработками новых изображений, которых в настоящее время насчитывается более 3500 типов [14]. Первоначальное распространение получили эмодзи статических изображений. Однако в современных текстах социальных сетей и мессенджеров все чаще используются динамические изображения – эмодзи и эмотиконы, выполненные на основе различных технических приемов анимации (так называемые анимодзи или анимотиконы), которые придают языку интернет-коммуникации более гибридно-медийный характер:

Таким образом, развитие современных цифровых и компьютерных технологий ведет к глобальной трансформации коммуникации, гибридный язык которой все больше носит универсальный характер. Границы различных форм речи расширяются, превращая письменную речь в устно-письменную, где особыми элементами высказывания становятся эмодзи как невербальные компоненты коммуникации, являющиеся прототипом языка мимики и жестов человека, созданные посредством универсального кода Unicode и имеющие конвенциональную природу. Семиотическая реализация этой природы в тексте осуществляется посредством семантики, синтаксиса и прагматики эмодзи, что необходимо учитывать в процессе вербализации. Популярность использования эмодзи не только среди рядовых пользователей, но и злоумышленников указывает на необходимость создания соответствующих инструментов описания и дешифрования эмодзи в русскоязычном пространстве.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Галичкина Е. Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство. М. : ФЛИНТА, 2018. 331 с.
2. Ширифуллин Б. Я. Языковая игра в интернет-коммуникации / Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллектив. моногр. науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова – 4-е изд., стер. – С. 203–219.
3. Evans V. The Emoji code / V. Evans – London : Michael O’Mara Books, 2017. 256 p.

4. Danesi M. The semiotics of emoji. The rise of visual language in the age of internet. New York: Bloomsbury Academic, 2016. 208 p.
5. Руденко Е. Н. Интернет. Язык. Лингвистика: Минск : право и экономика, 2009. 89 с.
6. Воронин О. Стало известно сколько людей используют эмодзи в переписке. Человечество обречено? URL: https://www.iguides.ru/main/other/stalo_izvestno_skolko_lyudey_ispolzuet_emodzi_v_perepiske_degradatsiya_ryadom/ (дата обращения: 05.07.2023).
7. Emoji frequency. URL: <https://home.unicode.org/emoji/emoji-frequency/> – Date of Access : 10.07.2023
8. Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера : язык и сознание. М. : Языки славянской культуры, 2013. 448 с.
9. Первухина С. В. Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : Ростов-н/Д, 2015. 44 с.
10. Вежбицка А. Семантические универсалии и базисные концепты. М: Языки славянских культур, 2011. С. 307 (568 с.). demic, 2016. 208 p.
11. Галяшина Е. И. Семиотика эмотиконов и анимационных картинок в аспекте судебной лингвистической экспертизы // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 2 (90). С. 41–48.
12. Кольцова Е. А. Мультиmodalный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении / Е. А. Кольцова, Ф. И. Карташкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 769–783.
13. Лутовинова О. В. Виртуальная языковая личность: к определению понятия // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 50 С. 288–292.
14. Emojipedia. URL: <https://emojipedia.org/> Date of Access: 08.07.2023.

Н. Н. Бартош (Минск, Беларусь)

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА КАК СРЕДСТВО СМЯГЧЕНИЯ КАТЕГОРИЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (на материале французского языка)

В статье описываются возможности использования некоторых глагольных форм изъявительного и условного наклонений с целью избежать категоричного суждения, воздержаться от утверждения его истинности и однозначности, а также придать высказыванию вежливый характер. В качестве материала для анализа используются стенограммы выступлений на заседаниях Департаментского совета Верхней Марны.

Ключевые слова: категоричность; некатегоричность; смягчение категоричности; говорящий; изъявительное наклонение; будущее время; прошедшее время; условное наклонение.

The article describes the possibilities of using some verb forms of the indicative and conditional moods in order to avoid categorical judgments, refrain from asserting their truth and unambiguity, and also give the statement a polite character. The transcripts of speeches at meetings of the Haute-Marne Departmental Council serve as material for analysis.

Key words: categoricity; non-categoricity; categoricity softening; speaker; indicative mood; past tense; future tense; conditional mood.

В последние годы категоричность / некатегоричность как лингвистический феномен привлекает повышенное внимание исследователей в связи с растущим интересом к различным аспектам коммуникативного поведения человека. Согласно К. Ю. Малышкину, категоричность трактуется как семантико-прагматическая категория, характеризующаяся экстралингвистической обусловленностью и выражаемая как языковыми, так и неязыковыми средствами, использование которых нацелено на демонстрацию говорящим безапелляционности и высокой степени уверенности по отношению к сообщаемой информации [1, с. 8]. В свою очередь некатегоричность связывается с модификацией категоричного высказывания, направленной на снижение резкости и прямолинейности в суждениях, ослабление директивного тона с целью снятия напряженности между коммуникантами, сохранения кооперативного общения и уменьшения нежелательных эффектов, способных привести к коммуникативному сбою. В современных лингвистических работах, посвященных проблематике смягчения категоричности, для обозначения данного явления широко используется введенный американским исследователем Б. Фрейзером термин «митигация» (от лат. *mitigare* 'смягчать', 'ослаблять').

Как отмечает Н. С. Милянчук, в терминах теории речевых актов некатегоричность может быть определена как «снижение иллокутивной силы высказывания, обусловленное тем, что говорящий заботится о запрограммированном им перлокутивном эффекте» [2, л. 193]. Автор отмечает, что некатегоричность – это «целенаправленная речевая тактика», ориентированная на «избегание давления на адресата речи в рамках стратегии коммуникативного сотрудничества» [2, л. 192]. При этом ожидаемый «прагматический эффект» направлен на сохранение интересов не только адресата, но и говорящего (адресанта). Как следствие, «иллокутивно ослабленные», т. е. непрямые, некатегоричные высказывания нередко оказываются более продуктивным «средством речевого воздействия, нежели категоричные суждения» [2, л. 192].

Стратегии и тактики коммуникативного смягчения могут проявляться как в вербальных, так и невербальных формах. Их вербальная реализация затрагивает все уровни языковой системы – фонетическую, лексическую, грамматическую. В центре внимания настоящего исследования – особенности функционирования некоторых временных форм изъявительного наклонения (*le mode indicatif*), а также форм условного наклонения (*le mode conditionnel*), способных выступать в роли так называемых митигативных средств (или средств митигации). Исследование проводилось на материале устного официально-делового дискурса, представленного текстами выступлений на заседаниях Департаментского совета Верхней Марны (*Conseil départemental de Haute-Marne*) [3].

Анализ показал, что среди используемых с целью митигации форм индикатива носители французского языка достаточно активно прибегают к незаконченному прошедшему времени *l'imparfait*, которое в данной функции

принято называть *l'imparfait d'atténuation*, т.е. *l'imparfait* 'смягчения'. Авторы грамматики «*Le Bon usage*» объясняют механизм его функционирования следующим образом: употребляя прошедшее время вместо настоящего, *le locuteur rejette le fait dans le passé pour ne pas brusquer l'interlocuteur* говорящий как бы 'отбрасывает называемое действие в прошлое, что позволяет избежать резкости, категоричности в общении с собеседником' [4, p. 1092]).

Л. Абуда выделяет две основные функции *l'imparfait d'atténuation*, квалифицируемые как 1) «*imparfait de justification*» (*imparfait* 'обоснования') и 2) «*imparfait de déperformativité*» (*imparfait* 'деперформативности') [5, p. 58]. В первом случае глагол в форме незаконченного прошедшего времени используется для того, чтобы обосновать или оправдать некоторую текущую ситуацию («*justifier une situation présente*» [5, p. 58]), которая, по мнению говорящего, могла бы доставить неудобство собеседнику (как правило, речь идет о некотором физическом действии). Чтобы «сгладить» данную ситуацию, говорящий представляет причину ее возникновения как 'намерения в прошлом' («*il présente les causes sous forme d'intentions passées*» [5, p. 58]). Ср.: *Je venais passer l'aspirateur*. 'букв. Я приходил (вместо настоящего времени, например, *je suis là* 'я здесь нахожусь'), чтобы пропылесосить'. Стоит заметить, что среди проанализированных нами документов примеров использования «*imparfait de justification*» выявлено не было, поскольку подобные ситуации характерны в основном для бытового общения.

Во втором случае («*imparfait de déperformativité*») цель говорящего состоит в том, чтобы 'ослабить' («*désamorcer*») речевой акт (как правило, просьбу или некоторое утверждение) в настоящем [5, p. 59]. Высказывания такого типа были обнаружены среди проанализированных нами текстов выступлений. Так, в следующем примере:

1) *Je voulais redire aux élus de vous masquer, y compris quand vous prenez la parole*. 'Я хотел еще раз сказать депутатам носить маски, даже тогда, когда вы выступаете'.

Намеренное употребление предиката в форме *l'imparfait* «нейтрализует» категоричность прямого речевого действия (*je redis / je demande* 'я говорю / прошу' или *je veux redire* 'я хочу попросить'). Эффект смягчения достигается за счет «рассогласованности» между реальным моментом проявления реакции говорящего (он просит сейчас) и фактической временной формой глагола (формально относящей просьбу к прошлому). В результате говорящий как будто бы отстранен от представляемой ситуации, что позволяет придать побуждению менее директивную форму.

Ср. также другие случаи похожего использования *l'imparfait*:

2) *Je tenais à nouveau à le remercier pour ce beau passage de relais*. 'Я еще раз очень хотел поблагодарить его за эту прекрасную передачу эстафеты' [вместо *je tiens à le remercier / je le remercie* 'я очень хочу поблагодарить его / я его благодарю'].

3) *Je souhaitais intervenir à la suite de vos propos lors de notre séance du 16 avril*. 'Я желал выступить по поводу Ваших слов на заседании 16 апреля' [вместо *je souhaite intervenir / j'interviens* 'я желаю выступить / я выступаю'].

Помимо *l'imparfait*, в роли «митигатора» может выступать и предпрошедшее время *le plus-que-parfait*, используемое вместо обычного законченного прошедшего времени *le passé composé* (или, реже, недавнего прошедшего *le passé récent*). Отмечается, что при этом эффект смягчения оказывается еще более сильным, так как фактически говорящий как бы «отбрасывает» действие, относящееся к моменту настоящего или связанное с моментом настоящего, к более отдаленному (в сравнении с *l'imparfait d'atténuation*) прошлому [4, p. 1095]. Ср., например:

4) *Souvent, les centre-villes mélangent commerces et habitations, schéma que nous **avons décidé** de reproduire afin de garantir la présence d'habitat en centre-ville. Toutefois, ce choix génère des problématiques, communes à tous les centre-villes de France, de gestion des équipements, de coûts de construction et par là, de prix des loyers.* 'Часто в центрах городов соседствуют предприятия и жилые дома, и мы решили воспроизвести эту модель, чтобы гарантировать наличие жилого фонда в центре города. Однако этот выбор порождает общие для всех городских центров Франции проблемы, которые связаны с управлением оборудованием, затратами на строительство и, следовательно, ценами на аренду жилья'.

В ходе дискуссии о перспективах развития городов департамента автор высказывания (4) упоминает о недавнем решении, которое он находит не совсем удачным. Говоря о факте его принятия, он использует предпрошедшее время (*nous avons décidé*) вместо ожидаемого согласно правилам грамматики *le passé composé* (*nous avons décidé*). Такой прием позволяет в некоторой степени сгладить критику: не одобряемая говорящим модель застройки представлена не как «свежее» решение (к тому же принятое присутствующими на заседании коллегами), а как более отдаленное во времени событие.

Снижение категоричности передается и посредством временных форм будущего. Так, простое будущее время *le futur simple*, позволяет смягчить побуждение (придает ему вежливость) [4, p. 1097] или некоторое утверждение (например, персональное отношение к ситуации), которые говорящий как бы представляет «отсроченными» во времени. Так, выражение вежливой просьбы и вежливого предложения может быть проиллюстрировано следующими примерами:

5) *Je vous **demandrai** à nouveau de vous prononcer.* 'Я еще раз попрошу вас высказаться' [вместо *je demande* 'я прошу'].

6) *À l'issue de cette séance, je vous **proposerai** donc de voter une déclaration commune.* 'По окончании заседания я предложу вам проголосовать за совместную декларацию' [вместо *je vous propose* 'я предлагаю вам'].

В проанализированных нами текстах выступлений встречаются также случаи использования говорящим форм *le futur simple* для того, чтобы прокомментировать свои собственные действия или намерения, совершаемые в момент настоящего. Так, в следующем примере:

7) *Je rappellerai simplement que ce chiffre porte sur une dizaine d'années et comprend, outre les nombreuses études de conception...* 'Я просто напомню, что эта цифра охватывает около десяти лет и включает в себя, помимо многочисленных исследований дизайна...' говорящий употребляет форму *je rappellerai* вместо *je rappelle* 'я напоминаю', что придает высказыванию более сдержанную форму.

Ср. другие случаи использования *le futur simple* с целью представить сообщение менее категоричным и безапелляционным в глазах слушающих:

8) *J'aurai un candidat à vous proposer.* 'букв. У меня будет кандидат, которого я хочу вам предложить' [вместо *j'ai un candidat* 'у меня есть кандидат'].

9) *Pour apporter notre pierre à cet exercice démocratique original, je vous soumettrai une motion en guise de contribution du Département.* 'Чтобы внести свой вклад в это оригинальное демократическое мероприятие, в качестве вклада от Департамента я представлю вам предложение для рассмотрения' вместо *je soumetts* 'я представляю'.

В качестве грамматического средства смягчения категоричности может выступать и ближайшее будущее время *le futur immédiat (le futur proche)*, основной функцией которого является обозначение действия, осуществление которого ожидается в скором времени. По аналогии с *le futur simple* (за счет условной «транспозиции» сообщаемого к будущему) данная временная форма смягчает побуждение. Ср.:

11) *La transparence, c'est encore ce que je vais vous proposer de voter en évoquant les modalités de calcul et de répartition de notre fonds départemental de péréquation de la taxe professionnelle.* 'Прозрачность – это то, за что я предлагаю вам проголосовать, говоря об условиях расчета и распределения нашего департаментского фонда выравнивания профессионального налога' [вместо *je vous propose* 'я вам предлагаю'].

Кроме того, ближайшее будущее время позволяет настроить собеседников на более дружелюбный тон (ввиду его распространенности в разговорной речи) и тем самым создать непринужденную для дискуссии атмосферу. Так, в примере (12), оглашая повестку дня (и фактически выражая побуждение), председатель вместо более формального простого будущего времени использует *le futur immédiat*, благодаря чему сообщение звучит менее официально:

12) *Nous allons étudier le rapport concernant la refonte de nos règlements.* 'Мы (сейчас) рассмотрим отчет, касающийся пересмотра нашего регламента' [вместо *nous étudierons* 'мы рассмотрим'].

В следующем примере (12) выступающий вместо категоричной формы *il faudra* 'будет необходимо' использует менее категоричную *il va falloir*:

13) *Si vous rejetez cette proposition, il va falloir assumer le fait qu'il n'y aura pas de collège ni de caserne, au moins pendant ce mandat.* 'Если вы отклоните это предложение, вам придется исходить из того, что колледжа или казармы не будет, по крайней мере, в течение этого срока'.

В высказывании (14) оратор использует *le futur immédiat*, обращаясь к коллегам-советникам, словно речь идет о дружеской беседе в неформальной обстановке. Безусловно, такой прием располагает, и выступающему будет легче завоевать симпатии аудитории:

14) *Vous allez me dire «pourquoi intervenir?». Il y a deux raisons: d'abord, parce que je pense qu'il s'agit d'un enjeu départemental.* 'Вы (сейчас) скажете мне «зачем вмешиваться?». Есть две причины: во-первых, потому что я считаю, что это вопрос, касающийся нашего департамента'.

Сложное будущее время *le futur antérieur*, предназначенное для выражения завершенности действия по отношению к некоторому моменту (или другому действию) в будущем, позволяет также выразить предположение (с высокой долей уверенности), что в ряде случаев помогает говорящему избежать однозначности оценки или утверждения. Так, завершая свое выступление, автор следующего высказывания (15) употребляет *le futur antérieur* вместо допустимого для данного контекста (но более прямолинейного) прошедшего времени *le passé composé (cet exposé a su)*:

15) *J'espère que cet exposé aura su répondre à vos interrogations, et je reste à votre disposition.* 'Я надеюсь, что этим выступлением смог ответить на ваши вопросы, и я остаюсь в вашем распоряжении'.

Достаточно востребованным средством смягчения категоричности во французском языке выступает также условное наклонение (*le mode conditionnel*). Помимо выражения вежливости (в основном при помощи модальных глаголов в форме *le conditionnel présent*), данное наклонение (в настоящем или прошедшем времени) служит также для передачи предположения (с меньшей степенью уверенности, чем при использовании *le futur antérieur*). Это позволяет говорящему избегать прямого утверждения, если у него нет абсолютной уверенности в достоверности или точности сообщаемой информации. Например:

16) *Une telle attitude pourrait créer des précédents, qui transformeraient ce cénacle en un lieu d'affrontements et de marchandage sur certains projets. Cette méthode serait tout à fait regrettable.* 'Такое отношение могло бы создать прецеденты, которые превратили бы это общество в место столкновений и спекуляций по определенным проектам. Такой подход был бы весьма прискорбным'.

Употребляя формы *pourrait créer* вместо *peut / pourra créer* 'может / сможет создать', *transformeraient* вместо *transformeront* 'превратят', *serait regrettable* вместо *sera regrettable* 'будет прискорбным', говорящий представляет свою точку зрения в форме предположения.

Следующий пример (17) иллюстрирует очень осторожное (в сравнении с формами индикатива) выражение говорящим своей позиции в отношении уже свершившегося факта:

17) *Cette mesure aurait occasionné moins de dégâts pour l'économie, le tourisme et beaucoup de secteurs, par rapport à un confinement au printemps 2021.* 'Эта мера, по всей видимости, нанесла меньший ущерб экономике, туризму и многим другим отраслям по сравнению с карантином весной 2021 года'.

Примечательно, что в одном из выступлений, датированным 2020 г., было обнаружено использование *le conditionnel passé 2ème forme* – формы прошедшего времени условного наклонения, которая считается архаичной и практически не используется в современном устном французском языке. Ср.:

18) *Tout en vous remerciant, M. le Président, de nous avoir reçus, nous eussions préféré voir la raison l'emporter avec la décision d'ajourner ce point pour la partie collègue.* 'Мы благодарны Вам, г-н Президент, за то, что вы нас приняли нас, и мы предпочли бы, чтобы разум возобладал над решением отложить этот вопрос в отношении колледжа'.

Выбор говорящим подобной формулировки имеет целью передать крайнюю степень вежливости, сохраняя при этом достаточно официальный и формальный тон общения и давая понять аудитории, насколько решительно он настроен отстаивать свою точку зрения.

Таким образом, грамматические формы французского глагола способны выступать в качестве достаточно «тонких» и эффективных инструментов снижения категоричности. Их грамотное и уместное использование позволяет не только влиять на аргументирующую силу высказывания, но и создавать уважительный тон, предотвращая тем самым давление на адресата и его возможные негативные реакции.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Малышкин К. Ю. Категоричность как семантико-прагматическая категория высказывания : на материале современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2015. 21 с.
2. Милянчук Н. С. Лингвопрагматическая категория некатегоричных высказываний в научном стиле современного русского языка : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005. 214 л.
3. Conseil Départemental de la Haute-Marne. Les procès verbaux . URL: <https://haute-marne.fr/l-institution/les-decisions/les-proces-verbaux> (дата обращения: 16.02.2023).
4. Grevisse M., Goosse A. Le Bon Usage : grammaire française. 14e éd. Bruxelles : De Boeck Duculot, 2007. 1600 p.
5. Abouda L. L'imparfait. Deux types d'imparfait atténuatif // Langue française. Paris, 2004. №142. P. 58-74.

Л. Г. Бондарчук (Минск, Беларусь)

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАМУРНОГО ЖАРГОНА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Лексические ресурсы любого языка, в том числе и французского, включают как кодифицированные слова, так и жаргонизмы, которые ранее находились на периферии лексической системы, а в последние десятилетия активно пополняют литературный язык. В статье анализируется гламурный субстандарт, с точки зрения идей, регулятивных установок, разделяемых представителями гламурной социальной категории, а также семантические особенности гламурной лексики.

Ключевые слова: субстандарт; жаргон; гламур; концепт; синтагматика; словообразовательный потенциал; номинативная плотность, градуальность.

Lexical resources of any language, including French, comprise both codified words and jargonisms which were previously on the periphery of the lexical system, and in recent decades have been actively replenishing the literary language. The article analyzes the glamorous substandard from the point of view of ideas, regulatory attitudes shared by representatives of the glamorous social category, as well as semantic features of glamorous vocabulary.

Key words: substandard; jargon; glamour; concept; syntagmatics; word-formation potential; nominative density, gradality.

Еще не все проблемы и тенденции современного языкознания получили терминологическое осмысление, что дает право на использование метафор, позволяющих наиболее выразительно представить ситуацию, которая заключается в следующем. Демократизация языка в цифровую эпоху «покачнула» диктат языковой нормы, каждый имеет «доступ» к слову, в результате субстраты получили «гражданство» в языке, в языковой реальности наблюдается «триумф субстандарта, торжество субстандарта над дистиллированным стандартом» [1, с. 128]. Благодаря современным программным и техническим возможностям в сети, которая стала основным каналом коммуникации, исчезли социальные страты; на одной виртуальной площадке, охватывающей огромные аудитории, анонимно общаются представители всех социальных групп с разными уровнями владения языком, вокабуляром, формируются гибридные языковые формы, активно вводятся и набирают частотность лексические единицы и структуры, «пришедшие» не только из узуса, но и из жаргонов, которые ранее не выходили за рамки определенных закрытых групп. В результате вышеуказанных социальных и коммуникативных изменений современное языкознание получило необычайно широкую эмпирическую базу, над которой ведутся исследования с целью описания и систематизации. В первую очередь речь идет о социолингвистике и лексикографии, результаты исследований которых находятся во взаимодействии. Важнейшим направлением современной социолингвистики является выявление духовно-нравственного состояния различных социальных групп посредством изучения лексики, объективирующей основные понятия, ценности, регулятивы, разделяемые представителями определенного социального страта. Лексикография фиксирует полученные данные, причем благодаря новым технологиям появилась возможность охватывать и анализировать огромные текстовые массивы, что позволило уже выпустить словари различных социальных групп, использующих язык от высокого, литературного до самого низкого (даже инвективного) регистра.

Отметим, что, невзирая на достаточно солидную хронологию изучения субстандартов, так и не удалось четко дифференцировать такие понятия, как «сленг», «арго», «жаргон». В этой связи в данной статье термин «субстандарт» используем как гиперонимический термин, а вышеназванные термины как гипонимические синонимы.

Считается, что наиболее активно в современных лингвокультурах в последнее время развиваются интернетный, молодежный, криминальный, наркоманский и гламурный жаргоны, которые представляют важный

источник для формирования современного языка и языкового сознания. В данном контексте установление идеологических, нравственных, этических установок наиболее популярных субстандартов, в частности гламурного, относим к актуальным направлениям социолингвистики с целью изучения продвигаемых идеалов и лингвистических способов их материализации в современных дискурсивных практиках, которые отражают настроения и устремления значительных социальных групп и которые активно влияют на нормативность и процессы нормирования в языкознании.

Гламурный субстандарт есть способ номинации и продвижения идеалов, ценностей, оценок, действующих, в первую очередь, в среде золотого миллиарда, а также среди тех, кто разделяет проповедуемые нравственные, духовные и эстетические эталоны жизни данного класса. На концептуальном уровне «гламур» – это глобализированный или универсальный концепт XXI века, т.е. эпохи потребления. Понятие «гламура» начало формироваться в 30-50 годы XX века, и вначале оно было связано с внешностью, одеждой, образом жизни голливудских актрис. В это же самое время начинает выходить женский журнал «*Glamour of Hollywood*» (сегодня «*Glamour*»), который издается на английском, итальянском, французском, русском, немецком, польском, румынском, греческом, голландском, венгерском языках, что позволяет охватывать огромную аудиторию, особенно в связи с переходом в цифровой формат. Если вначале целевой аудиторией были женщины, то сегодня концепция гламура охватывает оба гендера.

Ядро рассматриваемого концепта составляет понятие «гламур», вербализуемое в большинстве языков лексемой *glamour* английского происхождения, которая во французском языке имеет достаточно сложную семантику. Словарь «*Larousse*» дает следующую дефиницию: «*Type de sex-appeal sophistiqué, caractéristique de certaines stars hollywoodiennes*» ‘Тип утонченной сексуальной привлекательности, характерный для некоторых голливудских звезд’ [2]. С нашей точки зрения, необходимо дополнительно прокомментировать смысл выражения *être sophistiqué*, которое имеет два значения: 1) «*Manifester un excès de distinction, de raffinement*». ‘Демонстрировать чрезмерную изысканность’; 2) «*Être d'une complication, d'une subtilité extrême*». ‘Быть чрезвычайно сложным, чрезвычайно тонким’ [3]. Для более полного понимания содержания рассматриваемого концепта и семантики ядерного слова его вербализующего, обратимся дополнительно к значению ассоциации, т.е. к дефиниции слова *sophisme* ‘софизм’: 1) «*Argument qui, partant de prémisses vraies, ou jugées telles, aboutit à une conclusion absurde et difficile à réfuter*». ‘Аргумент, исходящий из предпосылок, истинных или считаемых таковыми, который приводит к абсурдному выводу, который трудно опровергнуть’. 2) «*Raisonnement vicié à la base reposant sur un jeu de mots, un argument séduisant mais faux, destiné à induire l'interlocuteur en erreur*». ‘Изначально ошибочное рассуждение, основанное на игре слов, привлекательный, но ложный аргумент, призванный ввести собеседника в заблуждение’ [4]. Суммируя полученные результаты прове-

денного компонентного анализа, констатируем, что смысл ядерного понятия концепта «*glamour*» сформирован манипулятивно: красота, элегантность, изысканность есть итог сложной работы дорогостоящих специалистов высокого класса; данное значение, по нашему мнению, составляет семантический множитель значений лексических единиц, образующих номинативную плотность рассматриваемого концепта. Таким образом, продвигаемые гламурные качества совсем не связаны с природной красотой, скромностью, естественностью внешнего вида и поведения, это в первую очередь достижения определенных отраслей промышленности.

L'industrie cosmétique représente la commercialisation du glamour, des rêves et des illusions. ‘Косметическая индустрия представляет собой коммерциализацию гламура, мечтаний и иллюзий’.

Слово *glamour* сохраняет свои исконные (т.е. английские) морфологические характеристики: существительное *glamour* не имеет множественного числа, прилагательное *glamour* не изменяется в роде и числе.

Aussi loin que je me souviens, j'avais l'oeil sur les femmes glamour. Celles qui vivaient autour de moi étaient trop simples, j'ai eu envie d'embellir mon entourage. ‘Сколько себя помню, я положил глаз на гламурных женщин. Окружающие были слишком простыми, мне хотелось украсить свое окружение’.

Le chat persan complète ce portrait glamour, mais fait également ressortir des notions telles que la célébrité, la séduction ou le désir. ? ‘Персидская кошка дополняет этот гламурный портрет, но также подчеркивает такие понятия, как известность, соблазн или желание?’.

Синтагматика существительного и прилагательного *glamour* расширяется, что означает факт постепенного расширения круга объектов, качеств, продвигаемых внутри описываемой социальной категории: *une vie glamour* ‘гламурная жизнь’, *le business glamour* ‘гламурный бизнес’ *un endroit glamour* ‘гламурное место’, *les photos glamour* ‘гламурные фотографии’, *le travail glamour* ‘гламурная работа’, *la discussion glamour* ‘гламурная дискуссия’, *le caractère glamour* ‘гламурный характер’, *le divertissement glamour* ‘гламурное развлечение’, *le comportement glamour* ‘гламурное поведение’. Стать гламурными стремятся даже французские мясники, чтобы привлечь в профессию молодежь, которая мечтает о роскошной жизни, в которую трудовые будни мясников не вписываются.

Avec les bouchers stars, la viande et le métier deviennent glamour. ‘Со звездными мясниками мясо и профессия становятся гламурными’ [5].

Словообразовательный потенциал слова *glamour* достаточно скромный: аббревиатура *glam* ‘гламур’; прилагательные *glamoureux* ‘гламурный’, *glamourissime* ‘очень гламурный’, *hyperglamour* ‘гипергламурный’, *ultra-glamour* ‘ультрагламурный’; глагол *glamoriser* ‘делать гламурным’. Отдельно отмечаем лексику, обозначающую негативное отношение к данному феномену: *déglamouriser* ‘сделать менее гламурным’, *déglamourisation* ‘отказ от гламурных норм’.

Je voulais déglamouriser les traditionnelles photos de mode, où les femmes déambulent en talons aiguille en arborant des lèvres rouge vif (...). 'Я хотел дегламуризировать традиционные модные фотографии, где женщины ходят на шпильках с ярко-красными губами' [6].

Содержание концепта «*glamour*» объективируется также словами *beauté* 'красота', *élégance* 'элегантность', *féminité désirable* 'желанная женственность', *mode* 'мода', *séduction* 'соблазнительность', *sex-appeal sophistiqué* 'утонченная, изысканная сексуальная привлекательность', значение которых носит оценочный характер, связанный с семантическим множителем «количество денег, потраченных для достижения гламурных качеств».

В номинативную плотность рассматриваемого концепта входит большое количество оценочных прилагательных и причастий, при помощи которых дается положительная характеристика людей, объектов: *chic* 'шикарный', *divin* 'божественный', *raffiné* 'утонченный', *séduisant* 'соблазнительный', *charmant* 'очаровательный', *sensuelle*, 'чувственный', *tendant* 'соблазнительный' и многие другие. Интенсивность называемого качества размыта, поскольку 1) значение носит предельно субъективный характер и находится в постоянной динамике; 2) наречия интенсивности не указывают на градуальность качества, называемого гламурным прилагательным. Более того, предполагаем, что в роли оценочных прилагательных в гламурном дискурсе в настоящее время выступают названия брендов, которые очень хорошо указывают на степень интенсивности качества: чем больше их количество, тем выше градуальность качества. Так, предложение *Elle est très Chanel* 'На ней много изделий марки «Chanel»' очень информативно, с точки зрения гламурной оценки, поскольку указывает на большое количество вещей известного дорогого бренда.

В лексическом плане гламурный жаргон во французском языке отличается от распространенных, ранее закрытых арг (например, криминального), использующих низкий регистр языка; гламурный словарь составляют в основном нормированные лексические единицы; синтаксис гламурного дискурса достаточно сложный, построен по правилам, что объясняется высоким уровнем образования представителей данной социальной категории, демонстрирующих высшую планку финансовой обеспеченности. По данному аспекту гламурный субстандарт отличается от русскоязычного, в котором присутствуют вульгаризмы специфические сниженные ассоциации. Например, слово «телочка» напрямую указывает на связь с криминальным сленгом; лексема «балка» – это не строительный материал, так называют дорогих блондинок; аксессуар – это эскорт (мужчина или женщина для выхода) [7].

Согласно выделенным содержательным составляющим гламура можно утверждать, что успех в обществе, в жизни вообще связывается лишь с финансовыми возможностями, а не интеллектуальными или профессиональными усилиями, талантами личности. Индивидуальность человека исключается, если она не базируется на роскоши. При помощи таких установок появляется возможность навязывать любые предметы и оценки,

объявлять их прекрасными, успешными, а значит и дорого их продавать. Концепция гламура как регулятор идеологических, социальных, эстетических ориентиров не разделяется всем французским обществом; набирает популярность движение за «дегламуризацию» общества, критикуются «убогие», примитивные идеалы, основанные лишь на количестве денег.

N'importe quelle fille peut avoir l'air glamour, tout ce que vous avez à faire est de rester immobile et de prendre un air idiot. 'Любая девушка может выглядеть гламурно, стоит только стоять на месте и выглядеть глупо'.

Параллельно усилиями Французской Академии ведется работа за избавление от данного концепта в франкоязычной картине мира путем рекомендации употребления французских эквивалентов, менее отмеченных значением, связанным с финансовыми показателями. Так, говоря о человеке, вместо существительного «*glamour*» предлагают использовать существительные *charme* 'очарование', *élégance* 'элегантность', *grâce* 'изящество', *séduction* 'соблазнение', *splendeur* 'великолепие' в значении которых нет финансовой составляющей. При описании высокого материального достатка – *prestige* 'престиж'; вместо прилагательного «*glamour*» – прилагательные *charmant* 'очаровательный', *éblouissant* 'ослепительный', *gracieux* 'изящный', *séduisant*, 'привлекательный'; о карьере – *éclatant* 'блестящий', *excitant* 'захватывающий'; о месте или спектакле – *chic* 'шикарный', *somptueux* 'роскошный' [8].

Каким образом предлагаемые языковые средства замены обсуждаемой лексической единицы могут считаться поддержкой на государственном уровне негативного отношения к уже изложенным ценностям и идеологическим установкам, достаточно крепко укоренившимся не только во французской лингвокультуре, пока сказать трудно.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бруссенская Л. А., Куликова Э. Г. Экологическая лингвистика /Л. А. Бруссенская, Э. Г. Куликова. М.:ФЛИНТА: Наука, 2016. 184 с.
2. Dictionnaire de français Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/glamour/37075> (дата обращения: 21.10.2023).
3. Dictionnaire de français Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/sophistiquer/73496> (дата обращения: 17.10.2023).
4. Dictionnaire de français Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/sophisme/73491#:~:text=1.,induire%20l'interlocuteur%20en%20erreur> (дата обращения: 19.10.2023).
5. Avec les bouchers stars, la viande et le métier deviennent glamour URL: https://www.lepoint.fr/societe/avec-les-bouchers-stars-la-viande-et-le-metier-deviennent-glamour-20-10-2012-1519103_23.php#11 (дата обращения: 27.10.2023).
6. La langue française. URL: <https://www.lalanguefrancaise.com/dictionnaire/definition/deglamouriser#0> (дата обращения: 08.10.2023).
7. Словарь гламурной телочки. URL: <https://axeeffect-ru.livejournal.com/6044.html> (дата обращения: 18.09.2023).
8. L'emprunt déconseillé glamour URL: <https://vitrinelinguistique.oqlf.gouv.qc.ca/24068/les-emprunts-a-langlais/emprunts-integraux/lemprunt-deconseille-glamour> (дата обращения: 19.09.2023).

С. А. Бухтиярова (Москва, Россия), Е. Ю. Харитонова (Москва, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦВЕТОВ РОССИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ТРИКОЛОРА КАК САМОБЫТНЫХ ФЕНОМЕНОВ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СЕМЬИ ЯЗЫКОВ

Данная статья посвящена сравнительному анализу цветов российского и французского триколора. Авторы рассматривают цветолексемы «белый», «синий», «красный» как индикаторы культуры, определяющие менталитет носителей французского и русского языков, и как систему образов, обусловленную особенностями материальной, духовной и социальной культуры народов и свидетельствующую об их национальном опыте и традициях.

Ключевые слова: триколор; символ; цветообозначение; русская лингвокультура; французская лингвокультура.

This article is devoted to a comparative analysis of the colors of the Russian and French tricolor. The authors consider the color lexemes “white”, “blue”, “red” as indicators of culture that determine the mentality of speakers of French and Russian languages, and how a system of images determined by the peculiarities of the material, spiritual and social culture of peoples and testifying to their national experience and traditions.

Key words: tricolor; symbol; color designation; Russian linguistic culture; French linguistic culture.

Известно, что язык и образ мышления взаимосвязаны. Представление о языковой концептуализации мира, специфичной для каждого отдельного языка и находящей отражение в особенностях пользующейся этим языком культуры, восходит к идеям Вильгельма фон Гумбольдта и получило свое выражение в рамках гипотезы Э.Сепира и Б.Л.Уорфа, в основе которой лежит убеждение в том, что люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка. Сознание личности в результате общественно-практической деятельности и в историческом развитии вырабатывает образ мира. Таким образом, диалог культур предполагает представление коммуниканта о своем собеседнике, а оно, в свою очередь, соотносится с представлением о конкретной стране. Перед современной лингвистикой по-прежнему стоит вопрос о выявлении общих универсальных явлений ядра языковой картины мира и изучении национально-культурной специфики, характерной для каждого конкретного языка.

Языковая символика цвета – активно изучаемая сфера в последние десятилетия на материале различных языков, в том числе русского и французского [3,6,9,1 и др.]. При этом наиболее всеобъемлющее исследование семантики цветоименований на экспериментальной основе представлено в работах А.П.Василевича [2]. В них продемонстрированы возможности психолингвистического подхода при сопоставительном анализе слов-цветообозначений в языках, обслуживающих кардинально разные культуры. Результаты контрастивного анализа являются источником данных об особенностях цветоязыковой картины мира, так как, по мнению А. Вежбицкой, в основе «национального» видения того или иного спектра лежат определенные прототипы – носители цвета, в соответствии с которыми и

задается концептуальное содержание «цветовых слов» [4]. В связи с этим, представляется интересным сфокусировать внимание на сравнительном анализе цветов, объединяющих государственные флаги России и Франции, – белом, синем и красном, с целью выявить совпадения и отличия данных лингвокультур в символике цветовосприятия.

Термин «триколор» в широком значении означает трехцветный государственный флаг [7], то есть применим к флагам множества государств. Тем не менее в сознании носителей русского языка данный термин изначально связан именно с флагом Франции, принятом в 1789 году, символизирующим согласие между королем Франции (цвет династии – белый) и Парижем (цвета герба Парижа – синий и красный) [8]. История российского триколора богата на непостоянства: впервые он был поднят Петром I, но впоследствии использовался в других цветах и был возвращен в 1883 году Александром III. В советский период был упразднен, но после распада СССР вновь вернулся и окончательно закрепился на государственном уровне в 1993 году после Указа Президента «О государственном флаге Российской Федерации» [11].

Ввиду очевидности не будем останавливаться на внешних сходствах и различиях российского и французского флагов и перейдем к анализу языковой символики их основных цветов, так как именно в этническом «цветовом взгляде» отражается языковая картина мира.

Белый

Цветообозначение «белый» в обеих культурах является символом чистоты, добра и света и маркировано положительной коннотацией. Издавна белый цвет почитался среди разных народов, ему приписывалось сакральное значение. Этот цвет ассоциируется с высшим знанием и духовным началом, с давних пор сопровождая христианские обряды. Он соответствует чистоте и добродетели.

В христианстве белый цвет символизирует Христа, поэтому православные священнослужители все праздничные богослужения совершают в белых одеяниях. Влиянием христианской культуры объясняется ассоциирование белого цвета со светом, сиянием, добром, честностью. Традиционно невесты на свадьбе также облачаются в наряд белого цвета, символизирующий невинность и чистоту. По той же причине сохраняется обычай хоронить незамужних девушек в белом платье.

В русском языке подтверждение этому находим в устойчивых словосочетаниях *белый голубь* (Святой дух), *белый свет* (весь мир), *белый день* (светлое время суток), *белые ночи* (светлые летние ночи в северных регионах), *белая кость* (благородное происхождение), *белые воротнички* (люди интеллектуального труда), *люди в белых халатах* (врачи), *белые деньги* (легальный заработок), *белые седины* (седые волосы как символ мудрости), *белый хлеб* (хлеб из пшеницы), *белое мясо* (диетическое мясо), *белая магия* (колдовство во благо), *принц на белом коне* (идеальный мужчина в женских мечтах); в сравнениях *белый как снег / как молоко, как белые люди* (комфортно, без проблем); во фразеологизмах *завидовать белой завистью* (беззлобно), *шито белыми нитками* (заметно).

Во французском языке использование белого цвета отличается не меньшим разнообразием: *nuits blanches* (f) `белые ночи`, *pain blanc* (m) `белый хлеб`, *viande blanche* (f) `белое мясо`, *blanc du poulet* (m) `куриная грудка (белое мясо курицы)`, *des blancs* `белые пятна на карте`, *c'est cousu du fil blanc* `(это) шито белыми нитками`, *blanc comme un linge* `белый как полотно`, *blanc comme la neige* `белый как снег`. В то же время в ниже-следующих примерах «цветовой взгляд» в сравниваемых культурах не совпадает: *белая кость* – *sang bleu* `голубая кровь`, *на белом свете* – *dans le monde, средь бела дня* – *en plein jour*.

Часто цветолексема «blanc» употребляется в значении «чистый», «пустой», «отличающийся от обычного». Сравним: *vers blancs* (m) `нерифмованные стихи`, *arme blanche* (f) `холодное (не огнестрельное) оружие`, *page blanche* (f) `чистая страница`, *voix blanche* (f) `беззвучный голос`, *sourire blanc* (m) `неестественная улыбка`. Белый цвет может отображать безрезультативность какого-либо события: *examen blanc* (m) `экзамен без оценки`, *mariage blanc* `фиктивный брак`. И в то же время белый цвет показывает наивысшую степень интенсивности: *chauffer au blanc* `накалить добела`, *donner carte blanche* `предоставить полную свободу действий`.

Таким образом, цветообозначение «белый» символизирует чистоту, правду, благородство, невинность и коррелирует как с универсальным восприятием зон цветового спектра носителей русского и французского языков, так и расхождением, обусловленным национально-культурной спецификой среды его функционирования.

Синий

Синий цвет в обеих лингвокультурах ассоциируется с верховной властью, олицетворяя силу и мужество. Символика флага Франции пришла из сердца страны – Парижа. Считается, что синий цвет (синяя полоса) восходит к Святому Мартину, а красный (красная полоса) – к Святому Дионисию, защитникам города, соединенным белым цветом как единым целым. По другой версии, синий цвет является признаком знатности и королевских кровей. В то же время синий цвет (синяя полоса) флага Российской империи восходит к цвету Богоматери, под покровом которой находится Россия, олицетворяя честность и верность.

Интересно, что первой по частотности реакцией на слово – стимул «синий» у носителей русского, французского и других языков является «небо» [5]: *ciel bleu* (m) `синее небо`.

Приведем фразеологические примеры из русского языка: *синяя птица* (символ счастья), *синий чулок* (незамужняя одинокая женщина), *до синь пороха* (до мелочей), *ни синий порошок* (совсем ничего), *гори всё синим пламенем* (пожелание гибели, провала); и из французского языка: *oiseau bleu* (m) `синяя птица`, *steak bleu* (m) `непрожаренное мясо`, *conte bleu* (m) `небылица`, *avoir une peur bleue* `очень сильно испугаться`, *bas bleu* (m) `синий чулок` (о педантичной, поглощенной учеными интересами женщине), *zone bleue* (f) `синяя зона` (городские кварталы, в которых ограничено время стоянки автомобилей), *voyage (m) dans le bleu* `витание в облаках`.

Необходимо отметить, что в обоих языках можно найти примеры переноса наименования с признака, обозначаемого цветолексемой «синий (голубой) – bleu», на объект, как вида метонимии: *casques bleus* `голубые каски` (о солдатах ООН).

Суммируя, мы можем сделать вывод, что синий в триколорах рассматриваемых государств символизирует вечность, преданность, веру в силу правителя, и в то же время, это цвет неба и моря, дарящий умиротворение и безмятежность, спокойный для эмоционального восприятия.

Красный

Красный цвет имеет почти сакральное значение и часто сопровождает политические революционные движения, символизирует мужество и смелость. Во французском триколоре красный цвет выступает символом основателя католического аббатства святого Дионисия, обезглавленного язычниками-римлянами, в русском флаге за красным цветом стоит державность и великодушие народа. Также красный цвет напрямую ассоциативно связан с огнем и кровью, а в русском языке традиционно с красотой, праздником, торжествами.

Из семи базовых универсальных цветов, вычленяемых русским этносом, красный, безусловно, является наиболее символьным. Красный цвет закрепился в архетипичных образах русского сознания как знак Ярилы – главного языческого божества славян, связанного со стихиями огня, солнца, жизни, которые функциональны до сих пор [10]. Таким образом, он стал наиболее созвучным русской душе, воплотив в себе понятие красоты. «Красный» значит не только просто красивый, но и прекрасный. Сравним: *красна девица – belle enfant* (f), *красно солнышко – beau soleil* (m), *красные дни – beaux jours*. Французский язык использует в качестве эквивалента прилагательное *beau* `прекрасный, красивый`, а не цветообозначение *rouge* `красный`.

Понятийная сфера советского и постсоветского периода связана с метафорическими обозначениями: *красный галстук*, *красный уголок*, *красный диплом* (диплом об окончании учебного заведения с отличием), *красный вымпел*, *красная цена* (самая высокая цена, за которую можно что-либо купить или продать), *красная книга* (перечень вымирающих и исчезающих животных и растений), *красная доска* (доска почета), *красная дорожка* (расстилается для приема почетных гостей на тех или иных торжественных мероприятиях).

Во французском языке цветовой сегмент *красный`rouge`* также имеет широкое распространение: *Croix (f) rouge`Красный крест`*, *cuivre (m) rouge`красная медь`*, *coin (m) rouge`красный уголок`*, *Drapeau (m) rouge`красный флаг`* (восходит к революционным событиям), *fruits rouges (fraise (f), framboise (f), groseille (f))`ягоды красного цвета`* (`клубника`, `малина`, `смородина`).

Упомянем и фразеологизмы в русском языке: *пустить красного петуха* (поджечь), *проходить красной нитью* (об основной идее), *для красного словца* (с целью приукрасить действительность); и во французском: *le chapeau rouge`предмет облачения кардинала`* (дословно «красная шляпа»), *recevoir le chapeau rouge`получить кардинальский сан`*, стать кардиналом, *voir rouge`вспылить`*, *passer comme un fil rouge`проходить красной нитью* (об основной идее). Но для *красного словца* передается следующим

сочетанием – *pour le plaisir de dire un bon mot* (дословно ‘ради удовольствия сказать доброе слово’), а ‘долг платежом красен’ – *un service en vaut un autre* (дословно ‘услуга стоит другой [услуги]’, то есть ‘услуга за услугу’).

Определенный интерес представляет собой факт метонимизации цветообозначения *красный*, восходящего к понятийной сфере революционных перемен в России 1917 года. Как заимствования ее результаты появились и во французском языке (*la banlieue rouge* ‘красный пояс Парижа’, пригороды, в которых сильны позиции коммунистической партии Франции).

Следует отметить и то, что как русское, так и французское прилагательное *красный / rouge* имеет большее количество синонимов, чем другие цветообозначения: *красный-багровый, алый, вишневый, кровавый, томатный, рубиновый, гранатовый, малиновый, карминный, пурпурный, багряный, пунцовый* и т.д.; *rouge / amarante* ‘малиновый’, *brique* ‘кирпично-красный’, *carmin* ‘карминный’, *cerise* ‘вишневый’, *corail* ‘коралловый’, *cramoisi* ‘темно-красный’, *pourpre* ‘пурпурный’, *incarnat* ‘алый’, *ponceau* ‘пунцовый’, *rubis* ‘рубиновый’, *tomate* ‘томатный’ и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что «цветовая палитра», воспринимаемая носителями французского и русского языков, обуславливает их оценки, стереотипы и установки. У каждого народа есть свой собственный «образ» цвета, который связан с его традициями и культурно-историческим наследием. Обнаруженные совпадения, а также и различия, в языковой символике рассматриваемых цветов в русской и французской лингвокультурах объясняются сходством природных явлений и ландшафтов, условий жизни и рода занятий носителей данных языков. Таким образом, цвета их государственных флагов выступают и символами их ментальности, отражая знания и опыт представителей определенного этнического сообщества.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бухтиярова С. А. Фразеологические единицы с обозначением цветового компонента как уникальные индикаторы культуры // Индоевропейские языки: общелингвистические и методологические аспекты. М.: 2022. С.25–28
2. Василевич А. П. Цвета российского флага в русской культуре. М.: МГОУ, 2011. 222 с.
3. Василевич А. П. Национальные цвета и государственные флаги как отражение национально-культурной традиции // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 101–106.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
5. Залевская А. А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988. С.34–48.
6. Копачева А. Р. Концепт «белый цвет» в художественной картине мира: на материале поэтических текстов французских и русских символистов: дис.... канд. филол. наук. Челябинск, 2003. 217 с.
7. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо-Пресс, 2000. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/36749/ (дата обращения: 25.09.2023).
8. Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1998. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/36749/ (дата обращения: 25.09.2023).
9. Петрова Е. Ю. Цветообозначения в языковом сознании вторичной языковой личности: на материале русского и французского языков: автореф. канд. дисс. М., 2008. 18 с.
10. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): монография. М.: Гнозис, 2005. 472 с.
11. Соболева Н. А. Историческое прошлое российского триколора: факты и мифы // Военно-исторический журнал. 2014. № 8. С. 53–60.

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
СОВРЕМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

(на примере африканизмов во французском языке)

Доклад посвящен роли африканизмов в словообразовательном потенциале стандартного варианта французского языка. Спонтанность, эмоциональность и необычная метафоричность африканизмов способствуют своего рода «обновлению» французского языка, расширяя горизонты его идентичности. Проведенный анализ позволил выявить основные словообразовательные тенденции африканизмов, принятых в стандартном французском языке, и специфику их употребления.

Ключевые слова: африканизмы; стандартный французский язык; неологизмы; словообразование; верлан; лексиколура; метафоричность.

The report treats the role of Africanisms in the word-formation potential of the standard version of the French language. The spontaneity, emotionality and unusual metaphorical nature of Africanisms contribute to a kind of “renewal” of the French language, expanding the horizons of its identity. The analysis made it possible to identify the main word-formation trends of Africanisms adopted in standard French and the specifics of their use.

Key words: Africanisms; standard French; neologisms; word formation; verlan; lexical culture; metaphor.

В настоящее время наибольшее число франкофонов в мире проживают в африканских странах. Французский язык является важной частью африканского мира: языком официального общения, школьного образования, науки, СМИ. Тесно соприкасаясь с многочисленными местными языками, французский язык в Африке оказывается посредником в многоязычной и многокультурной ситуации, образуя своего рода единство разнообразий, которое сегодня принято называть ‘африканизированным французским языком’ *le français africanisé* ‘африканизированным французским языком’ или даже ‘французскими языками’ [1, с. 16].

Изменения, возникающие во французском языке в отличных культурных условиях, в целом имеют общие черты во всех франкоязычных странах Африки. Значения некоторых лексических единиц могут не только приобретать дополнительные лексико-семантические варианты, но и вовсе не совпадать в африканском и стандартном варианте французского языка. Приспособление французского языка к миру Африки происходит при помощи уже существующих в нем слов или создания неологизмов на собственной лексической основе. Особого внимания заслуживает активное образование глаголов первой группы, свойственное французскому языку Африки, упрощение грамматики, использование большого количества сленговых слов. Африканскому французскому свойственна особая, отличная от стандартного языка метафоричность, которая передает эмоциональность

и образы африканского континента. Мы присутствуем при своеобразном взаимном проникновении и «приспособлении» языков-культур, которые могут проявляться в разных формах: переводах, аналогиях, калькировании.

В данной работе мы предприняли попытку изучить взаимное проникновение французской и африканской языков-культур на уровне словообразовательного потенциала и семантики языковых единиц. В качестве языкового материала мы отобрали африканизмы (около 130), которые получили широкое распространение во французском языке на территории Франции. Некоторые из них вошли в наиболее авторитетные французские словари Le Petit Robert [2] и Le Petit Larousse [3], как лексемы, которые, по мнению составителей словарей, стали элементом общей «лексикультуры», разделяемой всеми носителями французского языка [4, с. 67]. Например, такие африканизмы, как *taxieur* ‘таксист’, *alphabète* ‘грамотный человек’, *boucancier* ‘хвостун’, *(s')ambiancer* ‘быть заводилой’, ‘веселиться’, вошедшие в Le Petit Larousse [3] в 2020 году, или *brouteur* ‘интернет-мошенник’ и *go* ‘подружка, девушка’, которые принял Le Petit Robert [2] в 2023 году, можно считать «окончательно французскими».

Большинство африканизмов, которые активно используются французами, остается пока за пределами словарей Robert и Larousse, однако активно используются в методических материалах, предназначенных для изучающих французский язык как иностранный (к примеру, раздел *Langue française* на сайте TV5monde). Действительно, сегодня французский язык «пропитан» африканизмами, они придают ему красочность и эмоциональность, проникая во все сферы повседневной жизни через СМИ, фильмы, песни, и сегодня овладение французским языком без знания этих элементов становится неполным. В нашей работе, используя методы семантического и словообразовательного анализа, мы предприняли попытку классифицировать лексемы африканского происхождения по типу словообразования и семантическим особенностям, дать оценку их роли в обогащении и обеспечении жизнеспособности современного французского языка.

По типу словообразования мы выделили семантические, и морфологические африканизмы, а также африканизмы-заимствования. Семантические африканизмы – это лексические единицы стандартного французского языка, отдельные значения которых отличаются от общепринятых. Например, лексема *acide* ‘кислота’ в африканском французском имеет значение ‘яд’; *vacciner* ‘делать прививку’ – ‘делать насечки на теле’, *quittance* ‘квитанция’ – ‘уход’.

Развитие значения может происходить и под влиянием культурных традиций. Так, существительное *carême* (Великий пост в христианской религии) в африканском французском стало обозначать ‘рамадан’ (пост у мусульман). Существительное *dot* и образованный от него глагол *doter* обозначают, соответственно, ‘калым’ / ‘платить калым’ (выкуп, который семья

жениха отдает семье невесты). Интересно отметить расширение значения у слова *frère*, который в африканском французском именуется 'любого родственника мужского рода, принадлежащего к одному поколению' [5].

Новые значения слова часто возникают для усиления эмоционально-оценочного значения. Порой семантическое развитие приводит к ухудшению значения нейтральных лексических единиц: так, лексема *intellectuel* 'интеллектуал' в африканском варианте французского именуется как 'человека, который учился в школе', так и 'фальсификатора, подделывающего письменные документы'; *démocrate* 'демократ' – 'проститутка' в африканском французском; *politicien* 'политик' – 'лгун' (африканизм) [5].

Говоря о семантическом словообразовании, следует также упомянуть метафорический и метонимический перенос и конверсию. Среди африканизмов встречаются лексеммы, образованные с помощью субстантивации, в основе которых лежит метонимический перенос: *contre-soleil* 'солнечные очки' (дословно 'против солнца'). Также интерес представляют лексеммы, в которых человека определяют через характерные для него выражения: например, *je-le-connaiss* (дословно 'я это знаю') 'всезнайка, хвостун', *s'en fout la peur* (дословно 'наплевать на страх') 'смельчак, храбрец'.

Африканизмы также часто основаны на метафоре: восприятие сходства, живое и непосредственное, приводит к образованию новых эмоционально-оценочных единиц, как отдельных лексем, так и устойчивых выражений: например, выражение *avoir des boules* (дословно 'иметь шарики, пузырьки') имеет два значения – 'быть креативным' (иметь бурную фантазию) и 'сердиться'), *conduire dans des tablettes de chocolat* (дословно 'ехать по шоколадным плиткам') означает 'ехать по размытой дороге', *becqueter* 'нападать на кого-нибудь', 'заклевать', *pluie* 'дождь' – 'стипендия' в студенческом аргю (для жаркой засушливой Африки дождь – большая радость, которую все с нетерпением ждут, подобно тому, как студенты ждут стипендию). Анализ семантического словообразования африканизмов позволяет убедиться в глубоком взаимном проникновении и обогащении языковых культур, когда французский язык становится не просто языком франкофонии. Поскольку образы понятны и близки французам, они с легкостью заимствуют эти выражения.

Морфологические африканизмы представляют собой лексические единицы, образованные путем аффиксальной деривации, словосложения, аббревиации или обратной деривации. Аффиксальная деривация является наиболее продуктивным способом словообразования в африканизированном французском языке. При этом префиксация весьма ограничена и представлена в основном префиксами *é-*, *dé(s)-*, *anti-*: *écabosser / décabosser* (снимать плоды с какао-дерева) от французского слова *cabosse* – 'плод какао'; *déscolariser* – забирать (документы) ребенка из школы, прекращать обучение ребенка в школе; *démarabouter* 'снимать порчу'; *antipoison* 'противоядие'.

Суффиксальное словообразование очень продуктивно и в африканизированном французском имеет свою специфику. В частности, можно выделить многочисленные глаголы первой группы, созданные от основы существительного: таким образом, любому существительному, которое обозначает участие в каком-либо процессе, может соответствовать глагол [6, с. 694]. Бернар Серкиглини [7, с. 76] отмечает, что глаголы первой группы во французском языке имеют правильную морфологию, позволяющую простое и свободное словотворчество вместо широко распространенных во французском языке аналитических глагольных конструкций: *enceinter* (вместо *rendre enceinte* ‘сделать беременной’), *réciproquer* (вместо *adresser en retour des vœux, des félicitations* ‘отправить ответные поздравления’), *siester* (*faire la sieste* ‘устраивать сиесту’). Интересен пример с глаголом *gréver* ‘бастовать’, который появился во французском языке благодаря африканской неологии и сосуществует сегодня с аналитическим глаголом *faire grève*. Причем *grève* – это, можно сказать, «визитная карточка» Франции, и во французском языке уже давно существует образованная суффиксальным способом лексема *gréviste* ‘участник забастовки’. Такая словообразовательная свобода, по словам Бернара Серкиглини, освобождает французский язык от «смирительной рубашки нормы языка» [7, с. 90], которая поддерживается целым рядом институций во Франции. Таким образом, в африканизированном французском говорящие рационально и эффективно используют доминирующие модели [6, с. 694].

Суффиксальное глагольное словообразование «на африканский манер» может сопровождаться использованием переносного значения. Интересные примеры этого явления можно наблюдать в школьном арго: *giraffer* ‘списывать’ (вытягивать шею, как жираф, чтобы списать у соседа), *caïmanter* ‘работать, учиться по ночам’ (кайман охотится ночью). Интересно обстоит дело с глаголом *centpatter*, который обозначает ‘прогуливаться’ и, видимо, происходит от сложного слова *cent-pattes* (‘сороконожка’, дословно ‘стоножка’). Однако в стандартном французском языке для обозначения сороконожки имеется существительное *mille-pattes* (дословно ‘тысяченожка’), тогда как *centipede* ‘стоножка’ – слово английское. Здесь мы становимся свидетелями взаимодействия и взаимозаменяемости элементов сложных слов. Кроме того, образовать глагол можно и от целого выражения. Например, глагол *motamoter* ‘говорить, не понимая смысла’ образован от устойчивого выражения *mot-à-mot* ‘дословно’ образован глагол.

И, конечно, африканизированному французскому языку свойственно активное взаимодействие с другими языками-культурами (английским, португальским, арабский, местные африканские языки). Так, во французский язык из лингала (один из языков в Демократической Республике Конго) пришли слова *takouta* ‘денежная монета в Конго’ с расширенным значением ‘деньги’, *matiti* ‘заросли кустарника’ с переносным значением ‘трусобы’. Заимствованное слово *matabiche* ‘чаевые, подарок’ стало основой для нового

глагола первой группы *matabicher* 'подкупать'. Отметим также выражение *babtou fragile* 'неженка, слабак', неологизм 2023 года, зафиксированный словарем Le Petit Robert [2]. Слово *babtou* представляет собой «верланализированный» вариант лексемы *toubab*, происходящей от волофского *tubaab* – уничижительное именование европейца.

Помимо заимствований отдельных лексем, из африканских языков и, соответственно, африканских культур в французский приходят фразеологические кальки. Например, *avoir deux bouches* 'лгать' ('иметь два рта'), *attraper son coeur* 'сохранять контроль над собой' ('поймать свое сердце'), *avoir le ventre amer* 'злословить' ('иметь горький живот'). Отметим, что среди калек выделяются выражения с названием частей тела в качестве одного из компонентов. В этом проявляется так называемая «телесность» африканских языков-культур.

Распространившись в Африке и принятый местным населением, французский язык сегодня используется в различных сферах: от разговорного до языка официального общения. Жители Африки осознают себя франкофонами, а потому свободно и по своему усмотрению обращаются с французским языком, приспособливают его к своей лингвокультуре. Африканизированные элементы, таким образом, вливаются во французский язык на территории Франции. В большинстве своем они относятся к разговорной лексике. Это сленговые слова, обозначающие взаимоотношения, деньги, женщин, жилище, характеристики человека. Сохраняя основные словообразовательные тенденции стандартного французского языка, африканизмы создают свои правила образования слов путем упрощения грамматики, облегчения словообразовательных моделей, нетипичных для стандартного варианта французского языка. Все это позволяет создать яркие, самобытные, образные лексические единицы, которые быстро распространяются в разговорном французском языке, возможно, изменяя и обновляя его облик.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Багана Ж. Контактная лингвистика: взаимодействие языков и билингвизм: монография / под ред. Баганы Ж., Хапилиной Е. В.; 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2021. 126 с.
2. Larousse. Dictionnaire de la langue française. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата обращения: 14.06.2023).
3. Le Robert. Dictionnaire de la langue française. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com> (дата обращения: 16.06.2023).
4. Вerezубова Е.Е., Фрейдсон О.А. Лексикографическая традиция Франции и современные тенденции французского языка (на примере новых лексем, включенных в словарь Le Petit Robert в 2015 – 2018 гг.) // Вып. 9 /под ред. С. Л. Фокина, Е. Е. Вerezубовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 64–80.
5. Dictionnaire des francophones. URL: <https://www.dictionnairedesfrancophones.org/> (дата обращения: 15.06.2023)
6. Willy B. Néologie et africanité. Revue belge de philologie et d'histoire, 84 (3). Langues et littératures modernes – Moderne taal en litterkunde, 2006. P. 687–695.
7. Cerquiglini B. Enrichissez-vous: parlez francophone! Trésor des expressions et mots. Paris : Larousse, 2016. 192 p.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДИСКУРСА МЕДИЦИНСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИАТЕКСТОВ

В данной статье описывается понятие дискурса медицинской профилактики, который представляет собой поликодовый феномен с чертами медийного, публицистического, медицинского и научного дискурсов. Исследование рассматриваемого типа дискурса проводилось в интернет среде на основе текстов официальных сайтов министерства здравоохранения России и национальной службы здравоохранения Соединенного Королевства (National Health Service). Принцип отбора текстов для анализа – тематический, т.е. все они касались профилактики заболевания ВИЧ/СПИД. Сопоставительный анализ дискурса медицинской профилактики Великобритании и России по содержательному, коммуникативному и прагматическому параметрам текстов являлся основным исследовательским методом. В результате анализа получены лингвистические проявления национальной идентичности текстов медицинской профилактики в российской и британской коммуникативных культурах.

Ключевые слова: дискурс медицинской профилактики; медиатекст; содержательный аспект; коммуникативные средства; коммуникативные стратегии; прагматика коммуникации.

This article deals with the notion of health promotion discourse which represents a multimodal phenomenon having the characteristics of media, journalistic, medical and science discourses. The study of this type of discourse was conducted on the texts published on the official websites representing Department of Health in Russia and National Health Service of the United Kingdom. The texts were selected on the basis of their topic, i.e. all of them concerned HIV/AIDS prevention. The main research methods of the comparative analysis of health promotion discourse in the UK and Russia were content, communicative and pragmatic. The results were the linguistic features of national identity of health promotion in Russian and British communicative cultures.

Key words: health promotion discourse; mediatext; content aspect; communicative means; communicative strategies; pragmatics of communication.

В XXI веке вопросы, касающиеся здорового образа жизни и профилактики различного рода заболеваний, стали одними из самых популярных в средствах массовой информации. Пропаганда рационального подхода к здоровью человека начинается в стенах поликлиник и больниц, где доктора рекомендуют своим пациентам воздерживаться от вредных привычек и где плакаты приводят факты о положительных эффектах соблюдения здорового образа жизни, и продолжается во всех коммуникационных каналах СМИ: радио, телевидении и интернет среде, где повсеместно транслируют информацию о вреде зависимостей, важности прохождения регулярной диспансеризации, опасности ВИЧ заболеваний и так далее. Все эти вопросы с точки зрения языка входят в поле исследования дискурса медицинской профилактики, который является поликодовым феноменом с чертами медийного, публицистического, медицинского и научного дискурсов.

Целью настоящего исследования является определение национальной специфики дискурса медицинской профилактики в интернет среде. Тексты по профилактике заболеваний ВИЧ/СПИД на официальных вебсайтах

министерства здравоохранения России и национальной службы здравоохранения Соединенного Королевства (National Health Service) составили материал исследования. Сопоставительный анализ дискурса медицинской профилактики Великобритании и России по содержательному, коммуникативному и прагматическим параметрам текстов являлся основным исследовательским методом.

Содержание и структура медиатекста рассматриваются с позиции анализа темы, гипертекстовых средств и интерактивных инструментов, которые используются для привлечения аудитории.

Медиатексты являются сложным феноменом, который приобретает свойства того СМИ, в котором они функционируют [1], и поликодовым явлением за счёт сочетания разнородных элементов структуры вербальной и невербальной коммуникации [2]. В силу своей мультилинейности текст сети Интернет отличается от конвенционального текста, поскольку связность гипертекста достигается не только вербальными и невербальными средствами, но и такими гипертекстовыми средствами как «цвет, подчёркивание, ссылки, иконические вставки, строка меню» и так далее [1, с. 17].

Информация по профилактике ВИЧ/СПИД собрана на едином официальном интернет-портале Минздрава России o-spide.ru и разделена на разделы: «Основы», «Профилактика», «Жизнь с ВИЧ», «Гепатит», «ВИЧ и дети». При переходе на эти разделы перед пользователем возникает их содержание, которое представлено гиперссылками в виде изображения, заголовка статьи и лида, который вводит проблематику статьи читателю. Внизу каждой информационной страницы находятся гиперссылки на «Интересные материалы», то есть темы, которые связаны с той или иной проблемой, и могут быть полезны пользователям. В разделе «Видео» представлены материалы о всероссийских акциях, выступления представителей здравоохранения, мини-сериал о ВИЧ-инфекции, способах заражения и профилактики ВИЧ и другое. Внизу как главной страницы, так и любой категории или статьи, расположена гиперссылка под названием «Где пройти тест на ВИЧ — центры СПИД», которая переносит пользователя на раздел с таким же названием. В нём пользователю предлагается найти ближайший по региону Центр профилактики и борьбы со СПИДом в России для бесплатного тестирования на ВИЧ. Категория «поиск» помогает найти информацию по запросу от читателей.

«В контексте борьбы с ВИЧ, общение может мотивировать людей пройти тестирование и получить свои результаты, содействовать доступу к лечению, обеспечивать медицинской и психосоциальной помощью лиц, живущим с ВИЧ, поддерживать дальнейшее продолжение лечения и помогать снизить стигму» в отношении ВИЧ-положительных людей (перевод наш) [3]. Соответственно, интерактивные инструменты являются неотъемлемым компонентом медиа дискурса медицинско-профилактической направленности. Сайт Росминздрава предлагает переход на страницу своего сообщества в популярной социальной сети «ВКонтакте» для общения по

темам публикаций, а также просмотра других статей и фото/видео материалов. Кроме того, пользователь может запросить обратную связь или предложить новость, заполнив специальную форму на сайте и отправив своё сообщение. Анализ представленных интерактивных инструментов показал, что они являются универсальными электронными службами для обеспечения участия аудитории в обсуждении тем, облегчения доступа к информации и получения обратной связи.

National Health Service (NHS) – это государственная медицинская система Соединенного Королевства, которая охватывает все области здравоохранения от предоставления информации по проблемам, связанным со здоровьем, до записи к врачу в конкретной поликлинике. На сайте NHS, вся информация по проблемам ВИЧ/СПИД собрана в одном разделе под заголовком “HIV and AIDS”, который включает в себя категории *Overview* ‘Общие сведения’, *Symptoms* ‘Симптомы’, *Causes* ‘Причины’, *Diagnosis* ‘Диагностика’, *Treatment* ‘Лечение’, *Living with* ‘Жизнь с’ и *Prevention* ‘Профилактика’. Категория *Overview*, то есть «Общие сведения», включает в себя краткую основную информацию по указанным выше категориям. Название остальных категорий лаконичное и понятное. В тексте каждой статьи есть слова, фразы и даже целые предложения, которые окрашены синим цветом и выделены подчёркиванием. Эти элементы являются текстовыми гиперссылками, при помощи которых пользователи сайта осуществляют навигацию внутри категорий по теме ВИЧ/СПИД, а также на толкование возможно непонятных понятий, на сайты благотворительных организаций по борьбе с ВИЧ-инфекциями и кампаний, которые проводят фонды по борьбе с ВИЧ-инфекциями или поиск центров по диагностике ВИЧ-инфекций. После перехода по гиперссылке, её буквенная форма меняет синий цвет на фиолетовый, что является указанием на то, что читатель уже просматривал данный материал.

«Существуют эмпирические данные из области коммуникационных наук, указывающие на важность использования простых и приемлемых формулировок в сочетании с соответственными и интересными изображениями для эффективного охвата целевой аудитории» (перевод наш) [4, р. 7]. Поскольку язык медиатекста – это креолизованный текст, то анализ **коммуникативных средств** был выполнен по двум параметрам: вербальному и невербальному. Для объективности сравнения и выявления национальной специфики дискурсов были отобраны тексты, касаемо профилактики ВИЧ/СПИД, т.е. как не заразиться, лечения ВИЧ/СПИД и как жить с положительным ВИЧ-статусом.

Как правило, профилактическая информация нацелена на обычного человека, не разбирающегося в тонкостях медицины, поэтому вполне логичным является тот факт, что оба сайта используют простую лексику, а в случае с российским порталом были обнаружены примеры разговорной лексики и часть поговорки: отношения на старте; это настоящая русская рулетка; встречать по одежке; не пользоваться услугами «подпольщиков»;

что-то пошло не так [5]; Вирус «засыпает»; все равно что бороться с мышами [6]; замедляет <...> развитие; жить полноценной жизнью; справиться с эмоциями [7]; *reduces your risk of getting HIV* ‘сокращает риск получения ВИЧ’; *contact occurs* ‘происходит контакт’ [8]; *HIV can quickly adapt* ‘вирус может быстро адаптироваться’; *before taking any other medicines* ‘перед приёмом любых других лекарств’ [9]; *some HIV treatments can be harmful to* ‘некоторое ВИЧ-лечение может быть вредным для’; *to appear on the inside of the mouth, tongue, throat* ‘появится на внутренней стороне рта, языка, горло’ [10]. Разговорный стиль на сайте NHS также проявляется в использовании сокращенных форм глаголов: *If you're HIV negative* ‘Если у вас нет ВИЧ’; *It's very important* ‘Очень важно’ [8]; *If you're diagnosed with HIV, you'll have regular blood tests* ‘Если у вас диагностировали ВИЧ, то вы будете сдавать кровь на анализы регулярно’ [9]; *You'll be at risk of* ‘Вы рискуете’; *It's estimated* ‘Считается’ [10].

Употребление понятной любому читателю лексики делает перцептивный процесс нетрудоёмким и более быстрым. Однако обсуждение медицинских вопросов имплицитно подразумевает употребление небольшой доли терминов, которые также были обнаружены на вебсайтах от Минздрава и NHS: Препараты антиретровирусной терапии (АРТ); по уровню иммунных CD4 клеток; ингибиторов протеазы ВИЧ [7]; *opportunistic infections* ‘оппортунистические инфекции’; *invasive procedures* ‘инвазивные процедуры’; *cancer of the lymphatic system (lymphoma)* ‘рак лимфатических тканей (лимфома)’ [10]. Во многих примерах как на российском, так и на британском порталах были выявлены случаи объяснения медицинской лексики в скобках, при помощи тире, в придаточной части предложения или в следующем предложении: абстинентный синдром (ломка); в дискордантных парах – то есть таких, где ВИЧ страдает только один человек; аварийная постконтактная профилактика – курс антиретровирусных препаратов в определённой комбинации в высоких дозировках [5]; *HIV viral load test – a blood test that monitors the amount of HIV virus in your blood* ‘вирусная нагрузка ВИЧ – анализ крови, который отслеживает количество вируса ВИЧ у вас в крови’ [9]; *Candidiasis is a fungal infection that's common in people living with HIV* ‘Кандидоз - грибковая инфекция, распространённая среди людей, живущих с ВИЧ.’ [10]; а на портале NHS был использован гипертекстовый приём, т.е. слова являлись гиперссылкой на статьи с подробными толкованиями понятий: *toxoplasmosis – Toxoplasmosis is a common infection that you can catch from the poo of infected cats, or infected meat* ‘Токсоплазмоз – распространённая инфекция, которую можно подхватить из фекалий заражённых кошек или мяса’ [10, 11].

Что касается невербальных средств, то на официальном интернет-портале Минздрава России по профилактике ВИЧ/СПИДа каждая статья сопровождается изображениями, подходящими под заголовки. Так, для статьи под названием «Все о лечении ВИЧ-инфекции» авторы сайта выложили фотографию капсул, на одной из которых написано: *Antiretroviral* ‘антиретровирусный’, т.е. препарат, использующийся для подавления стадий

вируса, для «Как не заразиться ВИЧ» – изображение пакета из аптеки, различных лекарств, салфеток и смартфона с работающим приложением онлайн заказа из аптеки, т.е. использование доконтактной медикаментозной профилактики, которая позволяет человеку избежать заражения при контакте с вирусоносителем, для «Тест на ВИЧ положительный. Что дальше?» – фотографию наполненной вакуумной пробирки для взятия венозной крови, на которой красным маркером написано *hiv+* ‘вич+’, т.е. первым шагом осознания того, что у человека ВИЧ, является сдача анализа крови на вирус, и т.д. Кроме того, красная лента как символ борьбы с вирусом ВИЧ / СПИДа с подписью «профилактика ВИЧ/СПИДа в России» появляются на каждой странице сайта в верхнем левом углу. Особые символы, представляющие опции разделов, на панели инструментов в верхней части страницы сопровождают пользователя во время навигации по сайту: значок ленты в сердце для раздела «Основы», символизирующий самые важные факты, тот же значок ленты, но уже под зонтом – «Профилактика» как символ защиты, приоткрытая капсула с ростком растения как символ жизни – «Жизнь с ВИЧ», изображение печени – «Гепатит», детская игрушка заяц – «ВИЧ и дети» и, наконец, знак видеокадра – Видео.

На портале NHS по тематике ВИЧ/СПИД пользователю не представлены никакие изображения, однако весь текст выстроен модулями со своими подзаголовками внутри темы, а также в виде маркерного перечисления пунктов информации. Вполне логично предположить, что данный визуальный приём рассчитан на привлечение внимания читателя к важным проблемам, а отсутствие фотографий или картинок наоборот не отвлекает от серьезных вопросов, поскольку «всестороннее изложение фактов лучше всего разбивать на последовательные сообщения небольшого размера» (перевод наш) [4].

Изучение дискурса медицинской профилактики с **прагматической** точки зрения является неотъемлемым этапом анализа, так как невозможно исследовать функционирование языка в той или иной культуре вне призмы коммуникативной интенции сообщения. В настоящей работе были выявлены примеры вербальных средств, которые реализуют стратегии повышения доверия читателей к источнику предоставляемых сведений и, следовательно, информирования, а также призыва к действию.

Одним из лучших способов завоевать доверие читателей, показать свою компетентность и проинформировать свою аудиторию о важных вопросах касемо здоровья является ссылка на авторитетные источники данных, таких как одобрения министерств и их представителей, медицинских работников, исследования учёных и так далее. Как вебсайт Министерства Здравоохранения России, так и портал национальной службы здравоохранения Соединенного Королевства используют указанный прием: В нашей стране доконтактная профилактика одобрена Минздравом России в качестве дополнительного средства ВИЧ-профилактики. [5]; ...специалисты рекомендуют людям с ВИЧ использование презервативов при половых контактах [6]; На консультации специалист поможет разобраться в сложившейся ситуации,

оценить риски и скорректировать поведение. [7]; *Many local authorities and pharmacies offer needle exchange programmes, where used needles can be exchanged for clean ones.* ‘Многие местные власти и аптеки предлагают программы обмена игл, где используемые иглы можно обменивать на чистые.’ [8]; *The GOV.UK website has more information about questions an employer can ask about health and disability.* ‘На вебсайте GOV.UK размещено больше информации о тех вопросах, которые работодатель может задавать о здоровье и инвалидности’ [10].

«При всей важности просвещения аудитории в вопросах медицинской профилактики одного только информирования недостаточно для решения задач предотвращения заболевания и распространения здорового образа жизни» [2, с. 800]. Стратегия призыва к действию предполагает не просто получение профилактических сведений из надежного источника, но и призывает к ведению правильного образа жизни и своевременного обращения к специалистам при возникновении проблем со здоровьем. Повелительное наклонение как один из способов реализации указанной стратегии был обнаружен только на сайте NHS: *consider enrolling in a methadone programme* ‘подумайте о включении в программу метадона’ [8]; *try your HIV clinic* ‘обратитесь в свою ВИЧ-клинику’ [9]; *Find local HIV support services* ‘Найдите местные службы поддержки ВИЧ’ [10].

Однако призывать к выполнению каких-либо шагов можно не только в форме категоричного императива, но и апеллируя к аудитории, т.е. привлекая её внимание и побуждая не игнорировать предлагаемые действия. Использование обращения к читателям в форме местоимений «вы» (в русском языке) и *you* (в английском) было замечено на российском и британском сайтах: серьезность ваших намерений; вы демонстрируете заботу [5]; вы наверняка не забудете; когда у вас ничего не болит [6]; вас поставят на диспансерный учет; вы проходите его добросовестно [7]; *it reduces your risk of getting HIV* ‘это снижает риск заражения ВИЧ’; *to your baby* ‘к вашему ребенку’ [8]; *You should be able to get PEP from* ‘Вы сможете получить ПЭП¹’; *you'll have regular blood tests* ‘вы будете регулярно сдавать кровь на анализы’ [9]; *things you can do to improve your general health* ‘вещи, которые вы можете сделать, чтобы улучшить свое самочувствие’; *you can easily discuss your symptoms or concerns* ‘вы можете легко обсудить ваши симптомы или проблемы’ [10].

Проведенный анализ сетевых медиа дискурсов медицинской профилактики России и Великобритании показал, что у них есть как сходства, так и различия. Информация по профилактике ВИЧ/СПИД на сайте Минздрава России собрана на едином официальном интернет-портале и распределена на несколько категорий с множеством статей по различным тематикам, в то время как сведения сайта NHS собраны в одном разделе и классифицированы на шесть основных блоков. Система навигации на российском сайте реализуется переходами при помощи картинок, фраз, символов, а на британском – только нажатием на подсвеченные слова. Наличие интерактивных инструментов было обнаружено только на российском сайте. Обзор ком-

¹ Постэкспозиционная профилактика

муникативных средств продемонстрировал, что оба портала используют идентичные вербальные приемы (простая лексика, термины), но отличные невербальные приемы: портал Минздрава России активно использует многообразие изображений и символов, но сайт NHS оформляет предоставляемый пользователям материал в виде кластеров. Что касается коммуникативных стратегий повышения доверия к источнику данных и информирования, то оба портала ссылаются на авторитетные источники данных, а для реализации стратегии призыва к действию используют обращение к читателю при помощи форм местоимений вы/you, и только британский сайт применяет формы императива.

Другими словами, успешное донесение информации по вопросам здоровья до населения включает в себя использование комплекса актуальной информации, вербальных и невербальных средств и коммуникативных стратегий, а национальная специфика проявляется в выборе этих средств и стратегий.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цурикова Л. В. Медиадискурс как объект научного анализа. // Медiateкст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография. / Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т. В. Чернышова (отв. ред.) – Орёл: Орловский государственный институт искусств и культуры, полиграфическая фирма «Горизонт», 2010. С. 11–18.
2. Стеблецова А. О., Стернин И. А. Интердискурсивность медиатекстов медицинской профилактики. / Стеблецова А. О., Стернин И. А. // Коммуникативные исследования. Воронеж. 2019. Т. 6. № 3. С.794–809.
3. A Role for Health Communication in the Continuum of HIV Care, Treatment, and Prevention / C. Tomori, K. Risher, R. J. Limaye, L. V. Lith, S. Gibbs, M. Smelyanskaya, D. D. Celentano // National Library of Medicine. PubMed Central URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4315324/> (дата обращения: 20.09.2023).
4. Communication strategies for the prevention of HIV, STI and hepatitis among MSM in Europe / I. Dinca, P. Wysocki, A. Pharris, A. J Amato-Gauci // European Centre for Disease Prevention and Control Technical document. Stockholm: ECDC; 2016. 49p. URL: <https://www.ecdc.europa.eu/sites/default/files/media/en/publications/Publications/Communication-strategy-prevention-HIV-STI-hepatitis-MSM.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).
5. Официальный интернет-портал Минздрава России о профилактике ВИЧ/СПИД. Как не заразиться ВИЧ. URL: <https://o-spide.ru/o-vich/kak-ne-zarazitsya-vich> (дата обращения: 30.09.2023).
6. Официальный интернет-портал Минздрава России о профилактике ВИЧ/СПИД. Все о лечении ВИЧ-инфекции. URL: <https://o-spide.ru/o-vich/vse-o-lechenii-vich-infektsii> (дата обращения: 30.09.2023).
7. Официальный интернет-портал Минздрава России о профилактике ВИЧ/СПИД. Тест на ВИЧ положительный. Что дальше? URL: <https://o-spide.ru/o-vich/test-na-vich-polozhitelnyu-chto-dalshe> (дата обращения: 30.09.2023).
8. The NHS website. HIV and AIDS. Prevention. URL: <https://www.nhs.uk/conditions/hiv-and-aids/prevention/> (дата обращения: 30.09.2023).
9. The NHS website. HIV and AIDS. Treatment. URL: <https://www.nhs.uk/conditions/hiv-and-aids/treatment/> (дата обращения: 30.09.2023).
10. The NHS website. HIV and AIDS. Living with. URL: <https://www.nhs.uk/conditions/hiv-and-aids/living-with/> (дата обращения: 30.09.2023).
11. The NHS website. HIV and AIDS. Toxoplasmosis. URL: <https://www.nhs.uk/conditions/toxoplasmosis/> (дата обращения: 30.09.2023).

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТАНКА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

В работе рассматривается специфика традиционного жанра японской поэзии – танка, функционирующего в пространстве современного немецкоязычного поэтического дискурса. На основе сопоставительного анализа было установлено, что немецкоязычные танка принадлежат к двум группам: традиционных танка, демонстрирующих свою приверженность к философской, любовной и пейзажной лирике, а также модифицированных танка с компонентами прагматики, декларирующих утилитарные ценности и девальвирующих ряд таких базовых понятий, как любовь, дружба и др.

Ключевые слова: немецкоязычный поэтический дискурс; танка; аксиологическая лингвистика; перевод; девальвация понятия.

The author reflects on the specifics of the traditional genre of Japanese poetry – tanka, functioning in the modern German poetic discourse. In accordance with the comparative analysis there are two groups of German tanka poems: traditional tanka, demonstrating their commitment to philosophical, love and landscape lyrics, as well as modified tanka with pragmatic components, declaring utilitarian values and devaluing a number of such basic concepts as love, friendship, etc.

Key words: German poetic discourse; tanka; axiological linguistics; translation; devaluation of the concept.

Наиболее характерной чертой современного немецкоязычного поэтического дискурса, на наш взгляд, является многоликость, так как поэзия XXI века – это конгломерат классических и экспериментальных жанров, существующих на стыке цифровых технологий и текста; проявлений постмодернистской эстетики и пародийной лирики. Однако особое место в пространстве немецкоязычного поэтического дискурса занимают транснациональные жанры танка и хайку, так как философско – эстетические основы японской поэзии значительно отличаются от традиционных европейских, что, очевидно, находит воплощение в литературном процессе.

В рамках данной статьи будет представлен микродиахронный срез немецкоязычных танка как малоисследованного жанра в контексте немецкой поэзии.

Произведения, созданные в форме пятистишия - танка, известны с VIII века, так как именно в этот период отмечается становление теории поэзии в Японии. Знаковыми для трансформации танка в серьезный философский жанр, как отмечает М.Н. Бычков, являются вышедшая в 759 году первая антология «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»), в которой представляется возможным проследить «процесс постепенной стабилизации танка на пути к классической форме» [цит по: 1, с.5], вторая антология «Кокинвакасю» («Собрание старых и новых японских песен»), акцентирующая внимание на «эстетизации быта придворной аристократии» [2, с. 3], наконец, третья антология «Синкокинвакасю» («Новое собрание старых и новых японских песен»), раскрывающая принцип «Моно-но аварэ» – «эмоциональное умиление красоте в сочетании с острым осознанием быстротечности, мелан-

холии, покорности» [3]. Вплоть до середины XV века танка остается жанром исключительно представителей придворной аристократии, однако с принятием официальной идеологии дзен, оказавшей влияние на формирование литературного процесса в Японии, танка сталкивается с «языковым аскетизмом» хайку и уступает на некоторое время лидерство. Позже с конца XIX века пятистишие танка снова сочиняют – теперь уже не только профессиональные поэты, но и любители, принадлежащие к разным социальным группам.

Немецкоязычные танка не отличаются богатой историей: мы имеем дело с молодым жанром, находящимся «на начальной стадии своего развития» [4, S. 1]. Проанализировав соответствующий материал, было установлено, что в немецкоязычном поэтическом дискурсе танка эксплицируются в двух измерениях: классические танка, базирующиеся на принципе «моно-но аварэ», и модифицированные танка с элементами прагматики. Обратимся к рассмотрению их специфики.

Классические танка обладают набором характерных черт. Во-первых, для них свойственна экспрессивность, представленная в текстах стандартными лингвостилистическими средствами: метафорами, эпитетами, олицетворениями и др. Общество не может равнодушно воспринимать окружающий мир, поэтому танка, которые по своему происхождению являются песней, отражают те чувства и эмоции, которые переживает человек: «*Du bügelst// dein blau-violettes // Leben// Doch schon unterm Eisen // bilden die Falten sich neu*» [5] – ‘Ты гладишь // свою сине-фиолетовую // жизнь, // однако уже под подошвой утюга // снова образуются складки’ (здесь и далее по тексту – перевод Дацко Д.А.); «*Langsam verwandelt // einfallende Dämmerung// die Farben in Blau// die Wärme in Kälte // ich rufe dich an* [6] – ‘Медленно //сгущаются сумерки// синего цвета// теплая прохлада//я звоню тебе’.

Во-вторых, изначально танка сочинялись к определенному случаю. Это означает, что данному жанру присуща конкретность. Немецкоязычные танка, очевидно, не играют роль панегирика, однако передают значимость определенного события: «*kein Vogel singt // auf dem KZ-Gelände // das Haus der Stille // umrankt eine Mauer // blühender Brombeersträucher*» [7] – ‘ни одна птица не поет // на территории концлагеря // дом тишины // окружает стену //цветущих кустов ежевики’; «*11 Jahre alt // geboren nach dem // zweiten großen Krieg, // spielten wir // Krieg*» [8] – ‘11 лет // родился после // Второй мировой войны// мы играли // в войну’.

В-третьих, для танка типичным является феномен недосказанности, который в текстах реализуется посредством намека, «создающего настроение и простор воображению, которое позволяет постигать невидимое, «красоту Небытия» [9, с. 256]: «*Erinnerungen// ein Stück blaue Seide gepresst// zwischen den Seiten// Gealtert wie guter Wein // dieser Schmerz*» [10] – ‘воспоминания// кусочек голубого шелка // между двумя страницами, // как хорошее выдержанное вино, // эта боль’; «*dein Wort // ein Steinwurf ins Wasser // Wellenringe wachsen // benetzen die trockenen // Ränder meiner Gedanken*» [11] – ‘Твое слово, // как бросок камня в воду, // кольца на воде растут, // омывая грани моих мыслей’.

Четвертая основополагающая черта – наличие сезонного слова, что позволяет отнести танка не только к философской, но и также к пейзажной лирике. В качестве семантического центра, роль которого и исполняет сезонное слово, может выступать время года или его характерный признак. Образ природы – *Sonnenblumen* – ‘подсолнечники’, *die alten Blätter* – ‘старые листья’, *Raben auf weißem Acker* – ‘вороны на белоснежном поле’, *Wellenringe* – ‘кольца волн’, *letzte Sonnenstrahlen* – ‘последние солнечные лучи’ – содержит для автора танка «сокровенную суть мироздания, которое остается в сфере ассоциаций» [1, с. 17]: «*Am Fenster // ein Frühlingblick: // gelb, grün und blau // und über allem atmet // das Seidenhaar der Birke*» [12] – ‘У окна // взгляд весны // желтый, зеленый, голубой // и дыханье // шелковистой березы’.

Модифицированные танка с элементами прагматики – феномен XXI века, так как, анализируя в общем современный немецкоязычный поэтический дискурс, необходимо отметить, что его дальнейшее формирование и эволюция проходят под знаком универсальной прагматизации, а также в условиях изменения аксиологического вектора. Данный вид танка девальвирует такие ключевые понятия, как любовь, дружба и др. В частности, авторы все чаще подменяют понятие «любовь» другим компонентом из аналогичного семантического пространства – «секс»: «*Sie erzählt mir // wie gut der Sex // mit ihrem Neuen ist // Sternschnuppen // aus einer anderen Welt*» [13] – ‘Она рассказывает мне, // насколько хорошим был секс // с ее новым поклонником, // падают звезды // из другой Вселенной’.

Дружба – в традиционном смысле понимаемая как привязанность, близкие отношения, основанные на доверии, – теряет свою актуальность и подменяется цифровой коммуникацией в социальных сетях: «*Wir dürfen uns nicht // aus den Augen verlieren // heisst es beim Abschied -// Einmal im Jahr gibt es dann // einen Daumen auf Facebook*» [14] – ‘Не следует // терять друг друга из вида //– звучит прощальная фраза //– но затем раз в год // только «лайк» в Facebook’.

В список актуальных тем для модифицированных танка с элементами прагматики относятся также:

- размышления об упущенных возможностях в жизни, сравниваемых с коробкой, полной кабелей и проводов, не нашедших себе применение: «*eine Kiste voll // von verhedderten Schüren und Kabeln // im Abstellraum // mein ganzes Leben eine Sammlung // verpasster Verbindungen*» [15] – ‘полная коробка // запутанных шнуров и кабелей // в кладовой // вся моя жизнь — коллекция // неудачных соединений’;

- уместность использования средств связи при общении с людьми: «*beim Scrollen durch die // neuesten Kommentare // wieder und wieder // der vorwurfsvolle Blick auf // das Smartphone des Anderen*» [16] - ‘пролистывая ленту // новых комментариев // снова и снова // бросаешь укоризненный взгляд // на чужой смартфон’;

- карантин и адаптация к новым условиям жизни: «*Alle wollen sie // den Platz an meinen Ohren // Corona-Maske // Hörgerät und Wetterhut // und die Brille, die beschlägt*» [17] – ‘Все хотят занять // место на моих ушах // маска от коронавируса, // слуховой аппарат и колпак, // очки, которые запотевают’;

- капитализм, требующий от людей реализации задач, способствующих увеличению капитала: «*Im Traum war ein Düsenantrieb // auf ein Schneckenhaus // montiert // mein Chef erwartet // Unmögliches*» [18] – ‘В мечтах реактивный двигатель// на раковине улитки// смонтирован,// мой шеф ожидает// невозможного’ и др.

В результате проведенного анализа были установлены понятийные и ценностные признаки современных немецкоязычных танка, охарактеризована их специфика. Принимая во внимание постулат о том, что язык есть отражение духовной культуры, в отношении жанра немецкоязычных танка можно сказать, что они не всегда базируются на принципах эмоционального умиления красоте и эстетической составляющей. На наш взгляд, это связано с аксиологическими трансформациями в обществе, а также изменениями в структуре высших ориентиров бытия.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бреславец Т. И. Очерки японской поэзии IX - XVII веков. М.: Восточная литература, 1994. 240с.
2. Бычков М.Н. Сборник. Японская поэзия . СПб.: Северо-Запад, 2000. 33с.
3. Дацко Д.А. Поэтика твердых форм в современной немецкоязычной лирике // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Изд-во НИЦ «Открытое знание», 2023. URL: <http://scipress.ru/philology/articles/poetika-tverdykh-form-v-sovremennoj-nemetskojazychnoj-lirike.html> (дата обращения: 30.09.2023).
4. Böhle T. Editorial // Einunddreißig. URL: http://www.einunddreissig.net/files/31_Ausgabe_1.pdf (дата обращения: 18.08.2023).
5. Seithe A. Du bügelst // Einunddreißig. URL: <https://www.einunddreissig.net/archiv.html> (дата обращения: 15.10.2023).
6. Schulze Frenking M.-L. Langsam verwandelt // Einunddreißig. URL: <https://www.einunddreissig.net/archiv.html> (дата обращения: 15.10.2023).
7. Kempen S. Kein Vogel singt // Einunddreißig. URL: https://www.einunddreissig.net/files/31_Ausgabe_2.pdf (дата обращения: 06.09.2023).
8. Bonack R. 11 Jahre // Einunddreißig. URL: <https://www.reinerbonack.jimdofree.com/haiku-und-tanka/> (дата обращения: 15.10.2023).
9. Григорьева Т. П. Японская литература XX века. М.: Восточная литература, 1983. 258с.
10. Karl-Brandt D. Erinnerungen // Einunddreißig. URL: <http://www.einunddreissig.net/> (дата обращения: 15.10.2023).
11. Seithe A. Dein Wort // Einunddreißig. URL: <https://www.einunddreissig.net/archiv.html> (дата обращения: 15.10.2023).
12. Seithe A. Am Fenster // Einunddreißig. URL: <https://www.einunddreissig.net/archiv.html> (дата обращения: 15.10.2023).
13. Dietrich F. Sie erzählt mir // Einunddreißig. URL: http://www.einunddreissig.net/files/Einunddreissig_Ausgabe_38.pdf (дата обращения: 03.10.2023).
14. Barouch V. Die alten Eichen // Einunddreißig. URL: www.einunddreissig.net/files/31_Ausgabe_1.pdf (дата обращения: 05.09.2023).
15. Juice P. Eine Kiste voll // Einunddreißig. URL: <http://www.einunddreissig.net/files> (дата обращения: 19.10.2023).
16. Walter K. Beim Scrollen . Chemnitz: Impressum, 2015. 11 S.
17. Uhlmann E. Alle wollen sie // Einunddreißig. URL: <http://www.einunddreissig.net/files> (дата обращения: 19.10.2023).
18. Dietrich F. Im Traum // Einunddreißig. URL: www.einunddreissig.net/tanka-auswahl-august-2023.html (дата обращения: 05.09.2023).

НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье проводится анализ использования в терминологии некоторых возможностей информационных, коммуникативных, цифровых технологий, а также искусственного интеллекта, которые изменили сам научный поиск, связанный с измерениями, статистикой, анализом.

Ключевые слова: парадигма; коммуникативные, информационные, цифровые технологии; искусственный интеллект; терминология; термин.

The article analyzes the use in terminology of some of the capabilities of information, communication, digital technologies, as well as artificial intelligence, which have changed the scientific search itself associated with measurements, statistics, and analysis.

Key words: paradigm; communication; information; digital technologies; artificial intelligence; terminology; term.

В конце XX века лингвисты, как и представители других наук, получили новый исследовательский импульс благодаря открывшимся коммуникативным и цифровым технологиям. Цифровизация науки, в том числе и терминологии, позволила по-иному подойти к решению многих вопросов, цифровые инструменты изменили возможности научных измерений, статистики, анализа.

Терминоведение, термосистема как отрасли языкознания в каждый определенный период развивались в рамках известных парадигм, определяющих стили мышления и подходы к анализу системных единиц. В рамках сравнительно-исторической, системно-структурной парадигм терминология развивалась как сама в себе для себя, если перефразировать известное выражение Ф. де Соссюра.

Современная антропологически ориентированная парадигма характеризуется такими признаками, как эгоцентричность, коммуникативность, функциональность, дискурсивность, когнитивность. Указанные признаки, по нашему мнению, наиболее ярко проявляются в возрастании роли семантической деривации при образовании терминов по метафорическим и метонимическим моделям с учетом роли номинируемого объекта в жизни человека, ассоциаций, которые с ним связаны. Например, французское слово *grille*, первоначальное значение которого имеет бытовой характер: «*Assemblage de lames, ou plaques percée d'évidements assurant la clôture à jour d'une ouverture ou établissant une séparation* 'Сборка планок или пластин с выемками, обеспечивающая закрытие проема или создающее разделение' [1]. Путем метафорического переноса в область электроники данное слово превратилось в термин со значением «*Réseau constitué d'un grand nombre d'ordinateurs interconnectés dont les ressources sont exploitées de façon à disposer, à moindre coût, d'une capacité de traitement importante*». 'Сеть, состоящая из большого количества взаимосвязанных компьютеров, ресурсы которых используются для получения при меньших затратах значительной

вычислительной мощности' [2]. В веб-дизайне рассматриваемое слово получило другое терминологическое значение: «*La grille, c'est un ensemble de repères servant à organiser les éléments d'une page : elle aide le webdesigner dans son travail de composition. Structurant la page et permettant la hiérarchisation des informations, la grille va contribuer au confort de lecture et d'interaction. Depuis longtemps utilisée sur les supports imprimés, la grille est toujours d'actualité à l'ère du digital*».. 'Сетка – это набор маркеров, используемых для организации элементов страницы: она помогает веб-дизайнеру в работе над композицией. Структурируя страницу и позволяя расставлять приоритеты информации, сетка будет способствовать комфорту чтения и взаимодействия. Сетка, давно используемая в печатных СМИ, по-прежнему актуальна в эпоху цифровых технологий' [3]. Известный фразеологизм из древнегреческого мифа «нить Ариадны» как путеводная нить также был превращен в термин веб-дизайна со значением: «*Le fil d'Ariane est une indication généralement située en haut des page web qui précise à l'internaute à quel niveau il se trouve dans l'arborescence du site. Cela permet donc de faciliter la navigation en offrant la possibilité à l'utilisateur de revenir en arrière à tout moment*» [4]. Это индикатор, обычно расположенный вверху веб-страницы, который сообщает пользователю Интернета, на каком уровне дерева сайта он находится. Таким образом, это упрощает навигацию, предлагая пользователю возможность вернуться в любое время.

В настоящее время научная метафора превратилась в концептуальный инструмент, позволяющий получить новые способы вербализовывать знания. Суть научной метафоры также описывается метафорически как трамплин для рациональной передачи научных знаний. Появились новые, ранее не использованные способы связи между сферой-донором и реципиентной сферой (терминология А.П. Чудинова).

Наиболее ярко и выразительно юридические новации отражаются метафорами-терминами, появившимися в семейном праве как на русском, так и на французском языках, поскольку идет осмысление новых форм семьи, новых отношений внутри семьи, новых возможностей рождения ребенка, характеризующих в принципе современное общество XXI века. Переход от полной семьи к различным вариантам неполной семьи как нисходящая количественная градация означает следующие метафоры: *la famille monoparentale* или *monopersonnelle* 'семья с одним родителем'. Во французском семейном праве уже создан термин *la famille homoparentale* 'однополая семья'. С учетом распространенности технологий вспомогательного деторождения были созданы термины *géniteur / génitrice* 'физиологический отец или мать (в отличие от законного отца или матери)' [5]. Новые «медицинские» ассоциации объединяют следующие сферы: 1) завод, фабрика; 2) производство эмбрионов как биологических «механизмов», человеческих зародышей. В рамках данной ассоциативной связи женщина рассматривается как фабрика по производству детей, как бы цинично это не звучало. В данной парадигме логично и обоснованно появились новые научные метафоры: *mère*

porteuse ‘суррогатная мать’, *mère couveuse* ‘мать-инкубатор’, *location d’utérus* ‘аренда матки’. Во французском семейном праве активно дискутируется вопрос о содержании термина *parents commanditaires*: «*Personne qui, dans l’intention de devenir mère ou père d’un enfant à sa naissance, conclut un accord avec une femme qui s’engage à porter cet enfant, généralement conçu par insémination artificielle* [6]. ‘Лицо, которое с намерением стать матерью или отцом ребенка при его рождении заключает договор с женщиной, обязующейся выносить этого ребенка, обычно зачатого путем искусственного оплодотворения’. В данном случае происходит ассоциативная связь следующих двух сфер: сфера-донор – финансирование; рецепиентная сфера – семья. В разговорном языке *parents commanditaires* переводятся ‘родители-спонсоры’ [7].

В течение долгого времени дискуссионной остается проблема однозначной дефиниции термина. Возможность обрабатывать огромные дискурсивные массивы профильного типа позволяет собрать и проанализировать уже существующие термины, называющие один и тот же феномен, выявить их общие и дифференциальные семантические составляющие, что позволит установить объективно доказанную единую дефиницию. Так, например, уже давно вошедшее даже в бытовую практику общение посредством компьютера, достоинства и недостатки которого активно изучаются, получены валидные результаты, еще до сих пор не имеет однозначного термина, содержание которого соответствовало бы имеющимся о нем знаниям. Вот некоторые из терминов, соотносимые с виртуальным общением: компьютерно-опосредованное общение, электронно-опосредованное общение, дигитально-опосредованное общение, цифровой дискурс, интернет-опосредованное общение, медийное общение [8. с. 46.]. Точно такая же ситуация с поисками оптимального термина для интернет-лингвистики.

Искусственный интеллект (ИИ) – мощнейший помощник в работе с корпусом юридических текстов, как в целях правового характера, так и для лингвистической интерпретации текстовых массивов. Приводим некоторые задания.

1. На уровне текста.

1) Определить тему профессионального текста.

«Статья 1. Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство. Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику. Республика Беларусь защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный строй, обеспечивает законность и правопорядок.

Статья 2. Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Гражданин ответствен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией».

Ответ ИИ (ChatGPT): «Предоставленный текст является фрагментом Конституции Республики Беларусь. Это основной закон страны, принятый 15 марта 1994 года, который устанавливает основные принципы организации государства и права граждан. Ваш фрагмент включает в себя начало текста Конституции и статьи 1 и 2, описывающие основные характеристики Республики Беларусь и утверждающие высшую ценность прав и свобод человека».

2) Выявить наличие/отсутствие терминов определенной терминологии в корпусе текста на языке для специальных целей (ЯСЦ) и пояснить их.

Ответ ИИ (ChatGPT): «Да, в предоставленном тексте встречаются юридические термины и выражения. Вот некоторые из них: «унитарное демократическое социальное правовое государство», что означает тип государства и его основные характеристики:

- верховенство и полнота власти (Эти термины указывают на обладание государством всей властью на своей территории);

- независимость и территориальная целостность (Государство защищает свою независимость и территориальную целостность, что подразумевает защиту границ и территории);

- законность и правопорядок (Эти термины обозначают принципы организации общества, связанные с соблюдением законов и поддержанием порядка);

- человек, его права, свободы и гарантии их реализации (Описываются основные принципы гарантирования прав и свобод граждан)».

3) Дифференцировать типы терминологий в определенном тексте и расшифровать их.

Ответ ИИ (ChatGPT): «В данном тексте, помимо юридической терминологии, встречается также терминология, относящаяся к политическим и социальным аспектам. Например, внутренняя и внешняя политика (затрагивает вопросы управления страной как внутри, так и за её пределами)».

4) Вывести из массива текста термины, обозначающие какой-либо объект.

Ответ ИИ (ChatGPT): «В данном тексте, следующие термины относятся к понятию «государство»:

- унитарное демократическое социальное правовое государство;

- верховенство и полнота власти;

- защищает свою независимость и территориальную целостность;

- конституционный строй, обеспечивает законность и правопорядок;

- государство ответственно перед гражданином;

- гражданин ответствен перед государством.

Эти термины связаны с аспектами государственной организации, власти и взаимоотношений между государством и гражданином».

2. На уровне лексики.

1) Раскрыть терминологическую синонимию и сопоставить дефиниции.

Ответ ИИ (ChatGPT): «В терминологии права синонимы не всегда могут использоваться совершенно идентично, поскольку правовые термины имеют точные и четкие определения, а их использование зависит от контекста и нормативного значения. Тем не менее, некоторые термины могут быть близкими по значению и использоваться в схожих контекстах. Вот несколько примеров:

○ **право и закон** (В общем смысле, «право» и «закон» могут восприниматься как синонимы, обозначающие систему норм и правил в обществе. Однако, «право» может также включать в себя обширные концепции, такие как справедливость и мораль, в то время как «закон» более часто употребляется в контексте конкретных правовых актов и норм);

○ **договор и соглашение** (Эти термины могут быть использованы в определенных случаях как синонимы, обозначающие согласие сторон. Тем не менее, в различных контекстах они могут иметь разные нюансы, например, «договор» может подразумевать более формальное соглашение с юридическими последствиями);

○ **обязательство и обязанность** (В некоторых случаях они могут использоваться как синонимы, указывая на юридическое обязательство. Однако, «обязательство» может также охватывать идею ответственности или долга в более широком смысле)».

2) Обнаружить терминологическую омонимию.

Ответ ИИ (ChatGPT): «Слово «конституция» может иметь различные значения в зависимости от контекста. В общем смысле, «конституция» может относиться к:

- основному закону государства;
- физическому состоянию организма;
- комплексу основных характеристик и свойств;
- организации или строению чего-либо».

3) Проанализировать многозначные термины, выявить общие и дифференциальные смыслы.

Ответ ИИ (ChatGPT): «Да, в юридической терминологии существуют многозначные термины, которые могут иметь разные значения в различных контекстах или в разных юрисдикциях. Некоторые термины являются общими, но их толкование может зависеть от конкретного правового акта, судебного решения или контекста использования. Например, **обязательство, справедливость**».

4) Показать метафоричность определенного термина.

Ответ ИИ (ChatGPT): «Юридическая терминология обычно стремится к точности и четкости, поэтому метафоры в ней не столь распространены, как, например, в художественной литературе. Тем не менее, в определенных случаях можно обнаружить использование метафорических выражений или аналогий для более наглядного объяснения юридических понятий. Например, теория «**плода запрета**».

5) Продемонстрировать метонимичность определенного термина.

Ответ ИИ (ChatGPT): «Да, метонимия иногда встречается в юридической терминологии, особенно когда используются образные или переносные выражения для обозначения юридических концепций. Вот несколько примеров: «столица» для правительства и «страж порядка» для полиции».

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Dictionnaire de français Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/grille/38235#:~:text=1.,m%C3%A9talliques%20plus%20ou%20moins%20ouvrage%C3%A9s>. (дата обращения: 02.11.2023).
2. France Terme. URL: <https://www.culture.fr/franceterme/terme/INFO734> (дата обращения: 30.10.2023).
3. La haute société: URL: <https://www.lahautesociete.com/blog/la-grille-en-webdesign/> (дата обращения: 02.11.2023).
4. Noiise. URL: <https://www.noiise.com/definition/fil-dariane/> (дата обращения: 05.10.2023).
5. Dictionnaire de français Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/g%C3%A9niteur/36581#:~:text=femelle%20qui%20engendre.,g%C3%A9niteur%20n.,son%20p%C3%A8re%20ou%20sa%20m%C3%A8re> (дата обращения: 03.11.2023).
6. France Terme. URL: <https://www.culture.fr/franceterme/terme/JURI42> (дата обращения: 08.11.2023).
7. ROSSI, M. Terminologie et comparaison interculturelle: évolutions de que metaphores conceptuelles dans le domaine du droit de la famille / M. Rossi. URL: https://www.farum.it/publiforum/ezone_articles.php?art_id=255 (дата обращения: 01.11.2023).
8. Катермина В. В., Вульфович Б. Г. Лингвопрагматика комментариев пользователей в политическом интернет-дискурсе: монография / В. В. Катермина, Б. Г. Вульфович. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2021. 170 с.

С. А. Колесник (Минск, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируется использование инвективной лексики носителями испанской коммуникативной культуры в различных коммуникативных ситуациях. В подтверждение этому приводятся примеры из литературы Испании и современной испанской прессы. В связи с тем, что в мире сейчас происходят глубокие изменения в плане социальных и психологических стереотипов речевого поведения, описываются также некоторые культурные и социальные особенности испанского народа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: речь; эмоциональный; инвективный; ругательства; жесты

The article deals with the use of invective lexicon in Spanish communicative culture in different communicative situations. Their selection and analysis are carried out. Some cultural and social features of Spanish people are also described in this article.

Key words: speech; emotional; invective; swearwords; gestures.

В последнее время в современной лингвистике все больше внимания уделяется взаимоотношениям человека и окружающего его мира. Общеизвестно, что эти взаимоотношения выражаются, как раз-таки, через эмоции и реакции. А спектр эмоциональных реакций человека очень разнообразен и не постоянен. Любые эмоции, которые испытывает человек, влияют на его реакцию и входят в высказывание как новое дополнительное содержание, обогащая его. Однако эмоционально-оценочные реакции имеют ярко выраженный национальный характер, поскольку в разных культурных традициях, в зависимости от общественного уклада и исторического развития, существуют разные культурные сценарии и нормы поведения и выражения эмоций. Носители испанской коммуникативной культуры, в силу своего географического положения, общественного уклада, исторического развития, традиций, а также этнопсихологических особенностей, достаточно свободно выражают свои эмоции. Эмоциональность испанцев проявляется во всем: они громко разговаривают, залиvisto смеются, неистово рыдают, а значит, не стыдятся чувствовать и открыто выражать счастье или, например, восторг, страх или гнев, удивление или возмущение и т.д. При общении с испанцами обращает на себя внимание постоянное присутствие различных эмоций, для выражения которых носители испанской коммуникативной культуры широко используют, помимо других языковых средств, и эмотивную лексику. Одним из важных видов эмотивной лексики является инвективная. Инвективная лексика включает в себя не только ругательства, но и любые изречения, которые употребляются с целью унижить, оскорбить, дискредитировать, обидеть либо задеть адресата. Можно смело сказать, что разнообразные грубые слова и выражения всегда присутствовали в испанской речи.

В качестве примера стоит вспомнить испанского поэта и прозаика золотого века Франсиско Гомеса де Кеведо, который во многих произведениях использовал немало оскорблений в адрес своего поэтического врага Луиса де Гонгора, сделав их искусством и даже лирическим жанром.

Приведем пример из известного сонета Кеведо «Одному носу», в котором он описывал нос Луиса де Гонгора:

*Érase un naricísimo infinito,
muchísima nariz, nariz tan fiera
que en la cara de Anás fuera delito.*

‘Жил-был носизм беспредельный,

Много носа, носа жуткого,

Который на лице Анаса был бы преступлением’.

В современной же Испании оскорбления стали более грубыми, а ненормативная лексика стала вполне нормативной и звучит сейчас не только в обыденной речи, но и в литературе, и с экранов телевизоров. Эти изменения произошли после смерти Франсиско Франко в 1975 году, когда испанское общество резко демократизировалось, а с ним демократизировался и язык: стал проще, без вычурных фигур вежливости, и вместил в себя всю лексику, считавшуюся раньше неприличной.

Например, большим количеством инвективной лексики отличаются произведения современного испанского писателя и журналиста, члена Королевской Академии испанского языка Артуро Переса-Реверте. Его статья «Крик Лусии» содержит множество ругательств. Например,

Y, redondeando picos, sitúa la hijoputez en unas trescientas pesetas por hora. ‘И, округлив, получается 300 гнусных песет в час’.

Puede coger todas las delikatessen del mostrador refrigerado y metérselas despacito por el culo. ‘Может взять с прилавка все деликатесы и не спеша засунуть их себе в задницу’.

Entonces España es una puñetera mierda. ‘Значит Испания – полное дерьмо’.

В социальных сетях Артуро Перес-Реверте также не стесняется в своих выражениях. Экс-министру иностранных дел и международного сотрудничества (кабинет Сапатеро) Мигелю Анхелю Моратиносу он написал следующее:

Perfecto mierda que ni siquiera tuvo huevos para irse. ‘Идеальное дерьмо, у которого даже не хватило яиц (мужества), чтобы уйти’.

Иногда оскорбления в современной Испании становятся даже личным брендом. Например, многие испанцы вспоминают спортивного обозревателя Хосе Мария Гарсия, когда слышат такие ругательства, как *abrazafarolas* ‘блюдолиз/шестерка’ или *cantamañanas* ‘заливало/свистелка’, которые журналист постоянно употреблял во время своих трансляций.

Современная киноиндустрия, как и средства массовой информации, также обладает огромной силой в распространении оскорбительных выражений. Например, слово *hijoputa* ‘сукин сын’ стало очень модным в Испании после выхода сериала *Narcos* ‘Наркобароны’.

Стоит также отметить, что количество ненормативной лексики в Испании может быть потенциально бесконечным. Это результат не только лексического богатства испанского языка, влияния других языков, моды, исторического контекста, т.д., но и воображения говорящих. Хотя сегодня Королевская Академия испанского языка включает в свой словарь несколько сотен оскорблений, таких как, например, *payaso* ‘клоун/шут’, *merluzo* ‘тупой’, *cegato* ‘недальновидный’, *ceporro* ‘тупица/дубина’, *cenutrio* ‘тупой/ограниченный’, *soplapollas* ‘сволочь/подонок’ и многие другие, испанцы продолжают проявлять себя как великие изобретатели оскорблений. Примером может послужить немалое количество оскорблений, созданных на основе слова *cara* ‘лицо’. Это и *descarado* ‘беспардонный/хамоватый’, *caradura* ‘наглец/нахал’, которые существовали с давних времен в испанском языке, а также *carapán/carapiña/caracandado* ‘некрасивый/урод/каракатица’, *caranchoa/cara anchoa* ‘болван’, появившиеся сравнительно недавно. Интересен также вариант с именем великана *Caraculiambro* ‘Каракулиамбро’, персонажа, созданного Сервантесом в *Дон Кихоте* (великан потерпел поражение в единственной битве от так никогда по-настоящему не прославленного *Дон Кихота Ламанчского*). Сегодня имя *Caraculiambro*, скорее всего образованное Сервантесом от двух слов *cara* ‘лицо’ и *culo* ‘зад/задница’, стало нарицательным в Испании и означает ‘злорадный/коварный’.

Вообще, испанцы производят впечатление страшных сквернословов, но надо отметить, что в испанском языке грубые слова и выражения не звучат так резко и оскорбительно, как соответствующие русские, и не маркируют социальный статус говорящего [1, с. 406]. Эта лексика всегда используется с одной определенной целью – для увеличения эмоционального статуса речи – и часто сопровождается невербальными средствами общения. Невербальный способ выражения эмоции представляет собой соматическое движение или комплекс движений, воспринимаемые как показатели тех или иных эмоций [2, с. 19]. Для носителей испанской коммуникативной культуры невербальные сигналы являются важнейшим условием эффективного общения. Например, достаточно распространенный в Испании, особенно среди детей, жест *sacar la lengua* ‘высунуть язык’ появляется часто, он даже был использован в рекламе испанского профессионального футбольного клуба из г. Барселона «Эспаньол».

Более грубый и оскорбительный жест *sacar el dedo medio* ‘показать средний палец’ появляется в общении испанцев очень часто. Даже бывший президент Испании Хосе Мария Аснар в конце своей встречи со студентами Университета г. Овьедо, которая сопровождалась постоянным освистыванием и оскорблениями со стороны молодежи, использовал данный жест.

Еще один не менее лицепрятный жест, как и само выражение, *cornudo* ‘рогоносец/рогатый’ присутствует в общении испанцев со времен раннего средневековья. Эта тема ярко прозвучала в испанской литературе 16 и 17 веков. Например, в своем произведении *El Siglo del Cuerno* ‘Век рога’ Франсиско Гомес де Кеведо пишет:

Cumplo veintisiete años y siete días de cornudo. ‘Я уж двадцать семь лет и семь дней, как рогоносец’.

Однако оскорбления в речи испанцев не всегда являются признаком грубости, и здесь решающее значение приобретает контекст. В разных ситуациях одно и то же слово может иметь как максимально положительный, так и отрицательный окрас. В таких случаях семантика инвективной лексики пропадает, данная лексика употребляется только для того, чтобы усилить определенную эмоцию: удивление, раздражение, восхищение и т.п. А такие аспекты, как интонация, жесты, мимика и язык тела, являются ключевыми элементами, когда речь идет о расшифровке уровня агрессивности оскорбления. Испанцы же умеют в нужном месте в определенной ситуации очень точно использовать подходящее слово и соответствующие интонацию и язык тела. Например, часто в Испании в дружеской компании можно услышать *¡Pedazo de cabrón!*, *¡cuánto tiempo!* ‘Вот сволочь! Сколько лет, сколько зим!’. В такой ситуации цель собеседников не состоит в том, чтобы проявить неуважение, а в том, чтобы с помощью инвективной лексики, сопровождаемой соответствующей интонацией и жестами, наоборот, укрепить теплые отношения прошлых лет.

Для выражения разнообразных эмоций в испанской речи чаще всего употребляются такие выражения, как *¡Joder!*, *¡Coño!*, *¡Hostia!*, *¡Qué hijo de puta!* и некоторые другие.

¡Joder! считается самым употребляемым испанским ругательством. Этим словом можно выразить, наверное, любую человеческую эмоцию: от радости до яркого гнева. А чтобы смягчить его звучание, испанцы часто употребляют сокращенную форму: *jo, joe, jolín, jope*. Вот несколько примеров:

Joder, ¿qué te pasa? ‘Да блин, что с тобой?’

Parece que la vida me jode desde hace mucho. ‘Кажется, жизнь меня имеет уже с давних пор’.

Joder, ¿lo dices en serio? ‘Твою мать, ты говоришь это всерьез?’

No me jodas. ‘Не ври мне!’.

У испанского ругательства-междометия *¡Coño!* также много значений. Например, оно может означать конус. Но в разговорной речи, естественно, употребляется совсем по-иному. Часто данное ругательство используется для выражения удивления либо злости. Приведем несколько примеров.

¡Coño! ‘Да ну! Надо же!’

¿Qué coño? ‘Какого черта?’

¿Quién coño eres? ‘Да ты кто, черт возьми?’

Одним из самых скверных ругательств в испанском языке считается ругательство *¡Hostia!*, которое может выражать как досаду либо злость, так и страх. Например,

Hostia, me he dejado las llaves dentro de casa. ‘Черт возьми, я забыл ключи дома.’

Hostia, qué miedo me da... ‘Боже, как мне страшно...’

Неуместность использования вышеупомянутого ругательства легко объяснима. Ведь, дословно оно переводится как ‘облатка’, символ тела Христа, которое принимается во время церковного причастия. Однако данное ругательство в современном испанском языке можно услышать довольно часто.

Все вышесказанное не означает, что испанцы не используют более мягкие выражения. Например, вместо *¡Vete a la mierda!* ‘Отвали!’ могут сказать *¡Vete a freír espárragos!* (досл. ‘Иди жарить спаржу’) ‘Сгинь!’, вместо *En el quinto coño* ‘У черта на куличках’, могут сказать *Donde Cristo perdió el gorro* (досл. ‘Там, где Иисус Христос шапку потерял’) ‘На краю света’; вместо *¡Qué putada!* ‘Вот блин!...’ – *¡Qué faena!* ‘Какая досада’ и т.д. Однако эти варианты менее частотны в современной речи испанцев, особенно среди молодежи, которой не очень хочется смягчать свои эмоции.

Как уже отмечалось, испанцы относятся к непристойной лексике намного проще, чем русскоязычные. Это не считается чем-то крайне некультурным и неприемлемым. Но это и не означает, что в Испании нужно разговаривать одними ругательствами. Не рекомендуется, например, употреблять инвективную лексику, общаясь с детьми, религиозными людьми, также с людьми преклонного возраста либо в официальной обстановке. Вообще, знание правил речевого этикета, под которым понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально-специфических стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности [3, с. 9], а значит и знание

особенностей употребления речевых актов, в том числе инвективной лексики, помогают установить и корректно поддерживать контакт с носителями любой коммуникативной культуры.

Таким образом, подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что в испанском языке на протяжении многих веков инвективная лексика использовалась как в разговорной речи, так и в литературе. Вместе с тем, испанской коммуникативной культуре в силу высокой степени эмоциональности и воображения ее носителей присуще такое многообразие данной лексики, что, даже погружаясь в среду, сложно узнать обо всем существующем. Кроме этого, проведенное исследование показывает, что тема инвективной лексики весьма щекотлива. При общении в незнакомой компании, особенно иностранцам, у которых испанская речь еще не звучит естественно, следует избегать чересчур грубых и непристойных выражений, которые могут быть восприняты как неприемлемое оскорбление, и тем самым глубоко ранить собеседника.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нуждин Г. А. Учебник современного испанского языка / Г. А. Нуждин, К. Мартин Эстремера, П. Мартин Лора-Тамайо; сост. ключей М. И. Кипнис. 8-е изд. М. : Айрис-пресс, 2008. 528 с.
2. Фирсова Н. М. Отражение национальных особенностей эмоций испаноязычных и англоязычных народов в вербальных средствах коммуникации // Вестник. РУДН, серия: Лингвистика. Москва: РУДН, 2004. С.71–79. № 6
3. Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета // Русский речевой этикет: лингвистические и методические аспекты. Москва, 1982. 196 с.

Л. А. Кузнецова (Санкт-Петербург, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ИНСТИТУТОВ РОСГВАРДИИ СРЕДСТВАМИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Военно-педагогическая идентичность курсантов военных институтов Росгвардии является актуальным направлением современных педагогических исследований в связи с задачами, стоящими перед войсками национальной гвардией Российской Федерации, и напряженной обстановкой в мире. Автор статьи рассматривает иностранный язык как средство обучения курсантов, обладающее широким воспитательным потенциалом. Современные подходы к преподаванию и изучению иностранных языков, описанные в статье, подтверждают данный тезис.

К л ю ч е в ы е с л о в а: военно-педагогическая идентичность; Росгвардия; курсанты; иностранный язык.

Cadets' Military-pedagogical identity at the Russian National Guard Military Institutes is a topical focus of contemporary pedagogical research due to the tasks facing the forces of the National Guard of the Russian Federation and the tense global situation. The author of the article considers the foreign language as an instrument of cadets' education as it has a great educational potential. Modern approaches of teaching and learning foreign languages, described in the article, affirm this thesis.

Key words: military-pedagogical identity; Russian National Guard; cadets; foreign language.

Современные вызовы и угрозы, с которыми сталкиваются вооруженные силы и войска национальной гвардии Российской Федерации, подчеркивают важность эффективной подготовки и формирования военно-педагогической идентичности будущих офицеров.

Большой вклад в теорию воспитания курсантов вносят фундаментальные труды в области военной педагогики и психологии (Алехин И.А. [1], Барабанщиков А.В. [2], Исаева Н.Н. [4], Слепов В.Я. [6], Шарухин А.П. [7]), а также теории и практики иноязычного обучения курсантов Росгвардии (Ванягина М.Р. [3], Лавреева М.С. [5], Шарухина Т.Г. [8]).

Эти исследователи и многие другие внесли важный вклад в понимание формирования военно-педагогической идентичности курсантов и разработку методик и подходов к усилению этого процесса в военных образовательных учреждениях.

Военно-педагогическая идентичность курсантов – это комплекс убеждений, ценностей, идей и самоопределения, который формируется в процессе обучения и воспитания в военных учебных заведениях. Эта идентичность связана с военной профессией, и она включает в себя понимание военных ценностей, долга и ответственности перед обществом и государством. Важной частью военно-педагогической идентичности является также понимание и принятие военной культуры и традиций, осознание себя частью воинского коллектива, умение взаимодействовать с ним для эффективного решения задач, стоящих перед Росгвардией и государством в целом.

Росгвардия, как важное звено в системе национальной безопасности, часто сталкивается с задачами международного характера. Знание иностранного языка также открывает двери к международному взаимодействию и сотрудничеству. Владение иностранным языком у курсантов облегчает взаимодействие с коллегами из других стран, а также участие в международных учениях и операциях. Кроме того, иностранный язык, как инструмент обучения, обладает значительным потенциалом для формирования военно-педагогической идентичности курсантов через социокультурный, лингвистический и культурно-антропологический аспекты.

Социокультурный аспект обучения курсантов иностранному языку реализуется через изучение культурных особенностей, традиций страны, чей язык они изучают. Он способствует лучшему пониманию социокультурного контекста, в котором они могут оказаться при международных операциях и учениях. Изучение иностранного языка предоставляет курсантам возможность погрузиться в культуру страны, чей язык они изучают, что способствует расширению их культурного кругозора, уважению к разнообразию культур, толерантности к мировоззрениям разных социокультурных групп, лучшей адаптации к разным культурным средам, более эффективному международному сотрудничеству.

Лингвистический аспект обучения курсантов институтам Росгвардии подразумевает овладение профессиональной военной и юридической терминологией, что важно для успешной службы в войсках национальной гвардии РФ. Курсанты могут учиться эффективно выражать свои мысли и идеи как на иностранном языке, так и на родном, что может быть полезно для их профессионального роста и лидерских качеств, улучшения навыков общения и самопрезентации.

Культурно-антропологический аспект включает в себя изучение иностранной культуры и языка, что может помочь курсантам лучше понимать менталитет и ценности народов, с которыми они могут взаимодействовать, предотвращая межкультурные конфликты.

Современные методики обучения иностранным языкам предоставляют возможности интегрировать этот процесс в контекст военно-педагогической подготовки.

– Метод коммуникативного обучения: Этот метод призван развивать навыки практического общения на иностранном языке. Военно-педагогическая идентичность укрепляется, когда курсанты могут эффективно общаться на иностранном языке в контексте военных операций, предотвращения диверсий, международного взаимодействия.

– Проектное обучение: В рамках этой методики курсанты могут работать над проектами, связанными с международными военными операциями, миротворческими миссиями и другими служебно-боевыми задачами. Проектная деятельность помогает им понимать важность и применение иностранного языка в военно-профессиональной деятельности.

– Интерактивные технологии: Использование современных технологий, таких как виртуальная реальность, онлайн-платформы, симуляторы, может создать иммерсивные обучающие среды, в которых курсанты могут вживую применять иностранный язык в различных военных сценариях. Интерактивные практические занятия, использование современных технологий и виртуальных платформ для обучения, а также акцент на практическом применении языковых навыков в реальных ситуациях – все это способствует углублению связи между языком и будущей профессией.

– Ролевые игры: В рамках обучения можно проводить симуляции военных ситуаций, где курсанты должны использовать иностранный язык для взаимодействия с виртуальными или реальными соперниками. Это помогает развивать навыки командной работы и принятия решений на иностранном языке.

– Аннотирование, реферирование и переводческая практика: Важной частью обучения может быть освоение специфической военной лексики и терминологии (язык приказов, документов, военных карт, тактико-технические характеристики единиц вооружения и др.), которая помогает курсантам лучше понимать и участвовать в профессиональных дискуссиях и коммуникации. Для освоения военной лексики отбираются аутентичные материалы технической, научной, научно-популярной направленности на иностранном языке.

– Социальное партнерство: Организация совместных проектов и мероприятий с высшими военными учебными учреждениями Росгвардии или других ведомств развитию коммуникативной компетенции и формированию военно-педагогической идентичности.

Таким образом, иностранный язык является важным элементом формирования военно-педагогической идентичности курсантов военных институтов Росгвардии. Он позволяет курсантам приобретать новые знания, общаться с коллегами и партнерами из других стран, исследовать культуру и историю различных народов. Изучение иностранного языка требует развития

навыков общения и слушания, что является важным аспектом в военной сфере, где эффективное взаимодействие и коммуникация имеют критическое значение. Эти аспекты могут внести вклад в формирование у будущих офицеров Росгвардии особой связи с военной профессией и понимания ее глубокого значения. Современные подходы к преподаванию и изучению иностранных языков, ориентированные на практический и профессиональный аспекты использования языка в военно-профессиональной сфере, демонстрируют его значимость для подготовки будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации, способных эффективно реагировать на вызовы современного мира и успешно выполнять задачи Росгвардии. Социокультурный, лингвистический и культурно-антропологический аспекты обучения иностранному языку способствуют более глубокому взаимопониманию и подготовке будущих офицеров Росгвардии для службы в современном мире. Все эти аспекты помогают курсантам не только овладеть языковыми навыками, но и интегрировать их в свою военно-педагогическую идентичность.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алехин И. А. К вопросу формирования профессиональных компетенций военных специалистов на основе тренажно-эргатической системы информационно-лингвистической подготовки // Мир образования - образование в мире. 2020. № 1(77). С. 85–95.
2. Барабанщиков А. В. Военно-педагогическая диагностика (Теория, опыт, проблемы). М. : Военный университет, 1995. 108 с.
3. Ванягина М. Р. Значение обучения иностранному языку в военных образовательных организациях высшего образования войск национальной гвардии // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 2(15). С. 7–12.
4. Исаева Н. Н. Модель педагогической системы формирования учебных коллективов курсантов образовательных организаций Росгвардии // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД РФ. 2022. № 1 (67). С. 123–126.
5. Лавреева М. С. Педагогические технологии воспитательной деятельности по формированию ответственности у курсантов в процессе иноязычного обучения в институтах войск национальной гвардии Российской Федерации // Актуальные вопросы образовательной деятельности войск национальной гвардии: сборник научных статей II Межвузовской научно-практической конференции, Саратов, 29 ноября 2022 года. Саратов: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2023. С. 87–94.
6. Слепов В. Я. О стилях педагогического общения преподавателя в процессе образовательной деятельности в военном вузе Росгвардии // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации : сб. науч. статей XII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 19 ноября 2020 года. Часть 2. Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2020. С. 275–279.
7. Шарухин А. П. Военная педагогика. Санкт-Петербург : Питер, 2017. 576 с.
8. Шарухина Т. Г. К вопросу о структурно-функциональном анализе педагогического творчества преподавателей в процессе профессиональноэтической подготовки курсантов военных институтов Росгвардии // Вестник НЦБЖД. 2023. № 2(56). С. 87–96.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ И СРЕДСТВА ИХ
ЭЛИМИНИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА АНДРЕЯ МАКИНА
«ФРАНЦУЗСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ»)

Статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем современной семиотики, связанных с изучением межкультурных и межъязыковых отношений двух обществ, занимающих в истории Европы значительное место, – России и Франции. В качестве предмета для изучения семиотической проблемы послужил роман А.Макина «Французское завещание», ставшей заметным явлением в культурной жизни Франции конца XX столетия.

На базе текста романа выявляются лексические и паралексические элементы, функция которых состоит в «символизации» русских культуры и менталитета в контексте русско-французских отношений. Это подвигло автора прибегнуть к теории этнографических лакун. В данном контексте используемая в статье лексема «степь» в полной мере сохраняет свой денотативный смысл, но в то же время включается в значительно более объемный метафорический образ, в котором представление о бескрайнем пространстве сливается с идеей мощи страны и даже широты русского характера.

Ключевые слова: этнографизмы; этнографические лакуны; лексема ‘степь’; интеркультурные и интертекстуальные компетенции; денотат; имплицитные культурные значения.

The article is devoted to one of the most urgent problems of modern semiotics, connected with the study of intercultural and interlingual relations of two societies that occupy a significant place in the history of Europe - Russia and France. The subject for the study of the semiotic problem is A. Makin's novel "The French Testament", which became a notable phenomenon in the cultural life of France at the end of the XX century.

On the basis of the text of the novel are identified lexical and paralexical elements whose function is to "symbolize" Russian culture and mentality in the context of Russian-French relations. The author resorts to the theory of ethnographic lacunas. In this context, the lexeme "steppe" used in the article fully retains its denotative meaning, but at the same time is included in a much larger metaphorical image, in which the idea of boundless space merges with the idea of the power of the country and even the breadth of the Russian character.

Key words: ethnographicisms; ethnographic lacunas; lexeme ‘steppe’; intercultural and intertextual competences; denotation; implicit cultural meanings.

Известно, что народы, принадлежащие различным культурам, по-разному воспринимают окружающий мир, глядя на него через призму собственных культурных ценностей. Это находит своё отражение в многообразии традиций, верований, норм и институтов, выступающих как признаки культурного различия, которое часто воспринимается как угрожающее, провоцируя таким образом реакции отторжения.

Именно таким долгое время было отношение к Андрею Макину, «*ce drôle de Russe qui se mettait à écrire en français*» ‘этот русский чудака, который осмелился писать на французском’ [5, p.313], прежде чем две престижные литературные премии – Гонкура и Медичи – не оценили по заслугам его автобиографический роман «Французское завещание», вознаграждая таким образом исключительную стойкость писателя, успевшего познать нищету и бесчисленные отказы издательств. Отказ в печатании был вызван отнюдь не

из-за литературных качеств романов писателя, но как раз из-за той самой «русскости» автора, который имел смелость претендовать на звание *écrivain français* ‘французский писатель’. Ведь чтобы иметь возможность публиковаться, А. Макин был вынужден придумывать фамилии несуществующих переводчиков своих произведений и нередко даже переводить их на русский самостоятельно, с тем, чтобы показать «оригинальную копию» издателя, этим ревностным хранителям монополии на «французскость».

Пример романиста показывает насколько поле литературы является сферой, где находят своё отражение конфликты всего общества, и прежде всего те, которые возникают на почве интеркультурных отношений. А. Макин, ввиду своего *malédiction franco-russe* ‘франко-русского проклятия’, оказался в эпицентре этих конфликтов. Отсюда интерес, который представляет его произведение в плане изучения коммуникации между двумя различными культурами – французской и русской, а также в плане изучения самой русской культуры в том виде, в котором последняя предстаёт в дискурсе поистине двуязычного и двухкультурного субъекта, каким является А. Макин. Ведь литературный текст не есть нечто, созданное *ex nihilo* ‘собственность автора’, а скорее *transposition spéciale de la langue de tous* ‘средство передачи информации для общего пользования’, посредством которого создаются и передаются мифы целого общества, делая его отличным от других. Специфика «Французского завещания», самого автобиографического из всех романов А. Макина, как раз и состоит в том, что русская культура представлена и интерпретирована в нём бикультурным индивидом на французском языке и для французов. Данное обстоятельство неизбежно ставит проблему отбора элементов русской культуры, которые являлись бы значимыми в глазах адресатов текста. В качестве второй проблемы выступает проблема лингвистических средств для эксплицирования этого культурного содержания, имея в виду трудности, которые появляются всякий раз, когда речь заходит о переносе семантического пространства своей собственной культуры на язык другой.

Приступая к выявлению и классификации элементов русской культуры, гипотетически присутствующих в творчестве Андрея Макина следовало бы начать с формальных признаков, которые позволяют нам постулировать присутствие в макиновском дискурсе подобных фрагментов «русскости» и без которых их выявление основывалось бы лишь на специфической интуиции каждого отдельного читателя. А так как основным признаком принадлежности к той или иной культуре является естественный язык [1, с. 12], частое появление в тексте элементов, в частности лексических и паралексических, заимствованных из иностранного языка должно рассматриваться как маркер «инородного» культурного присутствия. В то же время, тот факт, что эти заимствования воспринимаются читателем как таковые, зачастую основывается на авторских указаниях.

В первую очередь, когда речь идет о русских заимствованиях, которые называют экзотизмами или этнографизмами [2, с.55], их «русскость» легко узнаваема, логично следуя из функции этих лексем во французском языке,

которая заключается в том, чтобы символизировать (коннотировать) русскую культуру. Нужно только, чтобы этнографизмы были официализированы как таковые в лексической системе языка. Более того, в тексте романа эти русские этнографизмы чрезвычайно частотны, что, в сравнении с ограниченностью их употребления в контексте французской культуры является дополнительным маркером присутствия «чужого» социокультурного контекста (в данном случае, русского). Это прежде всего относится к многократному повторению на протяжении всего текста следующих слов: *steppe* (около 50 употреблений!), *isba*, *babouchka*, *vodka*, *tsar*, *chapka*, *telegue*, *datcha*, *koulak*, *bortsch*, *taiga*, *basmatch*, *kacha*, *intelligentsia*, *goulag* [5].

Эта функция маркера также осуществляется у А. Макина при помощи выделения курсивом некоторых окказиональных руссизмов, абсолютно неизвестных среднему французскому читателю: *derevnia*, *derevo* [5, p.38], *kholodets* [5, p.186], *technar* [5, p.123], *fortotchka* [5, p.203], *tsvetok* [5, p.244].

Однако, только что приведенные нами этнографизмы, коннотирующие «русскость» своей «чужой» формой, отнюдь не являются единственными указателями присутствия элементов русской культуры. Кальки с русских выражений, которыми пользуется автор, чтобы именовать реалии своей родной страны, могут в равной степени рассматриваться как руссизмы, являясь порой так же формально выделенными автором при помощи кавычек: «*surabondances architecturales*» ‘архитектурные излишества’, «*ennemi du peuple*» ‘враг народа’, «*élément bourgeois*» ‘буржуазный элемент’, «*dessouloir*» ‘вытрезвитель’, «*nouveau Russe*» ‘новый русский’ [5]. Впрочем, кавычки объясняются здесь и соображениями стиля, имея в виду тот факт, что приведенные выше выражения калькированы либо с номенклатурного «новояза», либо с разговорного языка.

Существуют и еще другие руссизмы, не маркированные ни графически, ни при помощи какого-либо «*traitement langagier*», ‘языковых средств’ [6]. Их распознавание основывается главным образом на интеркультурной (интертекстуальной) компетенции читателя, равно как от указаний металингвистического характера со стороны автора. Таковыми являются следующие выражения, обладающие в русском семантическом пространстве значительным «*poids culturel*» ‘культурным весом’ [7, p.228]: «*veste ouatée*» ‘телогрейка’, «*grand poêle*» ‘русская печь’, «*bottes de feutre*» ‘валенки’, «*verre à facettes*» ‘граненый стакан’, «*appartement communautaire*» ‘коммуналка’ [5]. Способность оных коннотировать «русскость» основывается таким образом на их экстралингвистическом денотате, или, иначе, на их лексическом фоне, который, как мы знаем, очень часто «*loin d'être explicite ni même explicitable*» ‘не только не выражаем, но и не выразим в принципе’ [7, p.83]. Так, в этом случае мы можем говорить о проблеме имплицитных культурных значений, без которых никакая коммуникация просто не может быть возможной и куда входят различные «*savoirs communs partagés*» ‘общеразделенные знания’ [7, p.83]. Последние составляют фундамент всякой культурной общности, и русской в частности. Тот факт, что некоторые из этих имплицитных культурных

знаний, которые стоят за теми или иными языковыми выражениями, различаются в контактирующих культурах составляет одну из главных проблем в интеркультурной коммуникации. Если так обстоит дело с реалиями, к которым отсылают приведенные нами руссизмы, а также другие выражения, в контексте русско-французских отношений, то тогда мы можем рассматривать эти выражения в качестве этнографических лакун. Адаптированные и перенесенные на французский язык, эти лакуны способны выполнять этнодифференцирующую функцию. При условии, конечно, что их культурная специфика не будет окончательно стерта путем компенсации, мало заботящейся о культурных различиях.

Для выявления некоторых элиминированных в тексте этнографических лакун, кажущихся нам особенно важными для понимания романа, мы решили проанализировать имплицитные культурные содержания некоторых слов и выражений, которые в русской культуре обладают сложной и богатой семантикой, сравнивая их с их потенциальными французскими «эквивалентами». Мы постараемся показать, что, в каждом случае такой «эквивалентности», понятия, которые на узко лингвистическом уровне могли бы показаться взаимно переводимыми, в реальности отражают весьма различные культурные представления; зачастую они даже представляют собой антагонистические концепции национального самосознания.

Steppe. В соответствии с французским словарным определением степь – это всего лишь «*vaste plaine à la végétation herbeuse et pauvre*» ‘обширная равнина со скупой растительностью’ [3, p.435]. Однако, культурное значение этого слова вряд ли исчерпывается подобным определением. Тема «степи» обладает в романе огромным символическим значением, неся в себе большую часть характеристик, обычно относящихся к «русской душе». Такая персонификация «степи», впрочем, частично мотивирована денотативным смыслом этого слова. *Vaste* ‘обширная’, она коннотирует **величие** и **размах** России, *immensité russe* ‘величие и размах’ [5, p.243], что прекрасно иллюстрирует следующий пример:

«Autour de nous s’étendait l’énorme empire, puisant un orgueil particulier de l’exploration de ce ciel insondable au-dessus de nos têtes. L’empire avec sa redoutable armée, avec ses brise-glace atomiques éventrant le pôle Nord, avec ses usines qui devaient bientôt produire plus d’acier que tous les pays du monde réunis, avec ses champs de blé qui ofurdoyaient de la mer Noire jusqu’au Pacifique... Avec cette steppe sans limite» ‘Вокруг простиралась гигантская империя, черпавшая особенную гордость в исследовании бездонного неба над нашей головой. Империя с её грозной армией, с её атомными ледоколами, взрезающими Северный полюс, с её фабриками, которые вскоре станут производить больше стали, чем все страны мира, вместе взятые, с её хлебными полями, колосющимися от Чёрного моря до Тихого океана... С этой бескрайней степью’. [5, p.32].

И тот факт, что слово «степь» часто сопровождается в тексте такими прилагательными как «russe» et «nos» отнюдь не результат случайных совпадений:

«*Je passais mes vacances chez ma grand-mère, dans cette ville aux abords de la steppe russe...*» ‘Я проводил каникулы у бабушки, в городе на краю русской степи...’ [5, p.17]; «*Comme ça, Charlotta Norbertovna, vous êtes toute seule ici, dans nos steppes*» ‘Выходит, вы тут совсем одна в наших степях, Шарлотта Норбертовна.’ [5, p.37], etc.

К теме «широты» часто добавляется другая тема – тема «бедности» (бесплодности, пустынности) и, соответственно, монотонности, бездеятельности и однообразности:

Dans la monotonie ensoleillée de la steppe, nous découvrons mille repères, des jalons qui nous devinrent vite familiers» ‘В солнечной монотонности степи мы обнаружили тысячу примет – вехи, скоро ставшие привычными’. [5, p. 264]; «*Charlotte chantonnait très lentement, en soupirant de temps en temps, laissant pénétrer entre deux strophes de sa récitation l’insondable silence de la steppe*» ‘Шарлотта напевала очень медленно, иногда вздыхала, пропуская между строфами своего речитатива неизмеримое молчание степей’. [5, p.252]; «*J’aurais évoqué l’air sec de la grande steppe qui distillait le passé dans sa transparence muette*» ‘Я описал бы им сухой воздух широкой степи, в безмолвной прозрачности которого кристаллизировалось прошлое’. [5, p.127], «*revenant à son sommeil des steppe derrière la Volga*» ‘Вновь погружившийся в степную дрему Заволжья’ [5, p.147], etc.

Выполняя этнодифференцирующую функцию, эта тема противопоставляется «многообразию» и «богатству» французской культуры:

«*Nous avons affaire à un peuple d’une fabuleuse multiplicité de sentiments, d’attitudes, de regards, de façons de parler, de créer, d’aimer*» ‘Мы имели дело с народом, отличавшимся сказочным многообразием чувств, поступков, взглядов, манеры выражаться, творить, любить’. [5, p.121].

То, что в первую очередь коннотируется образом степи - это пустое, необитаемое, невозделанное человеком пространство, иначе говоря **дикая и первобытная природа**.

«Степь» символизирует «кочевой дух» и «варварство», но также и «жизненную силу» непокоренной природы – все те черты, якобы свойственные русским. Они коннотируются у А. Макина постоянно сопровождающей «степь» темой «сильных ощущений»: огонь, жара, холод, пряные и сильные запахи и т.д.:

«*C’est là, au-dessus de l’obscurité glacée de la steppe, que je crus enfin comprendre ce que la France était pour elle*» ‘Там-то, над ледяной тьмой степи, я, кажется, понял наконец, чем была для нее Франция’. [5, p.293]; «*il semblait suspendu au-dessus de la brume chaude des steppes*» ‘Он, казалось, нависал над жарким маревом степей’. [5, p.27]; «*Avec cette senteur forte de la steppe...*» ‘С таким крепким степным запахом...’ [5, p.173]; «*Et sous le vent glacé des steppes...*» ‘Под холодным степным запахом...’ [5, p.38]; «*A l’horizon, un terrifiant incendie embrasait la steppe, la fumée allait bientôt éclipser le soleil...*» ‘На горизонте степь поджигало грозное пламя пожара, казалось, солнце вот-вот скроется в дыму...’ [5, p.41].

Впрочем, проанализированные выше коннотативные составляющие семантики «степи» одинаково принадлежат как русской культуре (дикая степь, голая степь), так и французской культуре: «*La monotonie des steppes sans fin étend son uniformité sur les esprits eux-mêmes; de plus, elle leur ouvre l'espace, les invite à changer un pays pour un autre qui lui ressemble, favorise les goûts vagabonds et nomades*» 'Монотонность бескрайних степей накладывает свое единообразие на умы людей; Более того, она открывает им новые горизонты, подвигает их к смене страны, которая напоминает прежнюю, содействует развитию вкуса к путешествиям и кочевой жизни' [4, р.396].

Итак, можно видеть, что русское слово «степь» оказывается непере-водимым никаким из его гипотетических французских эквивалентов, например, словом «*prairie*», последняя, по причине своей значительно большей сепени «очеловеченности», «окультуренности» являясь далекой о того, чтобы быть способной вместить в себя весь «*roids culturel*» первой лексемы.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бромлей Ю. В.. Этнознаковые функции культуры. – М., 1991. 224 с.
2. Мечковская Н. Б., Плотников Б.А., Супрун А.Е.. Общее языкознание. Сущность и история языка. – Минск, 1993. 287 с.
3. Dictionnaire de la langue française. Editions de la Connaissance. – P., 1995. С. 511. 4. Fouilleé, A. Esquisse psychologique des peuples européens. – P., 1903. 550 с.
5. Makine A.. Le testament français. – P., 1998. 344 с.
6. Odin R.. Cinéma et production de sens. – P., 1990. 285 с.
7. Vion R.. La communication verbale. Analyse des interactions. – P., 1992. 302 с.

О. А. Пантелеенко (Минск, Беларусь)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НАЗВАНИЙ УЛИЦ ИТАЛЬЯНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

В статье рассматривается языковое и культурное разнообразие названий улиц г. Аоста, который является административным центром билингвального итальянского региона Валле д'Аоста. В работе выявляются способы оформления названий улиц и устанавливаются мотивационные основы их наименования. Обнаруживается роль итальянского и французского языка в формировании структуры и содержания навигационных табличек. Определяются принципы наименования улиц с фиксацией антропонимических и топонимических основ как наиболее активных.

Ключевые слова: годонимы; мотивационная основа; французский язык; итальянский язык; антропонимы; топонимы.

The article examines the linguistic and cultural diversity of street names in the city of Aosta, which is the administrative center of the bilingual Italian region of Valley d'Aosta. The work identifies ways to design street names and establishes the motivational basis for their naming. The role of the Italian and French languages in the formation of the structure and content of navigation signs is revealed. The principles of naming streets are determined with the fixation of anthroponymic and toponymic bases as the most active.

Key words: godonyms; motivational basis; French language; Italian language; anthroponyms; toponyms.

Названия улиц, представляя собой фрагмент ономастикона города, дают ценные сведения об истории и тенденциях развития языка, отражают уникальный культурный опыт народа, что определяет актуальность данного исследования.

Цель работы состоит в выявлении лингвокультурологической специфики названий улиц итальянского города Аоста с учетом франко-итальянского билингвизма региона.

Аоста является административным центром итальянского региона Валле д'Аоста. Регион расположен на севере страны, имеет границы со Швейцарией и Францией. Располагаясь в альпийской долине, которая является связующим звеном между Аппенинским полуостровом и материковой частью, территория региона в ходе истории принадлежала различным государственным образованиям. Именно поэтому языковая ситуация здесь довольно пестрая: французский и итальянский являются государственными языками с 1948 г., наряду с ними в регионе функционируют франкопровансальский язык, горноалеманнский диалект немецкого языка, языки и диалекты диаспор. Аоста представляет собой самый крупный город региона с численностью населения около 30 000 человек – это почти четверть всех жителей Валле д'Аоста.

Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных филологов в области ономастики: И. А. Королевой [1], А. М. Мезенко [2], S. Micheli [3], G. V. Pellegrini [4], G. Raimondi [5] и др.; в области лингвокультурологии: В. В. Красных [6], В. А. Масловой [7, 8], А. М. Мезенко [2] и др.

В ходе работы использовался описательный метод с приемами наблюдения, фотофиксации, количественной обработки данных.

Объектом изучения являются топонимы – собственные наименования улиц. Языковой материал составили номинации г. Аоста, который является административным центром итальянского приграничного региона Валле д'Аоста. В ономастиконе города топоним считается видом урбанонима (т.е. названия внутригородского объекта).

Все единицы отобраны методом сплошной выборки из интернет-ресурсов, реестров, адресно-телефонных справочников. Выборка включает около 200 единиц.

Для достижения цели в работе устанавливаются особенности оформления топонимов и устанавливаются принципы их наименования.

Следует учитывать, что в итальянской традиции для оформления внутригородских объектов используются двучленные номинации, одной из составляющих которых является географический номенклатурный термин (*via, strada, viale, piazza* и др.). Отметим, что в итальянском языке с прописной буквы пишутся и собственно проприальный компонент, и термин-указатель (например, *Via Cesare Battisti*). Также в структуре топонима собственно ономастический, т.е. атрибутивный, компонент следует за номенклатурным.

Специфика указателей г. Аосты состоит в том, что довольно часто здесь указатели, кроме ономастического и номенклатурного компонентов включают дополнительные. Эти дополнительные компоненты представлены в виде текстов, раскрывающих мотивационную основу топонима и напоминающих историческое название улицы. Проиллюстрируем сказанное примерами.

Рис.1 – Указатель улицы *Via Edouard Aubert*

Указатель улицы на рис.1 содержит собственно ономастический элемент *Edouard Aubert* ‘Эдуард Обер’ и номенклатурный *via* ‘улица’. Кроме того, здесь указываются годы жизни (1814-1888), обозначается род деятельности человека, в честь которого названа улица – *pittore e scrittore* ‘художник и писатель’, – а также присутствует фрагмент, напоминающий историческое название улицы – *Rue du Marché Vaudan*.

Как видно из примера указатели улиц г. Аосты могут быть сформированы средствами французского и/или итальянского языков.

Отметим, что для одной и той же улицы могут быть созданы указатели и на французском, и на итальянском языках. Так, на рис. 2. Ономастический и номенклатурный элемент сформированы средствами итальянского языка, а на рис.3 – средствами французского языка.

Рис.2. – Указатель улицы *Via Porta Prætoria*

Рис.3. – Указатель улицы *Rue de la Porte Prétorienne*

Отметим, что историческое название улицы в обоих вариантах приводится на французском языке «*Rue Cité*». Это свидетельствует о значимой роли французского языка на этой территории в ходе исторического развития. До курса на италянизацию, который начался в регионе после объединения Италии в 1861 г. и после присоединения Валле д'Аоста к новому королевству, французский язык был доминирующим на территории альпийской долины. Отметим, что наиболее активный период италянизации, повлиявший на топонимастику долины, пришелся на 30-40-е гг. XX в.

Изучение принципов номинации улиц г. Аоста позволило установить, что в качестве их мотивационной основы могут выступать а) имена лиц; б) названия природных объектов; в) названия внутригородских объектов социальной важности; г) названия населенных пунктов. Характер номинации лег в основу классификации выборки исследования на группы.

Так, группа годонимов, мотивированная именами лиц, включает названия улиц, где собственно ономастический компонент обозначает представителей знати (*Via Claude d'Avise*), религиозной сферы (*Via Sant'Anselmo*, *Via Saint Bernard de Menthon*), поэтов и писателей (*Via Giosuè Carducci*, *Via Jean-Baptiste Serlogne*), участников различных военных действий (*Via Giorgio Elter*, *Via Capitano Jean-François Chamonin*) и т.д.

Группа годонимов, мотивированная природными объектами, включает названия улиц, где собственно ономастический компонент представлен топонимами: горами (*Via Monte Bianco*, *Via del Gran Paradiso*), их вершинами (*Via Mont Gelé*, *Via Fürgggen*) и пиками (*Via Grand-Tournalin*); холмами (*Viale Gran San Bernardo*), гидронимами – озерами (*Via Chamolé*), реками (*Via Dora Baltea*, *Via Piave*) и ручьями (*Via Chavanne*, *Via Evançon*, *Via Grand Eyvia*).

Группа годонимов, мотивированная внутригородскими объектами социальной важности, включает названия улиц, где собственно ономастический компонент указывает на производственные и хозяйственные объекты, места организованной торговли (*Ruelle des Fermes*, *Via dell'Antica Vetreria*); транспортную инфраструктуру населённого пункта (*Via Ponte Romano*, *Via Pont-Suaz*); объекты, представляющие культурно-историческую ценность (*Viale Conseil des Commis*, *Via Hôtel des Etats*); учреждения сферы образования (*Via del Collegio Saint-Bénin*, *Via della Scuola Militare Alpina*).

Группа годонимов, мотивированная населенными пунктами, включает названия улиц, где собственно ономастический компонент отсылает к поселениям и городам, которые находятся в пределах вальдостанской области (*Rue de Viseran*, *Strada de la Riondaz*), на территории Италии (*Via Roma*, *Via Torino*), за ее пределами (*Via Chambéry*, *Piazza Narbonne*, *Via Parigi*, *Via Sinaia*).

Следует отметить, что в годонимиконе г. Аосты обнаружены названия улиц, мотивированные растениями (*Rue de Myosotis*), традиционными играми (*Rue du Fiollet*), историческими событиями (*Corso XXVI Febbraio*, *Via I° Maggio*). Однако их количество незначительно, что не позволяет сформировать

ровать отдельные группы. В отличие от них наиболее многочисленными оказались группы, мотивированные номинациями лиц и природных объектов.

Таким образом, проведенное исследование топонимии приграничного итальянского г. Аосты позволяет сделать следующие выводы:

- при формировании названий улиц используется французский и/или итальянский язык, что отражает ситуацию официального билингвизма на территории региона;

- в указателях улиц как правило размещается дополнительный текст с историческим названием улицы обязательно на французском языке, что свидетельствует о важной роли, которую французский язык занимал на территории региона ранее;

- изучение принципов номинации позволило установить следующие мотивационные основы топонимии г. Аосты: имена лиц, названия природных объектов, названия внутригородских объектов социальной важности, названия населенных пунктов; при этом наиболее представлены в количественном аспекте названия улиц по именам собственным и топонимам.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Королёва И. А. Географические названия смоленско-витебского приграничья как обозначения объектов культурно-языкового ландшафта / И. А. Королёва // *Материалы для исследования культурно-языкового ландшафта смоленско-белорусского пограничья*. Вып. 1. Смоленск, 2014. С. 49–60.
2. Мезенко А. М. Имя внутригородского объекта в истории: об урбанонимах Беларуси XIV – нач. XX в. / А. М. Мезенко. Минск : Вышэйшая школа, 2003. 299 с.
3. Micheli S. Onomastica cinquecentesca ad Ancona. Profilo linguistico e culturale della città attraverso analisi di un repertorio di antroponomi / S. Micheli // *Nomina sunt...? L'onomastica tra ermeneutica, storia della lingua e comparatistica/ Atti delle giornate di studio (Venezia 3-4 marzo 2016)* Venezia Edizioni Ca' Foscari - Digital Publishing. 2016. P. 99–119.
4. Raimondi G. Antroponomia plurilingue: storia della lingua e storia delle identità. Un progetto di ricerca sull'onomastica personale familiare in Valle d'Aosta / G. Raimondi // *Education et sociétés plurilingues / Educazione e società plurilingui*. № 38: 2015. Pp. 15–24.
5. Revelli L. Toponimi e identità: la percezione dei parlanti valdostani / L. Revelli // *Education et sociétés plurilingues/ Educazione e società plurilingui*. № 35 : 2013. Pp. 15–27.
6. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В.В. Красных // *Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Зотов*. Вып. 19. М., 2001. С. 5–19.
7. Маслова В. А. Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины / В. А. Маслова, С. В. Николаенко ; М-во образования РБ, УО «ВГУ им. П. М. Машерова», Каф. общ. и рус. языкознания. Витебск : УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2011. 164 с.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208с.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЯВЛЕНИЯ «СТРЕСС» ЧЕРЕЗ НЕОЛОГИЗМЫ

В данной статье рассматриваются неологизмы, обозначающие стресс и способы борьбы с ним в англоязычном дискурсе. Анализируется специфика данного пласта лексики, проводится категоризация неологизмов в зависимости от когнитивно-прагматического аспекта. На примере англоязычных неологизмов рассматриваются: номинация явлений волнующих современных людей, изменение картины мира и ценностных приоритетов. Раскрываются понятия «стресс», «неологизм». Дается подробный семантический анализ ключевых лексем, при помощи которого раскрываются способы борьбы со стрессом.

Ключевые слова: неологизм; стресс; картина мира; семантика; интердискурсивность; антонимические пары; медицинский дискурс.

This article discusses neologisms denoting stress and ways to deal with it in the English discourse. The specificity of this layer of vocabulary is analyzed, the categorization of neologisms is carried out depending on the cognitive-pragmatic aspect. On the example of English-language neologisms, the following are considered: the nomination of the phenomena of exciting modern people, the change in the picture of the world and value priorities. The concepts of "stress", "neologism" are revealed. A detailed semantic analysis of key lexemes is given, with the help of which ways of dealing with stress are revealed.

Key words: neologism; stress; picture of the world; semantics; interdiscursivity; antonymic pairs; medical discourse.

Nonce (adj.) Термин, описывающий лингвистическую форму, которую говорящий сознательно изобретает или случайно использует в одном случае: «одноразовое» слово или «одноразовое» образование (которое может включать единицы большего размера, чем слово). Многие факторы объясняют их использование, например, говорящий не может вспомнить конкретное слово, поэтому придумывает альтернативное приближение, или обстоятельства вынуждают его создавать новую форму. Формы «одноразового использования» время от времени принимаются сообществом – и в этом случае они по определению перестают быть «одноразовыми» (формами, используемыми «на один раз») и становятся *неологизмами* [5, с. 329].

Лексический состав языка динамичен и меняется исторически в соответствии с новыми задачами коммуникации и практическим использованием языка. Существенной особенностью словарного состава является его непосредственная обращенность к явлениям действительности, поэтому именно в лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни, что неизбежно влечет за собой создание новых наименований [1, с. 27].

В данной статье рассмотрим неологизмы, номинирующие стресс, характеризующие попытки людей бороться с ним или нивелировать его последствия.

Стресс – сложное функциональное состояние организма, характеризующееся сдвигами в деятельности нейрофизиологических систем всех уровней: от психических процессов до гормоносекреции [4, с. 140]. В 30-50-е годы XX века Г. Селье разработал биологическую, или, как ее еще называют, физиологическую, теорию стресса, основное положение которой гласит, что стресс есть неспецифический ответ организма на любое предъявляемое ему тре-

бование [4, с.139]. Понятие об эмоциональном стрессе вводит Р. Лазарус. По его мнению, эмоциональный стресс связан с активизацией познавательной деятельности, посредством которой человек определяет для себя степень угрозы и сопоставляет возникающие трудности с собственными возможностями их преодоления [4, с.140].

Материалом исследования послужили неологизмы, взятые из современных лексикографических источников: Cambridge Dictionaries Online и Urban Dictionary.

Проведенный анализ позволил выделить следующие группы неологизмов.

Первая группа включает неологизмы, характеризующие неразрывную связь окружающего мира и человека.

Skychology [6] *the act of looking up at the sky, thought by some people to be good for your wellbeing* 'Некоторые люди считают, что смотреть на небо полезно для хорошего самочувствия'.

Soil bathing [6] *the practice of immersing your body in wet earth as a way of improving your mental health* 'Практика погружения тела во влажную землю как способ улучшения психического здоровья'.

Dirty wellness [7] *activities that involve being outside in nature and getting dirty, thought to be good for people's physical and mental health* 'Считается, что проводить время на природе, испачкаться полезно для физического и психического здоровья людей'.

Brown noise [6] *a type of sound that resembles a low rumble or the noise the sea makes, thought by some people to encourage sleep and relaxation* 'По мнению некоторых людей, звуки, напоминающие рокот или шум моря, способствуют сну и расслаблению'.

Green noise [6] *a mixture of sounds or electrical signals that resembles sounds heard in nature, such as waterfalls or rustling leaves, and is thought to help people to relax* 'Считается, что звуки или электрические сигналы, которые напоминают звуки природы, такие как шум водопада или шелест листьев, помогают людям расслабиться'.

Sound healing [7] *a type of meditation that involves listening to the human voice and different objects that produce sound* 'Тип медитации, который включает в себя прослушивание человеческого голоса и звуков, производимых различными объектами'.

Spiritual bath [7] *a ritual that involves having a bath to encourage wellbeing, with oils, herbs, flowers etc. added to the water and in a relaxing environment, for example with candles and soft music* 'Ритуал для улучшения самочувствия, который включает в себя ванну с добавлением в воду масел, трав, цветов и т. д. в расслабляющей обстановке, например, со свечами и тихой музыкой'.

В данной группе можно выделить ключевые лексемы и лексические пары: *sky – wellbeing; soil, earth – mental health; outside, nature – physical and mental health; noise the sea, rumble – relaxation; herbs, oils, flowers – wellbeing*.

Sky 'небо' «the expanse of air over any given point on the earth» 'пространство воздуха над землей'. *Earth* 'земля' «*soil, especially productive soil*» 'Почва, в особенности плодородная'. *Flower* 'цветок' «*a plant that blooms*» 'растение, которое цветет'. *Sea* 'море' «*the continuous body of salt water*

covering most part of the earth's surface» 'Соленая вода, покрывающая большую часть поверхности земли'. *Nature* 'природа' «the world of living things» 'мир живых существ'. *Wellbeing* 'Здоровье, благосостояние' «*the condition of being contented, healthy, successful*; «*welfare*» 'Состояние удовлетворенности, успешности, здоровья; благосостояния'. *Mental health* 'психическое здоровье' «*a state of emotional and psychological well-being in which an individual is able to use his or her cognitive and emotional capabilities, function in society, and the ordinary demands of everyday life*» 'Состояние эмоционального и психологического благополучия, при котором человек может использовать свои когнитивные и эмоциональные способности, функционировать в обществе и выполнять обычные требования повседневной жизни'. *Physical health* 'физическое здоровье' «*is the well-being of the body and the proper functioning of the organism of individuals*» 'Это хорошее самочувствие, правильное функционирование организма'.

Семантический анализ демонстрирует, что левый компонент этих лексических пар объединяет в себе представления о ресурсах природы, говорит о компонентах окружающего нас мира. А правый компонент – это лексические единицы, характеризующие благополучие человека.

Таким образом, подтверждается, что связь человека и природы очень прочная. Здесь звучит идея сознательного использования ресурсов природы для отдыха, восстановления сил и здоровья.

Еще в 1974 году Б. Марголис, В. Кроэс и Р. Куинн опубликовали статью «Трудовой стресс: незарегистрированная профессиональная опасность» [4, с.143]. Стресс оказывает положительное влияние на результаты труда лишь до тех пор, пока он не превысил определенного критического уровня. При превышении же этого уровня в организме развивается процесс гипермобилизации, который влечет за собой нарушение механизмов саморегуляции и ухудшение результатов деятельности, вплоть до ее срыва. Этот стресс, превышающий критический уровень, есть не что иное, как дистресс [2, с. 145].

Во вторую группу включены неологизмы, относящиеся к стрессовым ситуациям связанных с работой.

Rage applying [7] «*the activity of impulsively applying for several new jobs only because your present job is currently making you unhappy or angry*» 'Импульсивная подача заявления на несколько новых вакансий только потому, что ваша нынешняя работа делает вас несчастным или злым'.

Quiet thriving [6] «*the activity of making small changes to the way you work to help you feel happier and more fulfilled in your job*» 'Деятельность по внесению небольших изменений в то как вы работаете, чтобы помочь вам чувствовать себя счастливее и более удовлетворенным своей работой'.

Sunday scaries [6] «*a feeling of stress or anxiety experienced by someone on a Sunday before they have to go back to work the next day after the weekend*» 'Стресс или беспокойство, испытываемое человеком перед началом рабочей недели'. *Milestone anxiety* [7] «*a condition in which someone feels frightened or very worried because they have not achieved the same things in life as other people of the same age*» 'Состояние, при котором кто-то чувствует себя напуганным или очень обеспокоенным, потому что он не достиг в жизни того

же, что и другие люди того же возраста'. *Rage, unhappy, angry, scare, stress, anxiety, frightened, very worried* являются ведущими лексемами в данной группе. *Rage* «*violent, explosive anger*» 'яростный, взрывной гнев'. *Angry* «*feeling or showing anger*» 'чувствовать или демонстрировать гнев'. *Scare* «*sudden fear; alarm*» 'Внезапный страх, тревога'. *Anxiety* «*state of uneasiness and apprehension, as about future uncertainties*» 'Беспокойство и опасение из-за неуверенности в будущем'. *Worry* «*to feel uneasy or concerned about something*» 'беспокоиться о чем-то'.

Также в этой группе обращает на себя внимание антонимическая по левому компоненту пара: *rage applying – quiet thriving. Quiet* 'Покой, спокойствие, мир'. *Rage* 'Ярость, бешенство, гнев'. Здесь виден и «революционный» подход к решению вопроса, а именно, смена места работы, наличие множества вариантов, так и «эволюционный» путь – улучшение условий труда посредством легких, нерадикальных перемен. Выбор зависит от условий, уровня стресса и типа личности.

А пара *Sunday scares – milestone anxiety* интересна с точки зрения времени. Здесь очевидны переживания и страхи, связанные с вопросами времени. Это могут быть короткие периоды, например, дни, недели или же целые этапы жизни, например, годы, десятилетия...

Анализируя данные неологизмы, становится ясно почему набирает такую популярность дауншифтинг, почему так много последователей философии «замедления». Или же нужно следовать совету Конфуция: «Выбери себе работу по душе, и тебе не придется работать ни одного дня в своей жизни». Но и в том, и в другом случае необходимо сначала найти путь к себе, понять себя, отринуть оценочные реалии окружающего мира и ненужные сравнения.

В следующую группу включены неологизмы, характеризующие явления, созданные самим человеком с целью нивелирования последствий стресса.

Mind gym [б] «*a place or club where you can go to do classes and have treatments that improve your mental health*» 'Место или клуб, где вы можете упражняться и улучшать свое психическое здоровье'. *Dopamine decor* [б] «*the trend of using bright colours and patterns when decorating and furnishing your home to make you happier and improve your mental health*» 'Использование ярких цветов в интерьере дома, чтобы сделать вас счастливее и улучшить психическое здоровье'. *Hipstoric* [б] «*a way of decorating your home where old furniture, ornaments etc. are combined with a modern style. Combining old with new, this popular eclectic aesthetic is an easy way to add a unique and personal touch to the home and infuse it with a sense of nostalgia*» 'Дизайнерское решение для дома, где старая мебель, украшения и т. д. сочетаются с современным стилем. Сочетание старого с новым, эта популярная эклектичная эстетика, – простой способ добавить уникальность и индивидуальность дому и наполнить его чувством ностальгии'. *Wearapy* [б] «*the activity of wearing particular clothes as a form of therapy, with the clothes chosen to make the wearer feel happy or comforted etc*» 'Ношение определенной одежды в качестве формы терапии, при этом дается предпочтение одежде,

которая дает человеку ощущение счастья и комфорта'. *Scream pot* [6] «*a type of clay pot that you can scream into as a way of releasing negative emotions such as anger and frustration*» 'Глиняный горшок, в который вы можете кричать, чтобы выпустить негативные эмоции, такие как гнев и разочарование'. *Rage room* [7] «*room where people can pay to smash up objects with the aim of feeling less stressed afterwards*» 'Комната, где за определенную плату люди могут разбивать предметы. Это помогает снять стресс'. *Stealth help* [7] «*a type of book that uses a story or an account of someone's experience to inspire its readers to achieve goals and overcome problems*» 'Книги, описывающие жизнь или опыт других людей, вдохновляющие читателей или созданные для помощи в преодолении проблем'.

Ключевые лексемы в этой подгруппе: *treatment, improve, relaxation, bright colours and patterns*, следствие данных действий *mental health, make you happier, sense of nostalgia, relaxation, achieve goals, overcome problems, to inspire*. Как видим, комфортные места, уют дома, имитация природных явлений, теплые и милые дизайнерские решения помогают побороть растущее напряжение.

Особый интерес представляет в данной группе фраза *Dopamine decor*. Дофамин – это нейромедиатор. Депрессивные состояния часто связаны со снижением в нервных клетках содержания дофамина и норадреналина. Гиперсекреция дофамина в височной доле мозга наблюдается при шизофрении. Недостаточность дофамина в черной субстанции мозга приводит к болезни Паркинсона. Это одна из самых распространенных неврологических болезней (частота встречаемости 1:200 среди людей старше 60 лет) [3, с. 274]. Эти примеры свидетельствуют о том, что данная лексема из медицинского дискурса, является темой серьезных научных работ в области медицины, но люди, даже не имеющие отношения к медицине, сегодня осведомлены о роли дофамина, серотонина и т.д. Возможно, это связано с повышением уровня стресса, фобий и желанием преодолеть их.

Акцент на яркие цвета и наличие колоративов (*green noise*) также демонстрируют разные способы решения проблемы.

И отдельно выделен неологизм, подчеркивающий важность связи с самим собой. Это показывает, как важно доверять себе, своим чувствам.

Sensehacking «*the activity of stimulating all five senses in order to become happier and healthier*» 'Деятельность по стимуляции всех пяти органов чувств, чтобы стать более счастливым и здоровым' [7].

Таким образом, проведя анализ неологизмов, связанных со стрессом, характеризующих его, можно выделить ключевые моменты: 1) большая скорость прироста неолексик в данной области это признак высокого уровня стресса и проблем связанных с ним; 2) интердискурсивность (экологический дискурс, медицинский дискурс...) также указывает на предыдущий пункт; 3) умение бороться со стрессом доказано неологизмами, призванных нивелировать его. Следовательно, анализируя специфику данного пласта лексики, проводя категоризацию неологизмов в зависимости от когнитивно-прагматического аспекта, раскрываются современная картина мира и ценностные приоритеты современного человека и обосновывается важность исследовательской работы в этой области.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Катермина В. В. Политическая неонимация в массмедийном дискурсе // Журнал политическая лингвистика. 2016. С. 27–33.
2. Котик М. А. Психология и безопасность: монография по психологии труда. Таллин: Валгус, 1989. 448 с.
3. Северин Е. С., Алейникова Т.Л., Осипов Е.В., Силаева С.А. Биологическая химия: учебник. М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2008. 364 с.
4. Юнусова С. Г., Розенталь А.Н., Т.В. Балтина Т.В. Стресс. Биологические и психологические аспекты // Ученые записки казанского государственного университета Том 150, кн. 3. Гуманитарные науки. 2008. С. 139–150.
5. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics 6th edition. Blackwell Publishing, 2008. 529 с.
6. Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (дата обращения: 20.04.2023)
7. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 20.04.2023).

М. Н. Романкевич (Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ ТИПОВОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ ЗООНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности словообразовательной парадигмы зоонимов во французском языке. Анализ дериватов показал, что во французском языке в словообразовании от зоонимов задействованы только несколько способов образования; не используется префиксальный и суффиксально-префиксальный способ. Вместе с тем аналитический строй французского языка обусловил распространенность лексико-семантического, неморфологического способа словообразования не только для образования метафорических номинаций, но и для дериватов от зоонима в прямом значении. Кроме того, структурные ограничения в словообразовании ярко проявляются в группах экзотических животных.

Ключевые слова: зооним; словообразование; словообразовательные модели; семантическая деривация; дериваты.

The article examines the features of the word-formation paradigm of zoonyms in the French language. The analysis of derivatives showed that in the French language, only several ways of formation from zoonyms are involved; the prefixal and suffixal-prefixal ways are not used. At the same time, the analytical structure of the French language has led to the prevalence of non-morphological method of word formation not only for the formation of metaphorical nominations, but also for derivatives in the direct meaning. In addition, structural limitations in word formation are clearly manifested in groups of exotic animals.

Key words: zoonym; word formation; models; semantic derivation.

Для каждой лексико-семантической группы слов характерны определенные правила образования новых слов, которые обусловлены не только лингвистическими (принадлежность к определенной части речи, производность/непроизводность слова и др.), но и экстралингвистическими (степень знакомства, социальная значимость объекта и др.) факторами. Так, полнота словообразовательной парадигмы конкретного зоонима зависит в первую очередь от того, называет он дикое или домашнее животное,

экзотичность животного в данной стране, значимость для жизнедеятельности человека (хозяйственно или промышленно важное) и т.п., т.е. актуальность единицы для общества, употребительность данной номинации в разных контекстах. Как отмечает Е. А. Земская «воздействие лексики на характер словообразовательных парадигм весьма значительно» [1, с. 72].

Изучение типовых словообразовательных парадигм зоонимов русского языка ведется довольно активно: так, в своих работах Е. В. Дерюгина анализирует словообразовательную парадигму зоонимов русского языка, определяя типы отношений между производными и производящими, рассматривает морфологическую и семантическую деривацию на примере зоонимической лексики; в диссертационном исследовании А. В. Моргун также изучается словообразовательная активность зоонимов русского языка и предлагается типовая словообразовательная парадигма. Отдельно изучение словообразовательной парадигмы зоонимов французского языка не проводилось на постсоветском пространстве.

Традиционно под словообразовательной парадигмой понимается совокупность словообразовательных единиц от одного производящего слова [2, с. 54]. Будучи абстрактным образцом, типовая парадигма создается на основе объединения данных конкретных парадигм и позволяет «абстрагироваться от капризов лексики и узуса, от многообразия средств выражения одного и того же словообразовательного значения» [3, с. 121]. Типичный (регулярный) способ образования производных слов от зоонима можно представить на примере следующих цепочек: *медведь – медведица – медвежонок – медвежатник – медвежатина* и т.д.; *свинья – свинка – свинина – свинарник – свинарка – свинячий – насвинячить* и т.п. В русском языке к типовым дериватам, образованным от зоонима, относят следующие единицы:

- 1) номинация самки;
- 2) номинация детенышей;
- 3) названия помещений для животного;
- 4) названия лица, связанного по роду занятий с животным:
 - а) любитель определенного вида животных,
 - б) тот, кто заботится о животном,
 - в) тот, кто охотится на животное;
- 5) названия продукта, получаемого от животных (в частности, мяса);
- 6) название предметов, приспособлений по данному зоониму;
- 7) уменьшительные или увеличительные наименования животного [4].

Наряду с деривацией по типу «имя существительное – имя существительное», типичными являются образования прилагательных (атрибуция по названию животного), наречий (обозначение предикатного признака), глаголов (обозначение действий по названию животного), а также лексико-семантическое словообразование для характеристики лица [Там же].

Как видим, типовые словообразовательные парадигмы коррелируют с реальными действиями, явлениями и ситуациями, связанными с животными. Вполне логично, что тесная связь зоонимов с жизнью общества объясняет

в определенной мере неравномерности словообразования. Вместе с тем, наполнение типовых парадигм неодинаково и зависит от многих факторов, а наличие незаполненных мест в словообразовательном гнезде непредсказуемо по словам Е. С. Кубряковой и П. А. Соболевой [5, с. 17]. Так, в русском языке можно перечислить следующие виды мяса: *баранина, свинина, конина, козлятина, зайчатина, крольчатина, оленина, лосина, медвежатина, верблюжатина, курятина, утятина, гусятина*; открытыми остаются места, например, для названий мяса морских свинок, крокодила, черепахи, лягушек, кенгуру и др., хотя многие путешественники ели мясо этих животных в экзотических странах.

Во французском языке встречаем *du boeuf* 'говядина', *du porc* 'свинина', *de l'agneau* 'мясо ягненка', *de la chèvre* 'козлятина', *du cochon* 'свинина', *du veau* 'телятина', *du lapin* 'крольчатина', *du cheval* 'конина', *du mouton* 'баранина', *du canard* 'мясо утки', *du cerf* 'оленина', *du lièvre* 'зайчатина', *du sanglier* 'кабанина', *du chevreuil* 'оленина', *du requin* 'мясо акулы', *du chien* 'собачатина', *de la baleine* 'мясо кита', которые образованы путем семантической деривации, а также имеют грамматический маркер – частичный артикль *du/ de la/ de l'*, который используется перед неисчисляемыми существительными, чтобы указать на определенную часть вещества. В отличие от русского языка, где неузуальная форма требует использования слова «мясо», во французском языке его функцию выполняет частичный артикль.

Вместе с тем строй языка – аналитический или синтетический – определяет распространенность морфологической или семантической деривации. Так, если в русском языке отмеченные выше деривационные модели реализуются путем морфологического словообразования: например, *кот – кошка – котенок – кошатник* (во французском языке наблюдаются словообразовательные цепочки разной длины: *chat* 'кот' – *chatte* 'кошка' – *chaton* 'котенок' – *chatonner* 'напевать / окотиться' и *loup* 'волк' – *louve* 'волчица' – *louveteau* 'волчонок' и др.), то во французском языке часто видим семантическую деривацию. Например, *boeuf* 'бык' – *boeuf* 'бык = сильный человек' – (*du*) *boeuf* 'говядина' – *boeuf* 'колоссальный, удивительный'.

Выявленные деривационные модели в области русской зоонимики характерны и для французского языка, однако актуализация деривационной имеет свои особенности:

Что касается первой модели «название самца животного – название самки», она может быть реализована следующими способами:

а) образование деривата от производной формы с использованием регулярных нормативных аффиксов (в частности, добавление –е и при необходимости удвоение конечной согласной –п существительных перед –е): *le chien – la chienne* 'собака – сука', *le lion – la lionne* 'лев – львица', *le renard – la renarde* 'лиса – лисица', *l'éléphant – l'éléphante* 'слон – слониха' и др.;

б) образование деривата по особой словообразовательной модели типа *l'âne – l'ânesse* 'осел – ослица', *le tigre – la tigresse* 'тигр – тигрица', которая вместе с тем уже закреплена в системе французского языка (ср. *prince – princesse* 'принц – принцесса', *maître – maîtresse* 'хозяин – хозяйка');

в) использование супплетивных форм для обозначения женского пола животного: *le bouc – la chèvre* ‘козел – коза’, *le boeuf – la vache* ‘бык – корова’, *le taureau – la jument* ‘конь – кобыла’, *le jars – l’oie* ‘гусак – гусь’, *le lièvre – la hase* ‘заяц – зайчиха’, *le coq – la poule* ‘петух – курица’ и др.

Вместе с тем для большинства зоонимов категория грамматического рода асемантична: во французском языке существует только одна словоформа для обозначения вида животного, а в словарной дефиниции нет указания на биологический пол животного. К числу таких зоонимов можно отнести обозначения пресмыкающихся (reptiles) типа *le lézard* ‘ящерица’, *l’iguane* и др.; насекомых (insectes) типа *la sauterelle* ‘кузнечик’, *le pou* ‘вошь’ и др.; ракообразных (crustacés) типа *la langouste* ‘омар’, *l’écrevisse* ‘рак’ и др.; моллюсков (mollusques) типа *la seiche* ‘каракатица’, *le calmar* ‘кальмар’ и др.; рыб (poissons) типа *la sardine* ‘сардина’, *le saumon* ‘лосось’ и др.; змей (serpents) типа *le python* ‘питон’, *le cobra* ‘кобра’, *le boa* ‘удав’ и др. [6, с. 76–77]. При необходимости обозначить пол, это происходит аналитически, т.е. вне имени – с помощью слов *mâle/femelle* или артикля.

Образование номинаций детенышей часто происходит благодаря добавлению аффикса –eau, как например, *la louve* ‘волчица’ – *le louveteau* ‘волчонок’, *le renard* ‘лиса’ – *le renardeau* ‘лисенок’, *la vipère* ‘гадюка’ – *le vipéreau* ‘молодая гадюка’, *la baleine* ‘кит’ – *baleineau* ‘китенок’, *le serpent* ‘змея’ – *le serpenteau* ‘змееныш’, *la carpe* ‘каarp’ – *le carpeau* ‘малек карпа’, *la couleuvre* ‘уж’ – *le couleuvreau* ‘уженок’ и др. Наличие другой модели – менее продуктивной – образования номинаций детенышей при помощи аффикса –on в следующих случаях *aigle – aiglon, aiglonne, chat – chaton* обусловила вариативность образования следующей номинации детеныша: *le girafon = le girafeau* ‘petit de la girafe’. В отдельных случаях встречаются супплетивные формы типа *le veau* ‘le petit de la vache et du taureau’, *le faon* ‘le petit de la biche’ [7]. Однако большинство зоонимов не имеют отдельной формы для номинации детеныша, а образуют ее аналитически при помощи структуры *le petit de*.

Отмеченные в русском языке группы названий лица, связанных по роду занятий с животным (любитель определенного вида животных; тот, кто заботится о животном; тот, кто охотится на животное), во французском языке слабо представлены: так, в отношении первой подгруппы используется аналитический способ при помощи словосочетания типа *amateur de chiens* ‘любитель собак / собачник’; во второй подгруппе имеется несколько дериватов (*la porchère* и *le porcher* ‘свинарка/свинопас’, *le vacher* ‘скотник’, *le berger* ‘пастух’, образованных с помощью аффикса –er, традиционно используемого при образовании названий профессий); для третьей подгруппы также свойственно объяснение при помощи словосочетания. Следует отметить, что количество дериватов для данной семантической модели ограничено.

От отмеченных выше дериватов можно образовать названия помещений для животного при помощи аффикса –ie: *la porcherie* ‘свинарник’, *la vacherie* ‘коровник’, *la bergerie* ‘овчарня’, *la chèvrerie* ‘хлев для коз’. К тому же, имеет

место несколько названий образованных по другой модели (*le poulailler* ‘птичник’) или супплетивной формы (*le chenil* ‘псарня, конура’). Как и описанная выше группа дериватов, последние единичны.

Отзоонимичные глаголы создаются, как правило от метафорических номинаций, т.е. зооморфизмов как номинаций человека, которому свойственно определенное качество, и означают психическое и физическое состояние человека (*reneider* ‘быть недовольным, жаловаться’) или характеризуют действие (состояние) человека (*se bichonner* ‘прихорашиваться’, *lapiner* ‘часто беременеть’, *dindonner* ‘обманывать’, *cochonner* ‘пачкать, портить’, *papillonner* ‘порхать’, ‘крутиться вокруг женщин’, ‘быть поверхностным’, *pigeonner* ‘обманывать’). Глагольный аффикс *-er* нейтрален: глаголы образуются по модели образования глаголов 1 группы.

В отличие от русского языка выражение категории притяжательности посредством словообразовательных морфем (типа *собачий, кошачий, слоновья* и др.) французскому языку не свойственно. Во французском языке образуется аналитическим путем: номинация животного вводится предлогом *de* после слова, к которому оно относится: *queue de chat* ‘кошачий хвост’, *froid de chien* ‘собачий холод’ и др. как в метафорическом, так и в прямом значениях.

Подводя промежуточный итог, отмечаем, что образование деривата зависит скорее от внелингвистических факторов, а не языковых: все исходные единицы принадлежат одной части речи (имя существительное), являются непроеводными (ср.: наличие название того, кто заботится о животном, определяет возможность образования помещения, где находится животное), относятся к одному тематическому классу. Значимость животного для человека (хозяйственно или промышленно важное) определяет наличие дериватов, обозначающих: а) самку и детенышей, б) тех, кто заботится о животном, в) помещения, где находятся эти животные. Вторым важным фактором является отнесенность животного к диким или домашним, степень знакомства с животным также важно в деривационном плане. Реализация лексико- семантического словообразования для характеристики лица, т.е. образование зооморфизмов, определено культурно-исторической традицией.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения I-VIII. М., 1978. С.71–75.
2. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М. : Либроком, 2009. 224 с.
3. Манучарян Р. С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках : учеб. пособие для филол. фак. вузов. Ереван : Луйс, 1981. 314 с.
4. Плотникова Г. Н. Существительные со значением лица, образованные от названий животных. 2015. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/45166/1/rl_2015_11.pdf (дата обращения: 20.11.2023).
5. Кубрякова Е. С., Соболева П. А. О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1979. С. 5–23.
6. Романкевич М. Н. Способы выражения семантического признака пол в зоонимах французского языка // Весці БДПУ. Серыя 1. 2021. № 1. С. 75–78.
7. Le petit Larousse. Paris: Larousse, 2003. 1818 p.

РАЗРАБОТКА МЕТОДА ГЕНЕРАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОРПУСА ИНСТРУМЕНТАМИ ОБРАБОТКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА – ХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЕКТА

Описываются этапы выполнения международного проекта временного научного коллектива Минского и Московского государственных лингвистических университетов в рамках 2023-го календарного года. Отдельное внимание уделяется предпосылкам исследования, созданным участниками коллектива несколькими годами ранее. Формулируются предварительные результаты, позволяющие говорить об успешности проекта и обрисовываются перспективы для дальнейшей работы.

Ключевые слова: лингвистический корпус; обработка естественного языка; автоматическая генерация; авторское программное обеспечение; художественная литература; интерпретация текста; русский язык; английский язык; немецкий язык.

The stages of the international project by the research team of Minsk and Moscow State Linguistic Universities in 2023 are described. Special emphasis is placed on the research premises stated by the team members some years earlier. Preliminary results are formulated to indicate the success of the project and prospects for further work are outlined.

Key words: linguistic corpus; natural language processing; automatic generation; special software; fiction; text interpretation; Russian language; English language; German language.

В январе 2023 г. совместным коллективом Минского и Московского государственных лингвистических университетов была начата реализация международного научно-исследовательского проекта «Разработка метода генерации лингвистического корпуса инструментами обработки естественного языка» (№ государственной регистрации 20230455 от 12.04.2023). Научно-исследовательская работа, выполняемая по договору №13/2023 преследует цель определить в рамках корпусного подхода оптимальный с точки зрения достоверности и универсальный метод интерпретации художественных произведений, который позволит извлекать данные для моделирования пространственно-временной и качественной структур произведения, установить черты идиостиля автора.

Задачами исследования являются:

- 1) определить параметры интерпретации художественных произведений, а именно установить параметры художественной реальности произведения;
- 2) определить тип создаваемого лингвистического корпуса, необходимого для исследования заданных параметров;
- 3) отобрать подходящие программные решения, которые определяют не только скорость обработки данных, что немаловажно при объемах современных лингвистических корпусов, но и достоверность получаемых результатов;
- 4) осуществить предварительную апробацию разрабатываемого метода.

Научно-практический задел для работы был сформирован несколькими годами ранее. В частности, были разработаны алгоритмы анализа пространственно-качественной характеристики художественного произведения на основе частотного анализа и мысленной интерпретации текста [1, с. 45–46]. Далее, данные и сходные алгоритмы были дополнительно успешно апробированы на материале текстов романа Ф. Кафки и его перевода (немецкий и русский языки) [2] и рассказов Дж. Лондона (английский язык) [3].

В 2022 г. также был определен тип лингвистического корпуса, позволяющий проводить исследования произведений художественной литературы: «письменный одноязычный (русский, немецкий, английский языки) литературный художественный исследовательский статический неразмеченный полнотекстовый синхронический корпус» [4, с. 205].

В лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета было проведено экспериментальное моделирование базы данных для лингвистического корпуса, которое позволило принять решение в пользу таких программных инструментов, как библиотека обработки естественного языка spaCy и база данных SQL [5]. В качестве «запасного» варианта было обозначено использование базы данных формата XML [6].

Указанный научно-практический задел позволил выйти в 2023 г. на стадию непосредственной программной реализации разработанных экспериментальных моделей.

На сегодняшний момент мы можем констатировать, что полностью выполнены первые три задачи проекта:

1) среди параметров интерпретации художественного произведения отмечены пространственно-качественная характеристика, темпоральная и модальная характеристики, которые активно участвуют в построении художественной реальности произведения. Кроме того, важно обратить внимание на речевой портрет персонажей и способы его реализации в тексте, а также на особенности языка того или иного писателя в принципе для создания формальной модели его идиостиля;

2) лингвистический корпус определен как письменный одноязычный литературный художественный исследовательский статический неразмеченный полнотекстовый синхронический корпус. При оценке качества перевода художественного произведения параметр «одноязычный» может быть заменён на «параллельный»;

3) важным достижением исследовательского коллектива стало создание стабильной бета-версии программного комплекса, состоящего из программы-генератора корпуса и графического интерфейса корпусного менеджера [7, с. 1617–1618], а также функций обработки запросов к базе данных (см. рисунок 1):

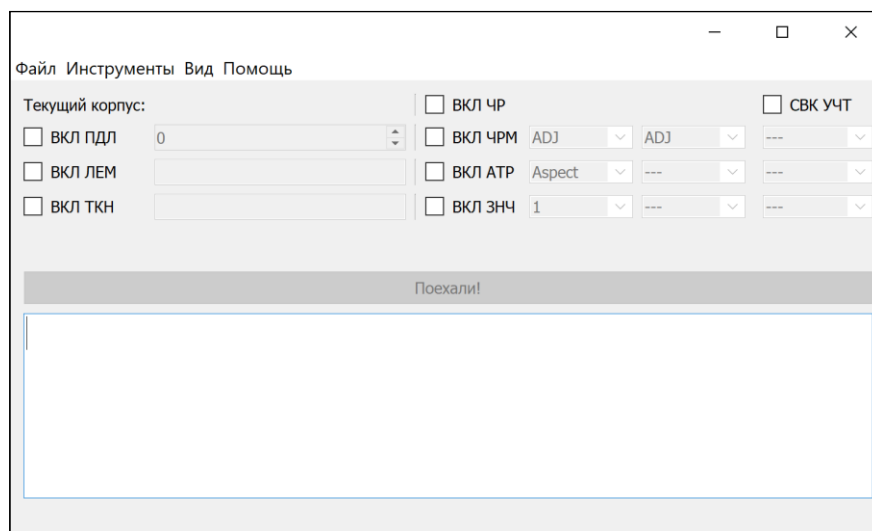

Рисунок 1.

Графический интерфейс пользователя текущей версии корпусного менеджера.

Подчеркнем, что лингвистический корпус создается нами полностью в автоматическом режиме, т. е. без необходимости размечать тексты вручную, тогда как часто «построение полностью размеченного текстового корпуса представляет собой довольно сложный процесс, требующий усилий многих людей» [8 с. 97]. Таким образом, какой-то степени снимается проблема сложности построения лингвистического корпуса.

Приведём ниже примеры результатов вывода базовых запросов для демонстрации некоторых возможностей корпусного менеджера.

Пример 1. Запрос по лемме, т. е. по исходной словоформе парадигмы. Материалом служит сбалансированный корпус текста романа А. К. Дойла “The Lost World” («Затерянный мир»), который насчитывает 4377 предложений и 89873 токена. При этом выводятся все предложения, содержащие заданную лемму, вне зависимости оттого, какая это словоформа. Здесь поиск по лемме “go” (идти) находит словоформы “go”, “went”, “gone” и пр. Приводится номер предложения и его полный текст (см. рисунок 2):

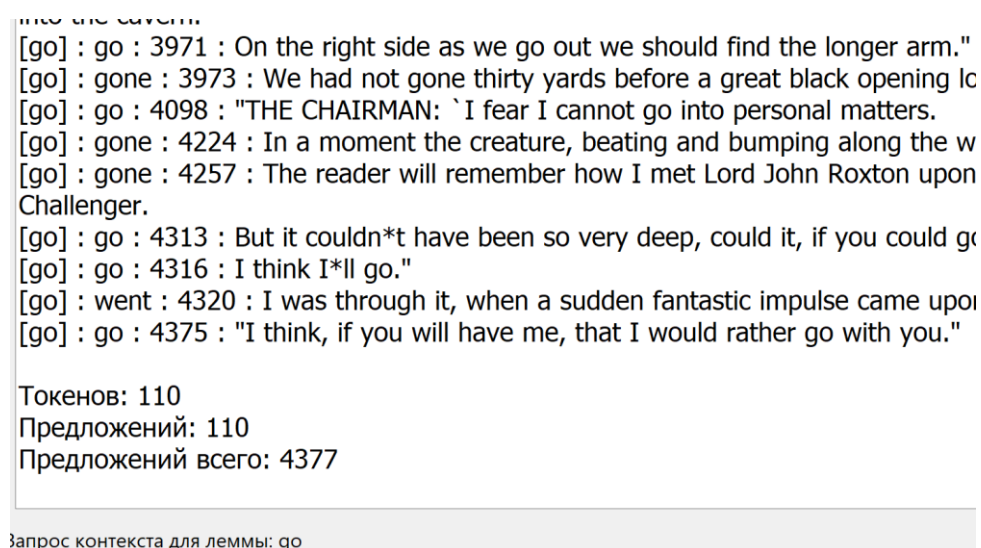

Рисунок 2.

Часть вывода по запросу леммы “go”

Пример 2. Вывод частотного списка определенных частей речи, от самой часто употребительной леммы к самой редкой и с указанием количества ее употреблений в корпусе. Материалом служит уже упомянутый роман А. К. Дойла (см. рисунок 3):

1. great : 177
2. other : 92
3. good : 86
4. last : 86
5. little : 85
6. own : 74
7. more : 73
8. young : 73
9. first : 73
10. strange : 64
11. long : 61
12. such : 59
13. large : 57
14. whole : 55
15. same : 54
16. old : 54
17. huge : 51
18. high : 51
19. many : 47
20. full : 45

Рисунок 3.

Начало частотного списка прилагательных

Этот список уже позволяет получить самое общее представление о качественных характеристиках художественного произведения.

Для завершения работ по проекту остается провести серию экспериментов, направленных, во-первых, на получение качественных и количественных данных о тексте, преобразованном в базу данных, а во-вторых, на проверку правильности работы программного комплекса.

На наш взгляд, исследование имеет большой потенциал и может быть продолжено дальше – как на материале произведений художественной литературы, так и на материале текстов других жанров.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Горожанов А. И. Прикладные аспекты анализа и интерпретации текстов (на материале немецкого и русского языков) // А.И. Горожанов, И.А. Гусейнова. Казань Бук, 2021. 208 с. ISBN 978-5-00118-759-2. EDN UNZHVK.
2. Горожанов А. И. Инструментарий автоматизированного анализа перевода художественного произведения / А. И. Горожанов, И. А. Гусейнова, Д. В. Степанова // Вопросы прикладной лингвистики, 2022а. № 45. С. 62-89. DOI 10.25076/vpl.45.03. EDN IWBHQI.

3. Горожанов А. И. Стандартизированная процедура получения статистических параметров текста (на материале цикла рассказов Дж. Лондона "Смок Белью. Смок и Мальш") / А. И. Горожанов, И. А. Гусейнова, Д. В. Степанова // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2022б. № 4(119). С. 7-13. EDN PXAVUX.
4. Горожанов А. И. Интерпретация художественного произведения: корпусный подход / А. И. Горожанов, Д. В. Степанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022а. Т. 15, № 1. С. 203-208. – DOI 10.30853/phil20220020. EDN TCZLAF.
5. Горожанов А. И. Экспериментальное моделирование базы данных сбалансированного лингвистического корпуса / А. И. Горожанов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3382-3386. DOI 10.30853/phil20220563. EDN JHBAVG.
6. Горожанов А. И. Составление сбалансированного корпуса художественного произведения (на материале романов Ф. Кафки) / А. И. Горожанов, Д. В. Степанова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022б. № 7(862). С. 31-37. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_31. EDN QGIEAQ.
7. Горожанов А. И. Создание лингвистического корпуса на основе инструментов обработки естественного языка: планирование программных решений / А. И. Горожанов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 5. С. 1616-1620. DOI 10.30853/phil20230252. EDN BHZCSE.
8. Глазкова А. В. Формирование текстового корпуса для автоматического извлечения биографических фактов из русскоязычного текста / А.В. Глазкова // International Journal of Open Information Technologies. 2019. Т. 7, № 1. С. 97-103. EDN YSKGWL.

Н. М. Токаревич (Минск, Беларусь)

НЕОЛОГИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ КАК СОВРЕМЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается новая лексика, вошедшая в словарь Ларусс в 2023 году, факторы, влияющие на появление неологизмов во французском языке и тематическую принадлежность неологизмов вследствие контактов с другими языками. Количество неологизмов и их тематическая принадлежность во многом определяются их ролью в социуме. Отмечается, что основными генераторами неологизмов являются как традиционные, так и новые средства массовой информации, включая социальные сети, а также живой разговорный язык.

Ключевые слова: неология, неологизмы; заимствование; англицизмы; пополнение словарного состава; словарь Ларусс.

The article discusses the new vocabulary included in the Larousse dictionary in 2023, factors affecting the emergence of neologisms in French and the thematic affiliation of neologisms due to contacts with other languages. The number of neologisms and their thematic affiliation are largely determined by their role in society. It is noted that the main generators of neologisms are both traditional and new media, including social networks, as well as live spoken language.

Key words: neology; neologisms; borrowing; anglicisms; vocabulary replenishment; Larousse dictionary.

Бурный рост технологий, экономики и гуманитарных процессов в мировом сообществе XX и XXI веков подтолкнул лингвистов к более детальному изучению новой лексики, которая повсеместно и постоянно появляется во всех мировых языках. И как результат, в современной лингвистической науке стало уделяться еще большее внимание изучению различных аспектов словарного состава.

Особый интерес у исследователей вызывает проблема пополнения словарного состава новыми словами. В последние десятилетия во французском языке, как и в других языках, наблюдается значительное увеличение количества новых слов, источниками которых являются как собственные словообразовательные средства, семантическая эволюция так и заимствования из других языков. Большое количество работ лингвистов посвящены изучению новых слов, с точки зрения семантики, словообразования и функционирования в дискурсе. Они обращаются к проблемам, связанным, в частности, с понятием «неологизма», исследуя его границы, объем и причины появления.

Настоящая статья посвящена словам-неологизмам, появившимся во французском языке и вошедшими во французские словари в 2023 году. Данные лексические единицы, еще не подверглись детальному анализу в современных научных исследованиях и представляют большой интерес.

Современный мир и глобализация активно способствуют появлению новых объектов действительности и в связи с этим появляется огромное количество терминов и общеупотребительных слов, которые обогащают не только научную терминологию и общеупотребительную лексику, но и разговорную речь. В свою очередь разговорная речь становится источником обогащения словарного состава общеупотребительного языка. Лексика любого языка подвержена постоянному изменению и обновлению и самым динамичным способом такого обновления является образование новых слов. С течением времени новые слова постепенно теряют или расширяют свои первичные значения, благодаря ассоциациям, сопоставлениям и сравнениям предметов и явлений действительности [1, с. 82-93].

Развитие современных технологий приводит к стремительному обогащению лексической системы французского языка, реагирующей на постоянно возникающие потребности в новых номинациях. И в контексте всеобщей интернационализации процесс номинации понятий зачастую осуществляется не собственными средствами языка, а через заимствование. Этому способствуют, помимо очевидных экстралингвистических факторов, таких как развитие мирового рынка, экономики, информационных технологий, появившиеся сети Интернет и т.д.

Например, частое употребление англицизмов диктуется тем, что английский язык стал языком мирового общения, показателем уровня информированности о новых предметах и явлениях. Первоначально данные слова проникают в разговорный язык, потом в язык масс медиа. Такое проникновение лексических единиц, присущих одному социолекту, в другой социолект этого же языка или же их заимствованию из другого языка также сопровождается экстралингвистическими факторами. То же самое можно сказать и об отдельных составляющих этих единиц. Сложности возникают и в процессе ассимиляции новых лексем в языке. И прежде всего, это касается характера ассимиляции лексемы в систему плана выражения (фонетики, орфографии, словообразования, способов синтаксической сочетаемости) и содержания (семантики языкового знака), сферы использования.

Все эти лингвистические явления находятся в сфере изучения науки неологии. Как известно неология – это раздел лингвистической науки, занимающейся изучением неологизмов (их разновидностей, способов образования, сфер употребления). Неология, в силу своей специфики, постоянно взаимодействует с различными экстралингвистическими дисциплинами: экономикой, культурой, политикой, различными научными областями.

Так как самыми быстро развивающимися сферами человеческой деятельности считаются информационные технологии, политика, спорт, социология, психология, экономика и, как следствие, наибольшее количество новых слов появляется в этих сферах. Современная неология выполняет также важную социальную роль: она исследует новые реалии и обеспечивает адекватное общение между коммуникантами. Таким образом, неология выполняет и социальные функции, учитывая новые реалии и тем самым обеспечивая человеческое общение. Современные исследования не только в лингвистике, но и в вопросах развития общества его политических, экономических и культурных структур фиксируют эти возможности.

Как уже упоминалось выше, одним из важных свойств любого языка является его способность заимствовать лексику других языков, что способствует ее интернационализации, которая является одной из тенденций развития современных языков. В периоды перемен, интенсивного развития общества, пандемичных и эндемичных катаклизмов постоянно появляются новые реалии, понятия, требующие номинации. XXI век не стал исключением. Исследователи французского языка отмечают постоянный рост словообразовательной активности в современном коммуникативном пространстве, что способствует развитию актуальных направлений лингвистических исследований, одним из которых и является неология.

Значение слова «неологизм» понятно большинству образованных людей – это новые слова. Мы можем найти в словарях множество определений термина «неологизм». Например, О. С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» определяет неологизм не только как «слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия», но и как «новое» слово или выражение, не получившее прав гражданства в общенародном языке и потому воспринимающееся как принадлежащее к особому, нередко сниженному стилю речи» [2, с. 252]. Трудности возникают при определении того, когда то или иное слово перестаёт восприниматься как новое, проникает в язык и входит во всеобщее употребление, а также временных рамок сохранения словом новизны и статуса неологизма. Думается, что слово будет сохранять статус неологизма, пока предмет, явление, событие, действие является фактически новым. Таким образом, одним из важнейших признаков неологизмов нужно признать их принятие и закрепление в общем употреблении, то есть вхождение в лексическую систему языка, в разряд общеупотребительной лексики.

Неологизмы обычно не имеют возраста, установить время их появления и творца практически невозможно, т.к. они реализуют живые возможности языковой системы [3, с 207].

Понятие «неологизм» шире, чем само слово, так как к нему относятся не только новые лексемы, образованные при помощи внутренних языковых резервов, но и слова, заимствованные из других языков или слова, получившие новые значения.

Одним из главных признаков ассимиляции неологизма является его принятие и закрепление в употреблении, его вхождение в разряд общепотребительной лексики и, конечно, закрепление слова в лексикографических источниках – словарях. Обратимся к одному из ведущих словарей французской лексикографии Ларуссу. Созданный 170 лет назад Ларусс каждый год обогащается новыми словами, значениями и выражениями. В 2023 году словарь дополнился 150 новыми словами из них 40 имен собственных. Эта новая лексика является доказательством динамичного развития языка, а также креативных возможностей его носителей.

Для внесения в словарь тех или иных неологизмов, редакционный комитет издательства Ларусс основывается на количественном анализе появления слова в различных источниках и в средствах массовой информации и качестве его использования носителями языка, то есть использования его всеми социо-профессиональными слоями общества. На характер ассимиляции и функционирования иноязычной лексики в современном языке оказывают влияние экстралингвистические факторы, такие как международная интеграция, высокий уровень владения английским языком, активное внедрение новых технологий и взаимопроницаемость разных сфер жизнедеятельности человека. Следует также отметить, что престижность англоязычных наименований является наиболее актуальной причиной появления подобных заимствований и вытеснения французских лексических наименований в современном языке.

Английский язык продолжает оставаться одним из главных источников заимствований в другие языки и французский язык не является исключением, что не исключает заимствований из других языков. Причем одним из главных каналов такого проникновения являются средства массовой информации. Несмотря на большое количество слов, заимствованных из английского языка, во французский язык попадает большое количество слов диалектных и из других языков, в частности, арабского и языков ближнего и дальнего Востока. Чаще всего это происходит благодаря заимствованиям в молодежный социолект.

Приведем примеры некоторых слов, которые появились в словаре Ларусс в 2023 году, которые связаны с наиболее значимыми мировыми событиями и миграционными процессами во Франции.

В словарь вошло большое количество слов, связанных с пандемией ковида: *passee sanitaire, passee vaccinal m «document numérique ou papier attestant qu'une personne est immunisée contre une maladie»* ‘электронный или бумажный документ, подтверждающий, что человек вакцинирован’ ‘справка о вакцинации’;

vaccinateur m «personne généralement professionnel médical ou paramédical qui pratique la vaccination qui est habilitée à vacciner» ‘медицинский работник, который вакцинирует людей’;

enfermiste m «*partisan de confinement pendant le covid*» ‘сторонник изоляции во время ковида’;

Слова, касающиеся экономических, политических и гуманитарных аспектов, аспектов образования:

commerce m essentiel «*commerce vendant des biens ou des services considérés comme indispensables à la vie quotidienne de la population*» ‘основные товары потребления’;

distanciel «*se dit d’un enseignement ou par extension d’un travail qui s’effectue à distance et non sur place*» ‘дистанционное (обучение или работа)’;

présentiel «*se dit d’un enseignement à suivre sur place et non à distance*» ‘не дистанционное (обучение)’;

visio m «*définition abrégée de visioconférence terme familier plus moderne que la vidéoconférence*» ‘аббревиация от слова *visioconférence* ‘видеоконференция’ более современное разговорное слово’;

rassuriste m «*qui se plaît à rassurer*» ‘любитель успокаивать’;

grossophobie «*phénomène de discrimination envers les personnes en surpoids ou touchées par l’obésité*» ‘враждебное, насмешливое и/или презрительное, даже дискриминационное отношение к людям, имеющим лишний вес или ожирение’;

wokisme m «*pensée idéologique née aux États-Unis dénonçant les injustices et inégalités dans le monde*» ‘идеология, связанная с английским прилагательным *woke*, означающая внимательный к расовым предрассудкам и дискриминации, возникшее в афроамериканском просторечии и направленная на вопросы равенства, справедливости и защиты меньшинств.’

Слова, связанные с гастрономией:

le Merveilleux «*En Belgique, pâtisserie composée de deux meringues soudées par de la crème Chantilly (ou de la crème au beurre) et parsemée de copeaux de chocolat*»

‘пирожное, состоящее из двух меренг, соединенных масляным кремом и посыпанное шоколадной крошкой’;

halloumi «*fromage de type feta originaire de Chypre*» ‘сыр типа фета из Кипра’.

Слова, связанные окружающей средой:

le mégafeu «*incendie qui ravage une très grande surface*» ‘пожар, охвативший большие территории’.

Слова региональной специфики:

monchû, pinzutu corse et bagnassoute «*qui désignent péjorativement au niveau local certains types de vacanciers*» ‘уничижительное обозначение местными жителями отдыхающих’;

kakapo m «*perroquet néo-zélandais*» ‘попугай из Новой Зеландии’ ;

chawarma f «*spécialité libanaise*» ‘ливанское блюдо, шаурма’;

insula f «*maison de rapport divisée en logements ou îlot urbain délimité par le réseau de rues*» ‘доходный дом, разделенный на квартиры, или городской островок, ограниченный сетью улиц’ ;

flow m «le rythme de la musique des paroles débitées sur celle ci généralement par un chanteur de rap ou de hip hop» ‘музыкальный ритм с текстом, произносимым рэп или хип хоп певцом’ ;

check lit f «abréviation de chicken littérature, la littérature pour les poulettes, pour nommer la romance urbaine, la locution française est recommandée» ‘аббревиатура, используемая для обозначения литературы, предназначенной для молодых женщин’ ;

bosse m «dans un jeu vidéo, un ennemi particulièrement coriace» ‘в видеоиграх особенно жестокий враг’ ;

tomte m «mot suédois qui caractérise dans la mythologie scandinave un lutin protecteur du foyer» ‘слово, обозначающее шведского гнома’ ;

yodel m «issu de dialecte allemand, technique de chant propre à la Suisse, au Tyrol et à la Bavière qui consiste à vocaliser sans paroles» ‘из немецкого диалекта: горловое пение’.

Направление производства и профессии:

aquaponie f «système qui unit la culture de la plante et l'élevage de poissons» ‘аквапоника: система для выращивания растений и рыбы’;

upcycling m «action de récupérer des matériaux ou des produits dont on a plus l'usage afin de les transformer en matériaux ou produits de qualité ou d'utilité supérieure» ‘переработка материалов’;

jouabilité f «ensemble des possibilités interactives offertes par un jeu vidéo» ‘интерактивные возможности видеоигр’;

babtou ou *babtou fragile* «verlan de toubab, désigne en Afrique un jeune homme blanc» ‘слово, обозначающее в Африке молодого белого человека’ ;

chiller «synonyme de se reposer, se détendre» ‘из сленга: отдыхать, расслабляться’.

Подводя итоги, нужно обратить внимание на то, что за последние десятилетия лексика французского языка пополнилось значительным количеством неологизмов, имеющих разную степень освоенности и одним из важнейших признаков неологизмов нужно признать их принятие и закрепление в общем употреблении, то есть вхождение в лексическую систему языка, в разряд общеупотребительной лексики. Многие неологизмы, привнесенные в словари в 2023 году, связаны с культурой, гастрономией, экологией, фактами социальной жизни и т.д.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Собянина В. А. Процесс возникновения специальной лексики на основе обиходно-разговорной // Вопросы лингвострановедения и лексикологии. М., 2003. С. 82–93.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. 2-е изд., стер. М : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
3. Голубева А. Ю. Лексическая динамика французских неологизмов в начале XXI века // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29) С. 207.
4. Les mots nouveaux du Petit Larousse 2023. URL: <http://www.forum.exionnaire.com/dictionnaire-mots-nouveaux-petit-larousse-2023> (дата обращения 19.05.2023).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСАХ

В статье устанавливается особая роль предикативности как синтаксической категории и языковой универсалии, определяющей функциональную специфику предложения и являющейся ключевым конституирующим признаком предложения, который относит информацию к действительности и формирует единицу, предназначенную для сообщения. Уточняется контекстное окружение безэквивалентной лексики, её расположение в линейном ряду, характер подчинённых связей, что способствует более точной и адекватной трансляции безэквивалентных лексических единиц на язык реципиента с учётом их функционирования в тексте языка перевода. Безэквивалентные лексические единицы представлены как свёрнутый текст, который можно интерпретировать как символ, ценную информацию о национально-культурном своеобразии того или иного народа, его истории, материальной и духовной культуре.

Ключевые слова: коммуникативность; предикативность; обучающий текст; перевод; безэквивалентные лексические единицы.

The article manifests the special role of predicativity as a syntactic category and linguistic universal, which determines the functional specifics of the sentence and is the key constitutive feature of the sentence, which relates information to reality and forms a unit intended for communication. The paper clarifies the contextual environment of non-equivalent vocabulary, its location in a linear series, and the nature of subordinate relationships. This contributes to a more accurate and adequate translation of non-equivalent lexical units into the recipient language taking into account its functioning in the text of the target language. Non-equivalent lexical units are presented as a folded text that can be interpreted as a symbol, valuable information about the national and cultural identity of a particular nation, its history, material and spiritual culture.

Key words: communicativity; predicativity; training text; translation; non-equivalent lexical units.

Коммуникативность как задача разработки комплекса культуроведчески ориентированных заданий для трансляции безэквивалентной лексики решается на основе предикативности, которая обеспечивает сообщение новых знаний и формирует к ним установку. Обучающий текст, неотъемлемым признаком которого является предикативность, состоит в передаче информации, которая является новой для адресата или которую адресант для собеседника считает таковой. Эта информация сообщается через прагматичные тексты посредством справочников, словарей, учебников и учебных пособий, различных документов, книг, газет, журналов. Вся научная, учебная и справочная литература ориентирована на прагматичные тексты. Важно учитывать тексты художественной литературы, публицистики и разговорной речи, которые содержат большое количество безэквивалентной лексики. При этом необходимо подчеркнуть, что произведения художественной литературы и национальные периодические издания, представляя собой важнейшие источники сведений о национальной культуре, сами по себе являются фактами национальной культуры. Именно в произведениях худо-

жественной литературы и национальных периодических изданиях содержится безэквивалентная лексика, отражающая специфику национальной культуры и являющаяся по сути репрезентатором языковой нормы, воплощением свойств естественного языка.

Создаваемые художественные образы сами по себе являются фактами культуры, которые обладают познавательно-обучающей силой, поскольку именно художественная литература обладает свойством типизации фактов жизни. Достоинствами публицистических и художественных текстов являются стимулирование интереса к истории страны и культурным ценностям, увлекательность чтения, подключение эмоционально-образных модальностей памяти. Кроме того, публицистика и художественная литература диалогичны: они предполагают диалог с читателем, привлечение его к сотворчеству, к привнесению в воспринимаемый текст информации от себя.

В лингвистической литературе накоплен опыт исследования художественных и публицистических текстов и их переводов на другие языки. Специфика переводов таких текстов заключается в установлении корреляций между безэквивалентными единицами разных языков, представленных в текстах-оригиналах и их переводах на тот или иной язык. Корреляции, как правило, связаны с написанием, графическим оформлением безэквивалентной лексики, особенностями транслитерационных операций. Проблемы, возникающие в процессе перевода, связаны прежде всего с семантическим наполнением безэквивалентной лексики и набором лексических средств, репрезентирующих безэквивалентную единицу, а также со стилистической маркированностью безэквивалентной лексики и её коннотативным содержанием.

В процессе перевода особое внимание обращается на контекстное окружение безэквивалентной лексики, её расположение в линейном ряду, характер подчинённых связей. Это способствует более точной и адекватной передаче безэквивалентной лексики на язык реципиента с учётом функционирования этой лексической единицы в художественном тексте другого языка.

За последние годы появился ряд исследований, темой которых является лексика с национально-культурной спецификой. Так, Л. И. Зубкова разработала концепцию антропонимической коннотации и выявила уровни репрезентативности национально-культурных особенностей русских имён второй половины XX века на материале произведений писателей-реалистов Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина и их переводов на английский язык [1]. Автор приводит примеры перевода на английский язык антропонимов в «деревенской» прозе, устанавливает приёмы компенсации при передаче прагматических аспектов русских антропонимов. Важным является включение имени в антропонимическую систему определённого языка и его культурное пространство с учётом того обстоятельства, что носитель имени принадлежит к конкретной лингвокультурной общности, а сема национальности имплицитно присутствует в именах, которые входят в антропонимические системы сопоставляемых языков.

С. С. Волков изучает слова-реалии русского литературного языка на материале оригинальных литературно-художественных текстов И. С. Тургенева и их переводов на английский и польский языки и доказывает, что число слов-реалий изменяется в зависимости от степени близости сопоставляемых языков и культур народов, говорящих на этих языках [2]. Чем больше различий социального, экономического, бытового характера между сравниваемыми культурами разных народов, тем значительнее эти различия отражаются в языках этих народов, вызывая увеличение в них слов-реалий относительно друг друга.

Л. И. Хайнце выявляет и описывает типы безэквивалентной лексики в произведениях В. Токаревой и Е. Попова и способы трансляции этой лексики в переводах на немецкий язык [3]. Автор проводит контрастивный анализ оригинальных и переведённых текстов и выявляет явные недочёты перевода, отмечает случаи отсутствия перевода целых предложений и абзацев, содержащих безэквивалентные языковые единицы, что объясняется нехваткой знаний о реалиях русской культуры и умения применить тот или иной способ передачи на немецкий язык русских ЛЕ с учётом их типа и той художественной функции, которую они выполняют в рамках произведения.

Б. Мод проводит сопоставительный анализ ЛЕ русского языка и русской культуры с ЛЕ французского и английского языков и канадской культурой на основе их функционирования в художественной прозе В. Распутина, Ю. Трифонова, Д. Гранина [4]. Автор констатирует, что для передачи безэквивалентной лексики на французский и английский языки используются разные комбинации способов перевода в зависимости от конкретной лексической единицы, исключительное использование только одного из способов может привести к перегрузке текста иноязычными словами (при транслитерации), либо непомерному расширению текста (при описательном способе), либо к утрате национального колорита (при уподобляющем переводе).

Предметом исследования А. А. Заборовской является безэквивалентная лексика, обозначающая реалии русской культуры в оригинальных текстах прозаических произведений И.А. Бунина и их переводов на немецкий язык [5]. Рассматриваемая лексика представляет значительные трудности для переводчиков в процессе подбора ими эквивалентов и семантизации данной лексики, что предполагает её детальное изучение и дополнительное комментирование. На основе проанализированных произведений И. А. Бунина и их переводов на немецкий язык автор приходит к выводу, что большая часть этой лексики не отражена в двуязычных словарях, а в предлагаемых переводах не всегда выбирается верный способ передачи этой лексики на немецкий язык, редко учитываются функции, которую она выполняет в рамках данного контекста и в более широких рамках художественного произведения. К числу наиболее удачных способов передачи безэквивалентной лексики учёный относит транскрибирование с последующим страноведческим комментированием.

В докторской диссертации Ф. М. Турсунова проводится сопоставительное исследование БЭЛ в лингвокультурном и переводческом аспектах на материале английского и таджикского языков. Автор справедливо замечает, что вопросы перевода и переводоведения тесно связаны с проблемами межъязыковых, социокультурных и аксиологических отношений различных народов, что бурно развивающиеся процессы глобализации и контакты межгосударственного характера ставят перед наукой о языке новые задачи [6]. В главе «Функциональный аспект и критерии адекватности при передаче безэквивалентной лексики (на материале художественной и публицистической литературы английского и таджикского языков с привлечением материалов русского языка)» автор рассматривает приёмы и методы достижения адекватности при переводе безэквивалентной лексики, специфику перевода реалий, имён собственных, обращений, сложных слов, фразеологических единиц, пословиц и поговорок и безэквивалентных грамматических единиц.

Проблема перевода русской глагольной лексики на немецкий язык обсуждается в работе Л. А. Исмагиловой [7]. Автор на материале русских художественных текстов доказывает, что глагольная безэквивалентная лексика, относящаяся к разговорному и просторечному функциональным стилям, в тексте языка перевода может сглаживаться, терять стилистическую направленность и становиться нейтральной. В ряде случаев эмоционально-экспрессивная информация, по мнению автора, в процессе перевода нейтрализуется и сводится до коммуникативного уровня, а коннотативное содержание глагола (экспрессивность, оценочность, эмоциональность) передаётся глагольными средствами, не обладающими коннотативным значением.

Безэквивалентная лексика активно используется в учебных текстах, которые чаще всего представляют фрагменты (отрывки) из художественных, публицистических произведений, научных трактатов. В безэквивалентных единицах, как правило, представлен некий свёрнутый текст, который можно интерпретировать как символ, ценную информацию о национально-культурном своеобразии того или иного народа, его истории, материальной и духовной культуре.

Изучение безэквивалентной лексики целесообразно проводить на основе её функционирования в тексте. Именно художественный текст носит огромный страноведческий потенциал (об этом пишут Л. С. Журавлева, М. Д. Зиновьева). По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [8], в качестве учебного материала для лексики с культурным компонентом на уроках русского языка как иностранного рекомендуется использовать только те произведения русской литературы, которые являются носителями высоких эстетических достоинств, которые входят в золотой фонд литературы, всем известны и сами представляют значительную культурно-историческую ценность.

В учебных текстах отражаются как внутренние парадигматические и синтагматические связи языковых элементов, так и экстралингвистические категории, относящиеся к реальной действительности. Многие учебные тексты содержат в себе неоценимый лингвострановедческий потенциал, реализующийся в описании картин жизни и быта народа, различных фактов реальной действительности. Такие тексты имеют большое значение в про-

цессе усвоения любого иностранного языка, способствуют формированию иноязычной коммуникативной компетенции, расширению и систематизации знаний о языке, дальнейшему овладению общей речевой культурой.

В учебных текстах необходимо уделять внимание тематическому содержанию безэквивалентной лексики. Использование безэквивалентной лексики в учебных текстах способствует формированию полифункциональной социокультурной компетенции, помогает обучающемуся «ориентироваться в различных типах культур и цивилизации, адекватно интерпретировать явления и факты культуры (включая речевую культуру) и использовать эти ориентиры для выбора стратегий взаимодействия при решении лично, профессионально значимых задач и проблем в различных типах современного межкультурного общения» [9, с. 29]. Отбор учебных текстов проводится на основании применения функционально-семантического подхода к использованию речевых жанров, реализуемых в общественно-речевой практике в определенных сферах общения. Данный подход, рассматривающий явление функциональной дифференциации языка как сложившееся социально-историческое явление и результат взаимодействия системных лингвистических и экстралингвистических факторов. При этом акцент делается на назначение языковых единиц разного уровня с точки зрения значения, строения и назначения в речи, а также отбора и организации языкового материала для создания различных видов речевой деятельности. Указанный подход позволяет установить особенности семантизации безэквивалентной лексики, выявить языковые и речевые средства воздействия на адресат перевода, упорядочить лексические единицы в соответствии с их ролью в языковой картине мира определённого лингвокультурного общества.

Функционально-семантический подход предусматривает исследование безэквивалентной лексики не изолированно, а в процессе её функционирования в различных видах дискурса и языковой коммуникации, в различных контекстах, в непосредственной связи с другими словами, которые создают условия для новых трансформаций и семантических изменений ЛЕ.

Важно акцентировать внимание на познавательное насыщение обучающих текстов, поскольку, с одной стороны, страноведческие данные затрудняют коммуникацию (порой она даже невозможна). С другой стороны, познание национальной культуры страны соизучаемого языка невозможно без использования БЭЛ и её познавательно-воспитательного характера.

Главным критерием оценки содержательного плана обучающего текста является его учебно-методическая целесообразность, под которой подразумевается содержательная ценность текста (через его страноведческое наполнение), страноведческая ценность (определяется степенью современности текста), актуальность (учитывает исторический и накопительный характер культуры), типичность (отражает факты культуры).

Такие тексты учитывают требования насыщенности необходимым языковым материалом, достоверности, доступности, смысловой цельности, фабульной законченности, эстетической и этической ценности. После этого тексты подлежат дальнейшей модификации (сокращению, перестройке, перефразированию, структурированию) для решения конкретных лингводидактических задач.

Так, например, в качестве учебных текстов нами использовались фрагменты романа французского прозаика русского происхождения А. Макина «Французское завещание» [10], адаптированные тексты «Российские праздники: история и современность» [11], содержащие познавательный материал исторического и страноведческого характера о календарях Руси, о календарных реформах, о русских праздничных обрядах и традициях, о первых советских праздниках и праздниках современной России. Учебные тексты сопровождалась вопросами, ориентированными на общее понимание прочитанного, и упражнениями, направленными на расширение лексического запаса, проверку понимания значения лексических единиц, развитие навыка словообразования. Используемые французские обучающие тексты направлены на формирование языковой и переводческой компетенций, обучение всем видам речевой деятельности, развитие личности обучающихся, а также приобретение профессионально значимых навыков в сфере общественно-политического дискурса. Обучающие тексты отличаются выраженной коммуникативной направленностью и направлены на обучение пониманию устной и письменной речи, говорению, письму и переводу. При этом большое внимание уделялось формированию профессионально значимых компетенций: развитию навыков реферирования и аннотирования оригинальной литературы, формированию переводческих компетенций. Использование актуальных видеофрагментов и аудиорепортажей направлено на обучение аудированию (восприятию, пониманию оригинальной французской речи и выработку аудитивных умений), расширение словарного запаса, выработку устойчивого навыка перевода безэквивалентной лексики и реферирование устных текстов в виде связного монологического высказывания. При составлении обучающих текстов использовался современный аутентичный материал, представленный актуальными видеофрагментами и аудиорепортажами, газетными статьями и публикациями из электронных изданий французской и бельгийской печатной и электронной прессы (RFI, Alliance Française de Bruxelles-Europe, CELF, RTS, CAVILAM – Alliance Française, RTBF, TV5MONDE). Источником белорусского иллюстративного материала послужили литературные (прозаические, поэтические и публицистические) произведения белорусских писателей конца XIX – XX столетий А. Якимовича, Я. Брыля, С. Граховского, М. Горецкого, П. Бровки, А. Савицкого, В. Короткевича, М. Лужанина, К. Чорного, Я. Коласа, М. Последовича, А. Адамовича, В. Быкова, П. Панченко, А. Кулешова, М. Танка, Я. Купалы.

Тексты с предварительно осуществлённой процедурой структурирования запоминаются лучше и воспроизводятся точнее тех, в которых указанная процедура не была осуществлена. Таким образом можно говорить о мнемоническом потенциале учебного текста страноведческой тематики – совокупности всех признаков, которые способствуют пониманию, осмыслению и запоминанию текста (интерес, простота, суммирование выводов, внешняя форма текста).

При осуществлении процедуры отбора текстов, включающих безэквивалентную лексику, учитывались типы текстов по способам сообщения информации: 1) прагматичный (обзорный) текст, который по сути является

справочным, направленным на передачу полной и систематизированной совокупности страноведческих сведений и 2) проективный (экземплярный) текст из публицистической и художественной литературы, который может быть уподоблён иллюстративному материалу, отражающему на прагматическом уровне единичные предметы и явления и описывающему судьбы конкретных персоналий. Взаимное дополнение двух типов текстов помогает достичь цели и подготовить читателя к его адекватной интерпретации.

Процесс работы с безэквивалентной лексикой представляется довольно сложным и требует не только использования, но и интеграции лингвострановедческого, коммуникативно-этнографического, социокультурного, функционального, личностно-ориентированного и многих других подходов к изучению материалов. Сочетание различных методов и средств выступает не только как средство коммуникации, но и как способ ознакомления обучающихся с новой для них действительностью [12] и способствует успешной аккультурации – усвоению человеком, «выросшим в национальной культуре, существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры), личности на рубеже культур (как человека, владеющего культурами А и Б)» [8, с. 26].

Для разработки комплекса культуроведчески ориентированных коммуникативных заданий для обучения трансляции БЭЛ учитывалось то обстоятельство, что в обучающем тексте должны присутствовать слова и выражения с национально-культурной семантикой, которые нельзя разъяснить с помощью синонимических замен и перефразирований. Здесь необходимо использовать различные средства, однако преимущество имеет комментарий, цель которого состоит в разъяснении внеязыковых явлений и сводится к лингвострановедческой семантизации. Источником такого комментария, который призван подготовить адресата сообщения к адекватной интерпретации информации, заключённой в безэквивалентной лексике, служат энциклопедии, толковые словари, справочники. Важность комментария трудно переоценить, поскольку он не просто является источником нового знания, а формирует мысли и чувства, уважительное отношение к новой культуре и её традициям. Приводимые к обучающим текстам комментарии, сочетающие элементы обзорного и экземплярного текстов, представляют большие возможности для страноведческой аккультурации обучающихся.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зубкова, Л. И. Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л.И. Зубкова; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2009. – Л. 523.
2. Волков, С. С. Безэквивалентная лексика в русском литературном языке второй половины XX века (Слова-реалии в произведениях И.С. Тургенева) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С.С. Волков ; Ленинград. гос. ун-т. – Ленинград, 1985. – 321 л.
3. Хайнце, Л. И. Безэквивалентная лексика с национально-культурной спецификой значения в произведениях В. Токаревой и Е. Попова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. И. Хайнце ; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2000. 22 с.
4. Мод, Б. Лексика с культурным компонентом в прозе 60-70 гг. XX в. в сопоставлении с английским и французским языками : В. Распутин, Ю. Трифонов, Д. Гранин : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Мод Бошен ; СПб., 2002. Л. 195 л.

5. Заборовская, А. А. Безэквивалентная лексика с национально-культурной спецификой значения в творчестве И. А. Бунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А.А. Заборовская ; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2003. 24 с.
6. Турсунов, Ф. М. Сопоставительное исследование безэквивалентной лексики в лингвокультурном и переводческом аспектах (на материале английского и таджикского языков) : дис. ... д-ра филол. наук : 10. 02. 20 / Ф.М. Турсунов ; Таджикский гос. ин-т языков им. Сотима Улугзода. – Душанбе, 2016. 358 л.
7. Исмагилова, Л. А. Безэквивалентная глагольная лексика русского и немецкого языков (вопросы перевода русских художественных текстов на немецкий язык) : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. А. Исмагилова; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1984. 22 с.
8. Верещагин, Е.М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : метод. рук. / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. Изд. 4-е, перераб. и доп. М. : Рус. яз., 1990. 246 с.
9. Сафонова, В. В. Проблемы социокультурного образования в языковой педагогике // Культуроведческие аспекты языкового образования : сб. науч. тр. М.: Еврошкола, 1998. С. 27–35.
10. Makine A. Le testament français. P.: Mercure de France, 1995. 324 p.
11. Жабоклицкая И. И. Российские праздники: история и современность: учеб. пособие по рус. яз. для иностранных учащихся. М.: Русский язык. Курсы, 2008. 136 с.
12. Томахин Г. Д. Лингвострановедение: что это такое? / Г.Д. Томахин // Иностр. яз. в шк. – 1996. № 6. С. 22–27.

Д. А. Халиуллина (Ижевск, Россия)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРУЖЕЙНОГО ДИСКУРСА (на материале русского и французского языков)

В настоящей статье предпринята попытка выявить лексические особенности оружейного дискурса. Исследование проведено в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы: профессиональная речь оружейников рассматривается во взаимосвязи с социокультурными факторами. Выделены тематические группы лексических средств, рассмотрена специфика употребления лексем представителями профессиональной группы оружейников. В сопоставлении с французским языком выявлена лингвокультурная специфика речи ижевских оружейников.

Ключевые слова: профессиональный дискурс; оружейный дискурс; термин; коллоквиализм; промышленная лексика.

The present article attempts to reveal lexical peculiarities of gunsmith's discourse. The research has been carried out within the framework of the cognitive-discursive paradigm: the professional speech of gunsmiths is considered in relation to sociocultural factors. As a result, the thematic groups of lexical means have been identified, features of their usage by the studied professional group have been considered. Linguocultural peculiarities of Izhevsk gunsmiths' speech have been revealed in comparison with the French language.

Key words: professional discourse; gunsmiths' discourse; term; colloquialism; industrial vocabulary.

Становление города Ижевска неразрывно связано с оружейным производством, что обуславливает актуальность изучения профессиональной речи конструкторов оружия в Удмуртской Республике. Настоящее исследование посвящено лексическому аспекту оружейного дискурса. С целью изучения лексических особенностей профессиональной речи оружейников были проанализированы печатные и электронные интервью М. Е. Драгунова,

Г. Н. Никонова, В. А. Ярыгина, а также документальные фильмы о М. Т. Калашникове. В ходе работы определены значимые социокультурные факторы, оказавшие влияние на формирование лексики исследуемого дискурса, а также роль французских заимствований. Представлены некоторые особенности лексики современного французского оружейного дискурса.

Ижевское оружейное производство берет начало в 1807 году, когда императором Александром I был подписан указ о строительстве оружейного завода на базе железоделательного. Воплощением в жизнь данного решения занялся выдающийся горный инженер А. Ф. Дерябин, который учитывал следующие факторы при выборе места: наличие заводского пруда, доступность сырья (древесина и высококачественный металл), обширная территория для строительства поселения [1, с. 9].

В связи с развитием межкультурных контактов и возникновением новой терминологии уже в XVII–XVIII вв. в русском языке появляются военные термины *un pistolet* ‘пистолет’, *un arsenal* ‘арсенал’, *un maréchal* ‘маршал’, *une artillerie* ‘артиллерия’ и др. [2, с. 97]. Значительная часть военных и технических терминов была заимствована из французского языка, что во многом обусловлено внешней политикой Петра I [2, с. 97]. Школа ижевских оружейников активно сотрудничала с заграничными мастерами с первых лет основания производства: уже в 1808 г. на Ижевский оружейный завод были приглашены мастера из разных европейских стран, что, несомненно, повлияло на становление дискурса ижевских мастеров-оружейников [3, с. 30]. Создатель пистолета МР-443 «Грач» В. А. Ярыгин использует наименования «пистолет» и «револьвер» заимствованные из французского языка и прочно укоренившиеся в русском языке: «Оцените, к примеру, знаменитый револьвер системы Нагана, ColtM1911, легендарный пистолет ТТ или Vorchardt-Luger Parabellum, который был создан еще в конце XIX века, но прошел две мировые войны» [4].

В речи конструкторов оружейная лексика представлена во всем многообразии: лексемы, обозначающие старинные системы и элементы ружей (*курковое ружье, пыж, капсюль*), профессиональные термины, коллоквиализмы.

Термины являются инструментом теоретического познания, обладают структурированностью, в то время как профессионализмы связаны с эмпирическим познанием, передавая значимую для специалистов информацию [5, эл. рес.]. Рассмотрим фрагмент интервью Г. Н. Никонова: «Хотя некоторые задачи, например, в ближнем бою лучше выполняет гладкоствольное оружие. Чечня показала, что при стрельбе в “зеленке”, зачастую, нужно поразить противника на короткой дистанции, не очень-то и выцеливая его. В данном случае, дробовик выигрывает за счет большого количества поражающих элементов» [6, эл. рес.]. В начале отрывка конструктор использует термин «гладкоствольное оружие», дефиницируемый Военным энциклопедическим словарем как «огнестрельное оружие, канал ствола которого не имеет нарезов и представляет собой трубу с гладкой внутренней поверхностью» [7, с. 196]. Далее автор актуализирует лексему «дробовик» (спец., разг.) – «охотничье ружье для стрельбы дробью» [8, с. 801], т.е. разговорный вариант термина «гладкоствольное оружие».

Коллоквиализмы, обнаруженные в настоящем исследовании, в основном представляют собой наименования видов огнестрельного оружия: «*тулка*», «*двустволка*, *вертикалка*, *горизонталка*, *снайперка*». Так, конструктор А. Е. Драгунов, младший сын оружейника Е. Ф. Драгунова, рассказывая об увлечении своего отца охотой, использует коллоквиализм «*тулка*», использующийся в разговорной речи для обозначения ружья Тульского оружейного завода: «Пока здоровье позволяло, любил поохотиться. У него была курковая “тулка”» [9, с. 5].

Необходимо отметить, что в настоящем исследовании мы выделяем оружейные термины и профессионализмы в отдельную от военной лексики группу слов.

Слова и словосочетания, связанные с военной тематикой, по частотности сопоставимы с собственно оружейной лексикой, что связано с рядом факторов. Ижевские мастера внесли огромный вклад в дело победы. В I Мировую войну рабочими Ижевского оружейного завода было изготовлено полтора миллиона винтовок Мосина [3, с. 79]. За годы Великой Отечественной войны ижевские заводы произвели более 11 миллионов образцов оружия, что сравнимо с показателями отдельных государств [3, с. 115]. Кроме того, многие оружейники сами принимали участие в боевых действиях. Так, М. Т. Калашников участвовал в Великой Отечественной войне в звании старшего сержанта: «Я учился на водителя-механика, а на фронте был командиром танка, да еще какого – Т-34!» [10, эл. рес.]. В связи с этим в речи оружейника актуализируется военная лексика («*фронт*, *танк Т-34*, *командир танка*»).

В результате анализа интервью ижевских конструкторов оружия нами были выделены следующие тематические группы слов и словосочетаний:

1) виды оружия: «*автомат*, *карабин*, *пистолет*, *револьвер*, *пистолет-пулемет*, *ручной пулемет*, *снайперская винтовка*, *подводное ружье*, *курковое ружье*, *охотничье оружие*, *спортивное оружие*, *противотанковое оружие*» и др.;

2) части оружия, боеприпасы, амуниция: «*ствол*, *цевье*, *приклад*, *курок*, *затворная рама*, *пружина*, *крышка ствольной коробки*, *подвеска*, *планка Пикатинни*, *гильза*, *порох*, *пыж*, *патрон*, *оптический прицел*, *штык*, *дробь*, *магазин*, *спусковой крючок*, *ложка*, *ударно-спусковой механизм*, *капсюль*» и др.;

3) названия учреждений: «*Ижевский машиностроительный завод*, *Ижевский механический завод*, *Щуровский полигон*, *Главное артиллерийское управление*, *Ижевский механический институт*, *Артиллерийское училище*, *Индустриальный техникум*, «*ЦНИИТОЧМАШ*», *Ленинградский артиллерийский музей*» и др.;

4) наименования должностей: «*старший оружейный мастер*, *главный конструктор*, *ведущий конструктор*, *заместитель главного конструктора*, *технолог-ствольщик*» и др.;

5) названия образцов оружия: «*АК-47*, *АК-103*, *РПК*, *АН-94*, *СВД*, *СКС-45*, *СВТ-40*, *АВС-36*, *ЦСВ-1*, *ППШ*, *ППС*, «*Зенит*», «*Стрела*», «*Тайга*», *пистолет-пулемет «Бизон»*, *пистолет-пулемет «КЕДР»*, *малогабаритный автомат «МА»*, «*Медведь*», «*Тигр*», «*Сайга*» и др.;

6) специальные оружейные термины: «*кучность, ТТТ (тактико-технические требования), пристрелка, военная приемка, настильность, калибр*» и др.;

7) промышленная лексика: «*завод, цех, серийное изготовление, конвейер, проходная, опытный образец, опытная партия, изделие, деталь, металлургия, гражданская продукция, илифовка, фрезерный станок*» и др.;

8) наука и инженерное дело: «*кульман, плоскость, радиус, третий закон механики, динамика, кинематика, микрон, эргономика*» и др.;

9) слова, связанные с военной тематикой: «*Великая Отечественная война, армия, воинская часть, фронт, эшелон, командир пулеметного взвода, демобилизоваться, офицер, воинское подразделение*» и др.;

10) нейтральная лексика.

В связи с особой ролью французского языка в становлении лексики русского оружейного дискурса рассмотрим некоторые лексические особенности дискурса франкоязычных оружейников.

Наиболее частотной лексемой для обозначения оружия во французском языке является слово *une arme*. В следующих фрагментах интервью оружейника Ж.-М. Стево данная лексическая единица используется как для обозначения видов оружия, так и отдельного изделия:

1) *Elle [armurerie] est située à Malonne et est spécialisée dans les armes de chasse. Je fabrique sur mesure, dans mon propre atelier, des carabines et fusils de chasse à partir des alliages et bois de luxe les mieux choisis* [11]. 'Она [оружейная мастерская] находится в Малоне и специализируется на производстве охотничьего оружия. В собственной мастерской я изготавливаю на заказ охотничьи карабины и ружья из отборных сплавов и древесины элитных сортов'. В первом предложении плюральная форма лексемы *une arme* используется в атрибутивном словосочетании субстантивного типа для обозначения вида оружия (*les armes de chasse* – 'охотничье оружие'). Во втором предложении оружейник заменяет слово *les armes* на лексические единицы *une carabine* 'карабин' и *un fusil* 'ружье' с целью конкретизации (*des carabines et fusils de chasse* 'охотничьи карабины и ружья').

2) *En sortant de l'école, j'avais en effet encore beaucoup à apprendre: la fabrication d'une arme nécessite l'apprentissage d'une vingtaine d'opérations différentes!* [там же] 'В действительности после окончания школы мне предстояло еще многому научиться: чтобы изготовить один образец оружия, необходимо освоить два десятка различных операций!' В данном примере слово *une arme* обозначает 'единичное изделие', 'образец оружия'.

Основными наименованиями для обозначения представителей исследуемой профессиональной группы во французском языке являются *un armurier* 'оружейник' и *un concepteur d'armes* 'конструктор оружия'. Примечательно, что лексема *un armurier* может использоваться не только для обозначения специалистов, занимающихся непосредственно созданием образцов оружия, но и представителей смежных профессий. Так, в интервью *Dans les films de guerre, les armes sont-elles réelles ou factices? Un armurier spécialisé répond* 'В фильмах про войну эксперты по оружию настоящие или нет? Эксперт специалист отвечает' Эксперт по оружию на съемочной площадке Ф. Кови представлен при помощи номинации *un armurier*.

Лексические особенности речи данного эксперта обусловлены спецификой профессии: помимо частотных оружейных терминов (*une arme* ‘образец оружия’, *un fusil à silex* ‘кремневое ружье’, *tirer* ‘стрелять’), в речи присутствуют языковые единицы, непосредственно связанные с применением оружия в киноиндустрии (*une arme factice* ‘бутафорский пистолет’, *une cartouche à blanc* ‘холостой патрон’, *un tir à blanc* ‘холостой выстрел’): «*Quand ça tire à blanc, la poudre est suffisante pour simuler le coup de feu* [12]. ‘Во время стрельбы холостыми патронами пороха достаточно для имитации выстрела’.

Рассмотрим лексемы, обозначающие «автомат» как вид современного оружия в русском и французском языках. Слово *αὐτόματος* переводится с греческого языка как ‘самодействующий’, однако в русский язык данная лексема пришла из французского языка в нач. XIX в. [13, с. 12]. Впервые оружейный термин автомат был использован еще в начале XX в. теоретиком оружейного дела, полковником Н. М. Филатовым применительно к 6,5-мм ружью-пулемету системы Федорова [14, С. 8–19]. Во французском языке для обозначения автомата используется словосочетание *un fusil d’assaut*, которое дословно переводится на русский язык как ‘штурмовая винтовка’. Например, название французского автомата *FAMAS* является аббревиатурой от *Fusil d’Assaut de la Manufacture d’Armes de Saint-Étienne* ‘штурмовая винтовка оружейной мануфактуры Сент-Этьен’. Отметим, что «автомат» называют «штурмовой винтовкой» во многих индоевропейских языках: англ. *assault rifle*, нем. *Sturmgewehr*, итал. *fulcile d’assalto* и др.

Таким образом, в зависимости от тематики дискурсивного фрагмента и коммуникативной цели оружейники в своей профессиональной речи используют целый арсенал лексических средств: термины, профессиональные коллоквиализмы, лексемы, обозначающие устаревшие системы оружия, и др. Значительную роль в становлении лексики русского оружейного дискурса сыграл французский язык, в связи с чем представляется интересным дальнейшее сопоставительное исследование дискурса русско- и франкоязычных создателей оружия.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Горбов М. И. Ижевские оружейники. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1963. 102 с.
2. Сидакова Н. В. О роли франкоязычных заимствований в лексикологической системе русского языка // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 96–100.
3. Ижевск. Оружейной столице России – 250. Ижевск: Ижевский полиграфический комбинат, 2010. 175 с.
4. Поскрёбышев А. Пистолет как дело жизни // Известия Удмуртской Республики: сетевое издание. 2020. URL: https://izvestiaur.ru/rubrics/intervyu/366150-pistolet_kak_delo_zhizni/ (дата обращения: 02.03.2023).
5. Голованова Е. И. Профессиональный коллоквиализм: между обыденным и специальным // Лингвистика и образование. 2020. № 1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-kollokvializm-mezhdu-obydennym-i-spetsialnym> (дата обращения: 02.12.2021).
6. Будущее за высокоточным оружием. Интервью с Геннадием Никоновым, создателем «Абакана» АН-94 // GUN-RUS.RU: виртуальная библиотека. 2012. URL: <http://www.gunrus.ru/?p=8575> (дата обращения: 29.09.2023).
7. Военный энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Военное изд-во, 1986. 864 с.

8. Толковый словарь русского языка. Под. ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. 1562 с.
9. Маратканов В.А. Работаем для того, чтобы русские прусских всегда побивали // Машиностроитель. 2005. 17 фев. С 5.
10. Сорокина О. Михаил Калашников. Человек и автомат // Моя Удмуртия: сайт телеканала. URL: <http://myudm.ru/interview/kalashnikov> (дата обращения: 20.09.2023).
11. Mr Jean-Marc Stevaux, Armurier // METIER.SIEP.BE: информационная служба. 2017. URL: <https://metiers.siep.be/interviews/jean-marc-stevaux/> (дата обращения: 15.10.2023).
12. Picard Cl. Dans les films de guerre, les armes sont-elles réelles ou factices? Un armurier spécialisé répond // Télé-Loisirs: электронный журнал. 2018. URL: <https://www.programme-tv.net/news/cinema/204153-dans-les-films-de-guerre-les-armes-sont-elles-reelles-ou-factices-un-armurier-specialise-repond-interview/> (дата обращения: 26.09.2023).
13. Этимологический словарь современного русского языка. Под. ред. М. Н. Свиридовой. М.: «Аделант», 2014. 512 с.
14. Монетчиков С. Б. История русского автомата. СПб.: ООО «Изд-во “Атлант”», 2005. 248 с.

М. М. Юспа (Минск, Беларусь)

ФАКТОР ЯЗЫКА В КОЛЛЕКТИВНОМ СИМВОЛИЧЕСКОМ КАПИТАЛЕ ОБЩНОСТИ

В статье автор рассматривает язык с точки зрения его значения в коллективном символическом капитале человеческой общности. Необходимость такого исследования аргументируется тем, что в настоящее время человечество находится в парадигме столкновения цивилизаций, навязанной Западом. Это означает, что оппоненты могут искать слабые точки в обороне и язык представляется одним из направлений злонамеренного воздействия. В выводах указывается на нестабильное положение современной Беларуси с точки зрения языковых угроз коллективному символическому капиталу.

Ключевые слова: коллективный символический капитал; символический капитал; белорусский язык; русский язык; Союзное государство; национальная безопасность; информационная безопасность; гуманитарная безопасность; столкновение цивилизаций; культура.

In the article the author examines language from the point of view of its meaning in the collective symbolic capital of human community. The need for such a study is justified by the fact that humanity is currently in the paradigm of the clash of civilizations imposed by the West. This means that opponents can look for weak points in defense and language seems to be one of the directions of malicious influence. The conclusions point to the unstable situation of modern Belarus in terms of linguistic threats to collective symbolic capital.

Key words: collective symbolic capital; symbolic capital; Belarusian language; Russian language; Union State; national security; information security; humanitarian security; clash of civilizations; culture.

Текущие мировые события у неподготовленного зрителя могут вызвать ощущение полного хаоса, в котором каждый сам за себя и надежды на торжество логики тают каждый день, несмотря на, казалось бы, активные усилия мировых международных организаций и отдельных государств на установление хоть каких-либо правил взаимоуважения.

Но можно ли предположить, что наблюдаемые нами события на самом деле подчинены какой-то стратегии?

Если мы взглянем на Западную геополитическую научную мысль, в поисках ответа на этот вопрос, то на ум может сразу прийти работа американского исследователя Самюэля Хантингтона, изначально изданная в

виде статьи «Столкновение цивилизаций?» в журнале *Foreign Affairs* в 1993 году, а затем в 1996 году расширенная до книги «Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка» (англ. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*).

Данный труд стал ответом Самюэля Хантингтона на книгу его ученика Френсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек», выпущенную в свет в 1992 году.

Фукуяма утверждал, что с падением Советского Союза в результате проигрыша в Холодной войне должна установиться всемирная гегемония Запада с его либеральным миропорядком.

Хантингтон парировал, указывая, что рано говорить о конце истории, так как, по его мнению, человечество просто перешло на другой уровень конфронтации. Если в годы Холодной войны друг другу противостояли как он утверждает идеологические системы, то с её окончанием на сцену вышли целые цивилизации.

У любой цивилизации, представляющей из себя одну из разновидностей общностей, есть определённый набор знаний, который выступает связующим веществом, склеивающим все детали общностной мозаики.

Российский исследователь А. С. Панарин предположил, что этой базой данных общности выступает коллективный символический капитал, являющийся «копилкой общей памяти», в который входят такие элементы как местные обычаи, историческая память и наследие, традиции, образы героев и, безусловно габитусы – бессознательные запрограммированные реакции человека [1, с. 191-192].

Концепцию символического капитала А. С. Панарин взял у французского этнографа и социолога Пьера Бурдьё, формировавшего её в оккупированном французскими же войсками Алжире.

Бурдьё, наблюдая за воздействием элементов французского коллективного символического капитала на представителей кабилльского племени, написал работу «Практический смысл». Там он впервые ввёл понятие «символического капитала», определяя его как «капитал чести и престижа» и предполагая скорее репутацию [2, с. 231].

Отдельно от символического капитала рассматривались учёным габитусы. В них автор видел «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на неё и непременно овладение необходимыми операциями по ее достижению» [2, с. 102].

А. С. Панарин объединил эти элементы концепции Бурдьё и представил их как некую базу данных общности – её ключевые элементы, влияющие на развитие и самосознание.

Классики теории цивилизаций О. Шпенглер и Н. Я. Данилевский в цивилизационных общностях выделяют в качестве системообразующих элементов, формирующих прочное основание для стабильного развития, религию и язык (речь).

Освальд Шпенглер в своём труде «Закат Европы» аккуратно отмечает, что различные культуры (в его теории цивилизация является последней стадией развития культуры) не только говорят на разных языках, но также отличаются мыслительным процессом исходя из языковой принадлежности конкретной общности:

«Феномен других культур говорит на другом языке. Для других людей существуют другие истины» [3, с. 155].

Шпенглер многократно возвращается к фактору языка в развитии народа. В ознаменование важности и неразрывности путей народа и языка он приводит следующий довод:

«Раса может обойтись и без языка, однако уже сама речь – это выражение расы» [4, с. 354].

Неизменность логической связи «язык-народ» ещё до появления работы Освальда Шпенглера, которые мог вдохновиться их исследованиями, видели и представители других научных направлений. В первую очередь, конечно, это касается лингвистов и филологов.

Развитие изучения философии языка началось ещё до рождения указанных выше первых разработчиков теории цивилизации. К числу немецких первопроходцев можно отнести Августа Вильгельма Шлегеля, Иоганна Готфрида фон Гердера, Августа Шлейхера и, конечно, Вильгельма фон Гумбольдта.

Гумбольдт был неординарной личностью родом из дворянской семьи. Помимо происхождения своим успехом в науке он в том числе был обязан окружению, влиявшему на его взгляды (в число его ближайших сподвижников входили И. Гёте и Ф. Шиллер), и разносторонней работой. Жизненный опыт, приобретённый через практическую деятельность, не связанную с наукой, позволила ему подходить к решению исследовательских задач с большей широтой взглядов.

В своих работах на объект он смотрит через призму историко-философского восприятия мира в том числе Шеллинга. Такой подход позволяет Гумбольдту прийти к выводу, что в вопросах изучения языка необходимо исходить из того, что язык неразрывно связан с духом.

В выступлениях перед студентами Гумбольдт отмечает, что различные языки отличаются друг от друга не только символами, которые участвуют в создании слов. Исследователь в процессе работы приходит к выводу, «что различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» [5, с.370].

Развитие подхода в науке, рассматривающего связь языка с образом мысли приводит к появлению «гипотезы Сепира-Уорфа», разработчиками которой считаются американский антрополог Эдвард Сепир и его студент без степени – Бенджамин Уорф, увлекавшийся изучением индейских языков Северной Америки.

Авторы «гипотезы Сепира-Уорфа» предположили, что структура языка может оказывать решающее значение в мыслительных процессах человека и влиять на его восприятие мира, то есть приводить к иному «мировидению», если вспоминать слова Гумбольдта.

Гипотеза вызвала много споров между её последователями и противниками и распространила своё влияние на различные отрасли науки: философию, антропологию, филологию, психологию и прочие.

Единого мнения нет до сих пор. Однако одно исследование смогло немного перевесить чашу весов в сторону сторонников гипотезы. Речь идёт об опубликованной в журнале «Cognitive Psychology» (2001) научной статье «Формирует ли язык мышление?»: Представления носителей китайского и английского языков о времени», ставшей итогом исследования американского психолингвиста русского происхождения – Валерии Романовны Бородицкой.

В. Р. Бородицкая провела серию тестов с носителями английского и китайского языков с целью выяснить как их восприятие мира, заложенное языковыми навыками, влияет на скорость принятия решений при проведении простых операций. В результате было доказано, что «родной язык человека играет важную роль в формировании привычного мышления» [6].

Представители русскоязычной науки тоже понимают эти особенности мыслительного процесса общностей, формирующихся языком. Одним из исследователей данной проблематики ещё с советских времён является академик Российской академии наук Юрий Дереникович Апресян, которому принадлежат следующие слова:

«Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира; при этом выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, которая навязывается в качестве обязательной языковой модели всем носителям языка» [7, с. 350–351].

Как видно из представленного краткого анализа становления мысли о взаимосвязи народа и языка, который формирует его умстрой и восприятие мира, налицо прослеживается всё возрастающая уверенность научного сообщества из различных его сфер в том, что данная связь существует.

Если же мы взглянем на события, последовавшие за распадом СССР и даже ему предшествовавшие, то чётко увидим, что язык является одним из элементов коллективного символического капитала постсоветских государств, на который оказывается давление с целью разрушения общих цивилизационных оснований, ещё оставшихся со времён Союза.

Украинский случай с ограничением прав русскоязычного населения страны уже является хрестоматийным примером.

Беларусь тоже не стала исключением в этом правиле. После коллапса СССР гражданам страны попытались навязать язык, который они не считали родным, но позиция Президента, инициировавшего проведения республиканского референдума по языковому вопросу, смогла спасти государство от кризиса и возможного раскола.

Однако подобные попытки не прекращаются. После провала революционного движения лета-осени 2020 года белорусский язык стал одним из методов протеста и вошёл в коллективный символический капитал новой революционной общности.

Сегодня использование белорусского наряду с переходной формой православного христианства, помещённой в наш символический капитал польской властью, популяризируется в первую очередь в диаспоре, сформир-

ровавшейся из участников беспорядков 2020 года. В Беларуси же использование «мовы» стимулируется в среде симпатизировавших протестным настроениям.

Существуют также программы по возрождению польской идентичности с её символическим капиталом, которые до СВО имели форму регионального политико-экономического взаимодействия, дополняемыми образовательными, культурными и языковыми программами. Это поддерживается скрытыми и открытыми методами «воскрешения» белорусской «латинки» – формы облегченного перехода к польскому, которую жители Минска могут наблюдать каждый день при осуществлении поездки на работу.

Данные действия не носят ярко декларативный характер, но иногда происходят определённые оговорки. Так в июне 2021 года президент Польши Дуда, во время встречи с гражданами Республики Беларусь из новой диаспоры, о которой речь шла выше, заметил, что «мы все граждане одной республики» [8]. Польский лидер определённо понимал под этими словами Речь Посполитую, уже не единожды при помощи разных инструментов включавшую нашу территорию в свой состав.

Мы живём в максимально турбулентное время и для стабильного развития необходим прочный фундамент. Язык, как показывает данное исследование, является одним из краеугольных камней коллективного символического капитала общности, выступающим фактором единства народа и формирующим его идентичность.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Панарин А. С. Народ без элиты. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006. 352 с.
2. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкн, Н.А. Шматко; Отв. ред. и послесл. Н.А. Шматко/ СПб.: Алетея, 2001. 562 с.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. 663 с.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.
5. Гумбольдт Вильгельм Фон. Язык и философия культуры / Пер. с нем.: Левина М. И, Гулыга О. А., Михайлова А. В., Старостина С. А., Журиная М. А.; Сост., общ. ред. и вступ. статьи Гулыш А. В., Г. В. Рамишвили Г. В. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
6. Lera Boroditsky. Does Language Shape Thought?: Mandarin and English Speakers' Conceptions of Time // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/11856534_Does_Language_Shape_Thought_Mandarin_and_English_Speakers'_Conceptions_of_Time. (дата обращения: 02.11.2023).
7. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры». 1995. 766 с.
8. Дуда назвал поляков и белорусов гражданами «одной республики» // Газета Известия. URL: <https://iz.ru/1176425/2021-06-09/duda-nazval-poliakov-i-belorusov-grazhdanami-odnoi-respubliki>. (дата обращения: 04.11.2023).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

<i>Евчик Н. С.</i> Высшие символические обобщения просодии как основа семиотической обработки устной речи мозгом	4
<i>Катермина В. В.</i> Гендерная номинация человека в англоязычном неологическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект	9
<i>Романовская А. А.</i> Взаимосвязь античности и современности: метаморфизм древнегреческих констант	13
<i>Горожанов А. И., Гусейнова И. А.</i> Лингвистический корпус как инструмент генерации учебных материалов для формирования переводческих компетенций	19

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Гапанович Е. А.</i> Лингвокогнитивный феномен языковой нормы во французской национальной картине мира	23
<i>Грачева Л. А.</i> Концепт «женщина» в белорусских и французских паремиях: сопоставительный аспект	29
<i>Гунина И. А.</i> Об интегративном характере концепта «цифровая культура» (на материале английского и русского языков)	34
<i>Дудина А. М.</i> Прагма-семантический аспект метафоры во французских политических массмедийных статьях	39
<i>Зайцева А. В.</i> Концепт «ГДР» в немецкой языковой картине мира (на материале романа С. Берг «Habe ich dir eigentlich schon erzählt ... Ein Märchen für alle»)	44
<i>Захарова О. С.</i> Деинтенсификаторы отрицательной оценки в англоязычном аналитическом обзоре валютного рынка	50
<i>Козлова Т. А.</i> Количественный параметр оценки в семантике наименований моральных качеств	53
<i>Крат М. В.</i> Business buzzwords в историческом аспекте: семантика и специфика использования	60
<i>Курганова Н. И.</i> Параметры описания этнокультурной специфики концептов в языковом сознании россиян и французов	65
<i>Любецкая К. П.</i> Крыніцы беларускай навуковай мовы сельскай гаспадаркі пачатку ХХ ст. (1900-1920 гг.)	70
<i>Морозова Л. П.</i> О просодических средствах выражения модальности в специальных вопросах во французском языке	75
<i>Мухартова Д. А.</i> Когнитивные аспекты эргонимов-названий салонов красоты (на примере г. Белгорода)	81
<i>Новоселова О. В.</i> Коммуникативный конструкт как лингвокогнитивный инструмент для интерпретации предвыборных практик-угроз	86
<i>Романов А. А., Романова Л. А.</i> Вектор когнитивных мерностей коммуникативного метаконструкта «запугивание»	90
<i>Скалия Д.</i> Конструкции с глаголами <i>andare</i> и <i>venire</i> в итальянском языке: перифраз, псевдокоординация или сериализация?	94

<i>Солошенко М. А.</i> Концептуальная внутренняя форма как основа семантики глагола (на примере английского глагола <i>touch</i>)	99
<i>Устинович В. В.</i> Роль просодических характеристик тонального контура французского устного высказывания в дифференциации коммуникативного статуса подлежащего	104
<i>Шестакова Е. В.</i> Полярность оценки в дипломатическом дискурсе (на материале английского и русского языков)	108
<i>Шуманская А. В.</i> Концепты «мужчина» и «женщина» в языковом сознании россиян.....	113

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Бабук А. В.</i> Семиотика эмодзи в интернет-коммуникации	119
<i>Бартош Н. Н.</i> Грамматические формы глагола как средство смягчения категоричности высказывания (на материале французского языка)	124
<i>Бондарчук Л. Г.</i> Социолингвистические особенности гламурного жаргона во французском языке.....	130
<i>Бухтиярова С. А., Харитонова Е. Ю.</i> Языковая репрезентация цветов российского и французского триколора как самобытных феноменов культуры народов индоевропейской семьи языков	136
<i>Верезубова Е. Е., Фрейдсон О. А.</i> К вопросу о лингвокультурологических особенностях современного словообразования (на примере африканизмов во французском языке).....	141
<i>Гирко В. А.</i> Национальная идентичность дискурса медицинской профилактики: сопоставительный анализ медиатекстов.....	146
<i>Дацко Д. А.</i> Семантический потенциал современных немецкоязычных танка: аксиологический и лингвокультурный аспекты	153
<i>Козлова С. В.</i> Новые парадигмы терминологии.....	157
<i>Колесник С. А.</i> Особенности употребления инвективной лексики в современном испанском языке	162
<i>Кузнецова Л. А.</i> Формирование военно-педагогической идентичности курсантов военных институтов Росгвардии средствами иностранного языка	167
<i>Павловский В. А.</i> Этнографические лакуны и средства их элиминирования (на материале романа Андрея Макина «Французское завещание»)	171
<i>Пантелеенко О. А.</i> Лингвокультурологическая специфика названий улиц итальянского приграничья.....	176
<i>Петросян М. С.</i> Вербализация явления «стресс» через неологизмы.....	181
<i>Романкевич М. Н.</i> Вариативность типовой словообразовательной парадигмы зоонимов во французском языке.....	186
<i>Степанова Д. В.</i> Разработка метода генерации лингвистического корпуса инструментами обработки естественного языка – ход и результаты международного проекта.....	191
<i>Токаревич Н. М.</i> Неологизация лексики как современная тенденция динамики развития французского языка	195
<i>Тучинский А. В.</i> Функционирование безэквивалентной лексики в публицистическом и художественном дискурсах.....	201
<i>Халиуллина Д. А.</i> Лексические особенности оружейного дискурса (на материале русского и французского языков)	208
<i>Юсна М. М.</i> Фактор языка в коллективном символическом капитале общности	213

Научное издание

ЯЗЫК–СЕМИОТИКА–КУЛЬТУРА

Сборник научных статей
по итогам международной научной конференции

Минск, 20–21 ноября 2023 года

В двух частях

Часть первая

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. М. Дудина*

Компьютерная верстка *Е. А. Запеко*

Подписано в печать. 29.10.2024. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 12,73. Уч.-изд. л. 15,81. Тираж 50 экз. Заказ 38.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск